

№ 2(10)'2022

научный рецензируемый журнал

КАНТ

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES
SERIES

10. 00. 00 PHILOLOGICAL SCIENCES
17. 00. 00 ART STUDIES
22. 00. 00 SOCIAL SCIENCES
23. 00. 00 POLITICAL SCIENCE
24. 00. 00 CULTURAL STUDIES

ISSN 2305-8757

МЫ ПРИДУМЫВАЕМ ПРАВИЛА НА ХОДУ:
ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АСПЕКТ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ • МОРАЛЬ –
ВРОЖДЕННОЕ ИЛИ ПРИОБРЕТЕННОЕ СВОЙСТВО
ЧЕЛОВЕКА? • ОБЗОР УСЛОВИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО
ДОВЕРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ • СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕКАРИАЛЬНЫХ РАБОТ
• ГРАФИЧЕСКИЙ ЮМОР КОМИКСА «ХАРМСИНИАДА»
АЛЕКСЕЯ НИКИТИНА

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований за счет средств издательства по следующим отраслям наук:

10.00.00 Филологические науки, 17.00.00 Искусствоведение, 22.00.00 Социологические науки, 23.00.00 Политические науки, 24.00.00 Культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО "Издательство
СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Абдуллаева Рена Габип кызы, д-р искусствоведения, проф., Институт архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доц., Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Буксикова Ольга Борисовна, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Грacheв Сергей Иванович, д-р полит. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Комуцки Людмила Владимировна, д-р филолог. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Костина Анна Владимировна, д-р культурологии, д-р филос. н., проф., Московский гуманитарный университет (Москва)

Лю Сяоянь, д-р филолог. н., проф., Полицияская академия при Министерстве общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н., проф., Северо-Кавказский социальный институт (Ставрополь)

Петров Владимир Николаевич, д-р социологических наук, проф., Кубанский государственный университет (Краснодар)

Праххакара Джатъяло Рао, профессор лингвистики, Центральный университет Хайдерабада (Хайберабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р искусствоведения, проф., этномышкетед, Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулагаб оглы, д-р искусствоведения, проф., Национальной академии наук Азербайджана, член-кор. Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

Сраджев Виктор Пулатович, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Шемякина Мария Константиновна, д-р культурологии, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2022, № 2(10), 1-100 с.

Выпускающий редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректур К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.04.2022. Выход в свет 20.05.2022. Формат 70 x 100¹/₈. Бумага офсетная.

Гарнитура MypiaPro. Печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 100 экз. Заказ № 583. Свободная цена.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanitarian фокусируется на специальных и общих теоретико-методологических подходах, характерных для социально-гуманитарных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева

Содержание

Бертинетто А., Бертрам Г.В. Мы придумываем правила на ходу: импровизация как неотъемлемый аспект человеческой деятельности -----	4
Истомин В.И. Мораль – врожденное или приобретенное свойство человека? -----	30
Тальяферри М. Обзор условий межличностного доверия в Интернете -----	36
Истомин В.И., Гуреев А.Н., Свешников В.Ю. Социальная адаптация представителей прекариальных работ -----	67
Чуйкова В.В. Графический юмор комикса "Хармсиниада" Алексея Никитина -----	89

Contents

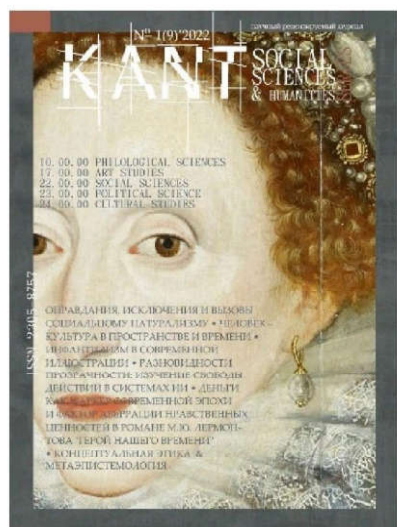
Bertinetto A., Bertram G.W. We make up the rules as we go along: Improvisation as an essential aspect of human practices -----	4
Istomin V.I. Is morality an innate or acquired property of a person? -----	30
Tagliaferri M. Reviewing the case of online interpersonal trust -----	36
Istomin V.I., Gureev A.N., Sveshnikov V.Y. Social adaptation of representatives of precarious works -----	67
Chuikova V.V. Graphic humor of the comic "Harmsiniada" by Alexey Nikitin -----	89

МНОГОМЕРНОСТЬ ПЕРЕВОДНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

О редакционной политике журнала "KANT: Social science & Humanities" в отношении переводной литературы, ее роли и дополнительных смыслах, которые она несет, а также о значении обзорных статей, которые систематизируют и приводят анализ публикаций, вышедших за последние два-три года по избранной проблематике.

Нет ничего грандиознее, как считают переводчики, чем перевести книгу, статью, мысль или идею с одного языка на другой, установив тем самым мост взаимопонимания, заложив основу глубинного освоения мира. Страницы, которые были написаны в контексте определенного языка и, следовательно, исторически и культурно специфичны, благодаря переводу находят место в ином языковом пространстве, на которое воздействуют, разумеется, иначе, и обретают дополнительные смыслы, обрастают интертекстуальными связями. Затем страницы ищут читателей, которых они не смогли бы ни найти, ни встретить без помощи переводчиков.

2

скачать

Актуальный номер №1(9) 2022

ОПРАВДАНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОМУ НАТУРАЛИЗМУ • ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС • ИНФАНТИЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ • РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЗРАЧНОСТИ: ИЗУЧЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМАХ ИИ • ДЕНЬГИ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ И ФАКТОР АБЕРРАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» • КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭТИКА, МЕТАЭПИСТЕМОЛОГИЯ И НОРМАТИВНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

[подробнее](#)

Переводчики действуют как перевозчики, которые всякий раз – с каждым новым текстом – пересекают реку отсутствия и забвения; река, которая всегда предшествует им. Но всё редко бывает так просто, когда переводной текст оказывается в руках читателя. Предположим, он встречается упоминание о "где-то еще", о чем-то, на что каждый язык, а точнее культура имеет свое собственное представление. И тогда уже, исходя из этого собственного представления, он выстраивает цепочку логических рассуждений дальше, и по сути всё дальше и дальше от того, что этим "где-то еще" хотел сказать автор, и даже от того, что близко к оригиналу попытался передать переводчик. И

именно по этой причине, по причине того, что переводы дают возможность как приближаться к мысли автора, так и отодвигаться от нее на сколь угодно разное расстояние, все переводы важны до того момента, как все языки и все культуры открыты к диалогу.

Помимо внимания редакции журнала "KANT: Social science & Humanities" к переводной литературе редакционная коллегия заинтересована в обзорных статьях, которые систематизируют и приводят анализ публикаций, вышедших за последние два-три года

по избранной автором публикации проблематике. Оплата за публикацию научных обзоров не взимается.

Научные обзоры постоянно питают новые исследования, которые в свою очередь питают научные обзоры. Дело в том, что одно действует как сила над другим, и именно это заставляет науку, как глобальную дисциплину, постоянно развиваться и развиваться. Написание обзора может быть очень полезным не только для самого исследователя, чтобы лучше разобраться в проблематике, но и для научного сообщества в целом.

WE MAKE UP THE RULES AS WE GO ALONG: IMPROVISATION AS AN ESSENTIAL ASPECT OF HUMAN PRACTICES

Bertinetto Alessandro, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, University of Turin, Turin, Italy

Bertram Georg W., Lecturer, Institute for Philosophy, Free University of Berlin, Berlin, Germany

The article presents the conceptual groundwork for an understanding of the essentially improvisational dimension of human rationality. It aims to clarify how we should think about important concepts pertinent to central aspects of human practices, namely, the concepts of improvisation, normativity, habit, and freedom. In order to understand the sense in which human practices are essentially improvisational, it is first necessary to criticize misconceptions about improvisation as lack of preparation and *creatio ex nihilo*. Second, it is necessary to solve the theoretical problems that derive from misunderstandings concerning the notions of normativity, habit, and freedom – misunderstandings that revolve around the idea that rationality is a form that is developed out of itself and thus works in a way similar to algorithms. One can only make sense of normativity, habit, and freedom if one understands that they all involve conflictual relationships with the world and with others, which in turn enables one to adequately take into account their constitutive connection to improvisation, properly understood. In outlining these conceptual connections, we want to prepare the foundations for an explanation of rational practices as improvisational practices. The article concludes by stating that human rational life is improvisatory because the conditions of human practice arise out of practice itself.

Keywords: improvisation; rationality; normativity; habit; freedom; algorithm; unexpected; plasticity; transformation; anthropology.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-10.1

УДК 123.1

ВАК 5.10.1/ 24.00.01

МЫ ПРИДУМЫВАЕМ ПРАВИЛА НА ХОДУ: ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АСПЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© **Бертинетто А.**, 2022
© **Бертрам Г.В.**, 2022
© **Григорьева М.А.**, перевод
с англ., 2022

Bertinetto A., Bertram G.W. We Make Up the Rules as We Go Along: Improvisation as an Essential Aspect of Human Practices // Open Philosophy, vol. 3, no. 1, 2020, pp. 202-221.

Перевод с английского кандидата полит. н. М.А. Григорьевой

БЕРТИНЕТТО

Алессандро, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Туринского университета, Турин, Италия

БЕРТРАМ Георг В., преподаватель, Институт философии, Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

В статье представлены концептуальные основы понимания сущностно-импровизационного измерения человеческой рациональности. Исследование направлено на то, чтобы прояснить, как нам следует думать о важных концепциях, относящихся к центральным аспектам человеческой практики, а именно о концепциях импровизации, нормативности, привычки и свободы. Для того чтобы понять, в каком смысле человеческие практики по своей сути импровизационны, в первую очередь необходимо подвергнуть критике неверные представления об импровизации как о недостаточной подготовке и *creatio ex nihilo* (с лат. творение из ничего). Во-вторых, необходимо решить теоретические проблемы, возникающие из-за неправильного понимания понятий нормативности, привычки и свободы – неправильного понимания, вращающегося вокруг идеи о том, что рациональность – это форма, которая развивается из самой себя и, таким образом, работает подобно алгоритму. Можно понять нормативность, привычку и свободу, только если понять, что все они связаны с конфликтными отношениями с миром и с другими, что, в свою очередь, позволяет адекватно учитывать их конститутивную связь с правильно понятой импровизацией. Обрисовывая эти концептуальные связи, мы хотим подготовить основания для объяснения рациональных практик как импровизационных практик. Статья завершается утверждением, что человеческая разумная жизнь импровизирована, поскольку условия человеческой практики возникают из самой практики.

Ключевые слова: импровизация; рациональность; нормативность; привычка; свобода; алгоритм; непредвиденный; пластичность; трансформация; антропология.

1. Введение

Согласно Канту, человеческая рациональность должна пониматься в терминах самозаконотворчества. Разумные животные,

т. е. люди, устанавливают для себя нормы и подчиняют этим нормам свое поведение. Кант считает, что эта фундаментальная структура объясняет, что такое свобода. Но можно предположить, что при этом он впадает в то, что в последние годы обсуждалось как "кантианский парадокс": [1] разум связывает себя нормами, которые он сам себе дает; таким образом, эти нормы основаны на беззаконии. Осуществляя то, что Гегель называет "абсолютной свободой", [2] разум подчиняется нормам, которые затем должны связывать разумное поведение. Но как могут нормы связывать разумных животных, если эти нормы основаны на акте неограниченности и произвола?

Кантианский парадокс ставит перед нами общий вопрос: как можно трактовать структуру связанности самоданными нормами как концепцию свободы? Или, проще говоря: как в объяснении разума совместимы между собой ограниченность и свобода? Цель этой статьи состоит в том, чтобы показать, что рассматриваемая совместимость может быть объяснена, если понимать самозаконодательство разума не в терминах первоначального подчинения нормам, а как подчинение тому, что снова и снова возобновляется в контексте рациональных действий. Соответственно, самозаконодательство следует понимать в постоянно происходящем обновлении и изменении норм, которым подчиняется собственное поведение. Это позволит нам неявно показать, что парадокс Канта является результатом несостоятельной концепции рациональных норм. В соответствии с несостоятельностью данной концепции рациональные нормы неизменно действительны, как только они установлены. Но мы попытаемся доказать, что нормы, которыми руководствуются рациональные практики, подлежат постоян-

ному пересмотру. Эти нормы? – и их примеры бесчисленны: правила приема пищи, правила приветствия, правила дорожного движения, дресс-код, языковые обычаи, разговорные условности, художественные стили и т. д. – постоянно развиваются, трансформируются и меняются.

ИЗВЕСТНОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ
ВИТГЕНШТЕЙНА
ПРЕКРАСНО ОТРАЖАЕТ ТО,
ЧТО МОЖНО БЫЛО БЫ
НАЗВАТЬ ГИБКОСТЬЮ
НАШЕГО РАЦИОНАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ: "МЫ
ПРИДУМЫВАЕМ ПРАВИЛА
ПО ХОДУ ДЕЛА".

[3] Известное изречение Витгенштейна прекрасно отражает то, что можно было бы назвать гибкостью нашего рационального поведения: "Мы придумываем правила по ходу дела".

[4] Теоретическая основа такого описания человеческого разума лежит в поня-

тии импровизации. Придумывание правил на ходу – это, по определению, импровизационная практика. Наше главное утверждение состоит в том, что люди устанавливают нормативные практики, импровизируя в ситуациях, которые они переживают, – явление, хорошо иллюстрируемое художественной импровизацией.

Однако цель следующих размышлений не в том, чтобы предложить подробное описание рациональных практик как импровизационных практик. Цель статьи более скромная и предварительная: она состоит в том, чтобы дать исследование концептуальных условий, необходимых для понимания рациональности с точки зрения импровизации. Самые серьезные теоретические проблемы здесь возникают из-за заблуждений, которые мешают нам увидеть, как можно было бы объяснить человеческие практики как импровизационные. На наш взгляд, особое значение имеют четыре заблуждения, связанные с концепциями (а) импровизации, (б) нормативности, (в) привычки и (г) свободы.

(а) Согласно неправильному пониманию импровизации, она включает события, которые не подготовлены и не определены. Такое понимание опирается на жесткое раз-

личие между планом, таким как музыкальное произведение, и импровизацией. В отличие от исполнения сочинений и действий, выполняющих детальные планы, предполагается, что импровизированные выступления не подчиняются правилам, носят спонтанный характер и возникают как бы "на ровном месте".

(б) Общепринятая, но, на наш взгляд, ошибочная точка зрения характеризует нормативность следующим образом: человеческие практики направляются, регулируются и стабилизируются нормами. В этих практиках импровизация вступает в игру только в том случае, если нет доступных руководящих норм. Кантовское различие определяющих и отражающих суждений представляет собой хороший философский пример такого мышления. Согласно Канту, определяющие суждения применяют заранее установленные нормы, тогда как рефлексивные суждения устанавливают нормы в тех случаях, когда руководящих норм нет. [5]

(в) Третье представление, которое мы хотим подвергнуть критике, состоит в том, что привычки – это автоматизмы, которые призваны облегчить нашу повседневную жизнь. Эта точка зрения часто предназначена для того, чтобы избежать чрезмерно интеллектуализированной концепции повседневных практик. [6] Для его сторонников привычки – это воплощенные, бессознательные склонности к повторению одной и той же последовательности действий, что приводит к заключению, что привычки свободны от всех ограничений. Нежелательным для нас следствием этой мысли является то, что она устанавливает резкое противопоставление привычек и импровизаций: как можно догадаться, в отличие от привычек этот взгляд подразумевает, что импровизации не облегчают наше существование, что они состоят в том, чтобы предложить что-то новое в постоянно переопределяющих практиках, и поэтому они включают в себя постоянные, напряженные размышления о нашем отношении к изменяющемуся миру.

(г) Наконец, согласно ложному пониманию свободы, мы действуем свободно, если действуем самоопределяющимся образом. С этой точки зрения источником свободы является действующий субъект. Действовать свободно, как гласит история, означает спонтанно определять ход своих действий. Как следствие, эта точка зрения проводит жесткое различие между действием в соответствии с определяющими извне силами и действием спонтанно по своей воле. Соответственно, импровизация видится как выражение этого второго вида действия и, таким образом, рассматривается как не связанная внешними ограничениями (что, очевидно, неверно).

Данная статья призвана продемонстрировать, как можно преодолеть эти заблуждения, чтобы расчистить путь к правдоподобию взгляду на человеческие практики как на рациональные, но в то же время импровизационные. Во-первых, мы предложим более обоснованное, реалистическое понимание импровизации как хорошо подготовленного события. Следующие три шага будут заключаться в наброске концепций нормативности, привычки и свободы, способных адекватно объяснить их внутренне импровизационные аспекты. В свою очередь, мы утверждаем, что важные аспекты человеческих практик (нормативность, привычка и свобода) могут быть адекватно поняты, только если во внимание будет принята их конститутивная связь с импровизацией. В конце концов, эти скорректированные концепции нормативности, привычки и свободы закладывают основу для объяснения рациональных практик как импровизационных. Как мы увидим, для этого потребуются прояснить диалектическую структуру, лежащую в основе как импровизации, так и трех других аспектов человеческой практики.

2. Импровизация

Сначала нам нужно прояснить некоторые недоразумения относительно импровизации, поскольку не может быть никаких со-

мнений в том, что широко распространенные предположения о природе импровизации представляют собой наиболее серьезное препятствие для понимания по существу импровизационной природы человеческой практики. Два момента особенно важны. Во-первых, нам следует задуматься о том, каким образом импровизация неразрывно связана с элементом случайного, поскольку диалектика готовности и неподготовленности является ключом к импровизации. Во-вторых, мы хотим осветить изначально нормативное измерение импровизации. Это означает правильное понимание оценочного аспекта импровизационных взаимодействий.

(1) Импровизация обычно понимается как совпадение изобретения и исполнения. Спектакль (например, музыкальное представление) является импровизированным, если то, что производится действиями исполнителей (звуками, жестами, движениями и т. д.), не является результатом выполнения заранее определенного плана действия (например, партитуры), а напротив, изобретается "на месте". Однако этот аспект импровизации понимается неверно, если считать, что импровизация есть *creatio ex nihilo* (с лат.: "творение из ничего"), выражение безграничного творчества. [7] Чтобы избежать этого заблуждения, нам необходимо пролить свет на предпосылки, необходимые для успешной импровизации (что бы это ни значило). Импровизаторы должны иметь опыт в рамках культурных референтных рамок. [8] В контексте импровизированных представлений творчество изобретательства может проявиться только в том случае, если подготовка и ряд культурных, социальных, технических и материальных ограничений открывают для него надлежащее пространство. В этом смысле "импровизация – это не импровизация". [9] Именно это имел в виду саксофонист Ли Конитц, когда ска-

"ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ГОТОВЫ БЫТЬ
НЕПОДГОТОВЛЕННЫМИ"

зал, что "вы должны быть готовы быть неподготовленными". [10] Например, в мире музыки музыканты-импровизаторы должны знать, как реагировать на музыкальные события, которые в определенной степени непредсказуемы. Следовательно, подготовка, которая включает, помимо прочего, приобретение определенных навыков путем обучения, повторения и имитации, а также знакомство с практикой и ее конкретным культурным контекстом, является (а) одновременно предварительным условием и неотъемлемым аспектом импровизации. Однако (б) сами навыки, являющиеся предпосылками импровизации, не являются внешними по отношению к импровизационной практике как некая самостоятельная основа. Скорее, они формируются и в то же время подвергаются сомнению и трансформируются внутри и посредством практики, предпосылкой которой они являются. Как

мы увидим, это позволяет нам понять (в) способы, которыми импровизация порождает случайность (а не предполагает ее).

Подготовка является необходимым условием импровизации, так как без подготовки импровизаторы не могут должным образом справиться с непредвиденными ситуациями, возникающими во время выступления. [11] Таким образом, импровизаторы должны быть "хорошо вооружены" навыками; это относится как к бытовой, так и к художественной импровизации. Например, музыканты-импровизаторы должны уметь играть на музыкальном инструменте. Более того, они должны знать стили, условности и приемы определенной художественной практики или жанра. Но одна эта тренировка не помогает им справиться с событиями случайного характера, которые могут произойти во время импровизации. Таким образом, навыки следует понимать как состоящие не только в технической и стилистической подготовке, но и в умении адекватно реагировать

на случайное, незапланированное. Эти способности приобретаются посредством активного и повторяющегося воздействия на практику, то есть путем практического обучения, а не посредством теоретического обучения. Это компетенции, приобретаемые в процессе работы: "обучение через действие". [12] Следовательно, мы понимаем умение как воплощенное "процедурное знание" (в смысле "знание как" [13]). Приобретение навыка происходит в рамках практики и как практика. [14]

(а) Однако, если импровизаторы только повторяют заранее установленные, стереотипные формулы, мы считаем их неудачными. Таким образом, навыки импровизаторов должны быть пластичными [15] именно потому, что им приходится приспосабливаться к конкретным, непредвиденным обстоятельствам. Естественно, навык приобретается путем его выполнения. Однако это понимание ясно показывает, что выполнение навыка также включает в себя постоянное (не)обучение этому навыку, потому что конкретная работа с конкретными и непредвиденными исполнительскими ситуациями оказывает рекурсивное влияние на развитие "ноу-хау" импровизации. Короче говоря, это часть его развития как художественной практики. Наличие определенного ноу-хау является не только предварительным условием практики, но и (пере)формируется импровизационными практиками, которые, таким образом, вводят в игру свои собственные предварительные условия. То, как исполнители справляются (более или менее успешно) с (более или менее) неожиданными ситуациями каждого выступления, задним числом способствует (преобразованию) формированию их навыков. То есть, импровизаторы не изучают технику раз и навсегда по той простой причине, что каждая конкретная ситуация, в которой применяется тот или иной навык, специфична и не может быть предвидена заранее. Поскольку каждая ситуация требует определенного ответа, она требует и опре-

деленной адаптации, а, следовательно, развития навыка. Например, трубач играет с "новым" саксофонистом. По этой причине трубач должен, хоть и немного, приспособить свою манеру игры к этой новой ситуации (например, изменив интонацию своего инструмента), возможно, отказавшись от условностей и приемов, на которые он привык полагаться. Мало того: импровизаторы, чтобы быть творческими, также намеренно стараются перестать использовать исполнительские навыки, кристаллизовавшиеся в поведенческие привычки. Как и в случае с попыткой Марселя Дюшана "*забыть [своей] рукой*" для создания своих зрелых произведений, этот акт разучивания себя иногда может служить сознательным и явным художественным ресурсом (даже в искусствах, которые не являются специально импровизационными). [16]

(б) Другой аспект диалектического отношения между подготовленностью и неподготовленностью, который имеет особое значение, – это то, что можно было бы назвать эпистемическим парадоксом импровизаторов: [17] импровизаторы одновременно обладают знаниями и лишены знаний. Перед выступлением они умеют делать, но не знают, что делать (несмотря на то, что, как мы только что видели, даже конститутивные для импровизации навыки перерабатываются импровизациями). Они знают, как играть на инструменте, декламировать или танцевать, но у них нет предопределенного знания о том, что конкретно они будут делать во время игры, декламации или танца. В противном случае они бы не импровизировали, а выполняли план. И в самой импровизации знание и незнание стоят рядом. Импровизаторы обладают, как мы видели, процедурным знанием исполнительской практики, в которую они вовлечены, но они не знают, каково именно правильное действие в конкретный момент импровизации. [18] Знать, как что-то делать, – это не то же самое, что знать, что конкретно нужно делать. Тот, кто действительно импровизиру-

ет, не имеет вполне определенного представления о том, что он должен делать, даже если, обладая соответствующим умением, он знает, как это сделать. Следовательно, конкретные цели и намерения не предшествуют импровизированному действию, а возникают и развиваются через и благодаря самому действию. В импровизации план действия формируется самим действием, в соответствии со спецификой ситуации, к которой должны приспособиться исполнители. [19]

в) Это объяснение позволяет нам объяснить важнейший аспект диалектики подготовленности и неподготовленности в импровизации. Импровизация позволяет генерировать случайность, новое. [20] Неправильное представление об импровизации, обсуждавшееся выше, создает впечатление, что неожиданность была просто одним из предварительных условий импровизации. Соответственно, импровизация потребует не только знания того, как действовать в рамках заданных ограничений, но также подразумевает столкновение с неожиданными ситуациями и с тем, с чем мы не знаем, как справиться, что, в свою очередь, повлечет за собой импровизационные действия. Но это ошибочно.

Основой импровизации является не знание того, что делать, а скорее обучение тому, как не знать, что делать, развитие навыков, позволяющих распознавать и оценивать перформативные события не как внешние помехи, а как открывающиеся перед нами новые возможности. [21] Таким образом, навыки, необходимые для импровизации, следует понимать как влекущие за собой чувствительность к непредвиденным событиям. Если исполнителям не хватает этой чувствительности, они могут только повторять стереотипные, отработанные шаблоны. Эта чувствительность нужна для узнавания чего-то неожиданного и для того, чтобы сделать его продуктивным для развития импровизации. Поскольку что-то может быть неожиданным только по отношению к ка-

кому-то ожиданию в игре, мы должны понимать случайное как конститутивно связанное со способностью распознавать его и реагировать на него, т. е. с умением, которое не просто выражает себя в стереотипном повторении. Таким образом, как познавательные, так и практические ресурсы импровизации, случайность (или настоящее "начало", как выразился бы Янкелевич) [22] также не является внешней предпосылкой того, что значит импровизировать. Скорее, случайность следует понимать как результат импровизации, который восходит к самой практике импровизации. [23] В этом смысле импровизацию следует понимать как упражнение фронезис: способность практически хорошо обдумывать, как действовать в соответствии с конкретными требованиями конкретной ситуации, способность, которая может изменить ход импровизации. [24]

Рассматриваемое диалектическое отношение можно выразить оксюмороном: случайность – это то, с чем мы ожидаем столкнуться в импровизации. Менее оксюмороно это означает, что именно конкретное развитие импровизационного процесса позволяет или не позволяет исполнителям рассматривать "что-то, что произошло" [25] как возможность для того, чтобы взять исполнение в новом направлении, интегрировать его в исполнение, и тем самым создать новое. В гегелевских терминах предпосылка(и) процесса работает(ют) как таковая(ые) только в том случае, если они постулируются процессом/внутри него. [26] Конкретное развитие перформанса закичивается на его предпосылках, трансформируя их значение в контексте конкретного перформанса. Таким образом, импровизация – это автопоэтический процесс, производящий свои собственные элементы. [27] Вот почему конкретный смысл импровизации, ее "нормативное содержание" (как мы назовем его в разделе 5) возникает из разного рода взаимодействий. Следовательно, чтобы лучше понять, что требуется для того, чтобы что-

то неожиданное могло служить основой для конкретного действия, мы должны пролить свет на интерактивное измерение импровизации.

(2) Импровизации состоят из взаимодействий. [28] Даже солисты должны взаимодействовать с контекстуальными обстоятельствами выступления, такими как пространство, в котором происходит представление, и его акустика, и аудитория, и культурная структура события, что порождает ожидания в отношении музыки. И им приходится взаимодействовать с ресурсами своей практики, такими как собственные навыки, стиль, художественное призвание и профессиональная карьера. Например, солисты взаимодействуют с музыкальным инструментом, на котором они играют, по-разному реагируя на предоставляемые им возможности и ища различные способы его использования. [29] Но они также взаимодействуют с культурными традициями своей художественной практики, по-разному обращаясь к ней, продолжая ее, присваивая ее, (пренебрегая) ее использованием, продолжая ее или отклоняя ее.

Однако наиболее очевидными и приемлемыми взаимодействиями в импровизированных выступлениях являются те, которые происходят между исполнителями в групповой импровизации. Исполнители одновременно являются производителями и получателями: пока они действуют, они также должны воспринимать то, что делают их коллеги-исполнители. Их действия являются реакцией на то, что делают другие, и они, в свою очередь, обеспечивают возможности для действий других. Более того, их действия, именно как ответные реакции на действия других участников им-

провизации и, соответственно, ответные реакции других участников, носят оценочный характер. [30] Например, определенную мелодическую линию, которую пианист играет в ответ на ритмический рисунок, предложенный басистом, можно рассматривать как перформативную оценку действия басиста, побуждающую его продолжить взятую музыкальную линию, или изменить направление этой линии, или вовсе прервать эту линию. Басист, также оценивая то, что делает пианист, может принять или отклонить его приглашение, сотрудничая или контрастируя с его музыкальным предложением. В ходе исполнения непрерывные оценки различных его моментов выражаются им-

провизаторами в форме перформативных вкладов. Эти оценки не являются созерцательными, но имеют перформативную силу: [31] они влияют на течение музыкального произведения, направляя принимаемые решения (часто бессознательно) и продвигая мелодию вперед.

Внутренняя связь между исполнением и оценкой может рассматриваться как выражение нормативного измерения импровизации. Импровизаторы имеют общий, или более или менее общий (культур-

ный, художественный и стилистический) фон, который обеспечивает их концептуальными схемами, благодаря которым они могут представлять и оценивать текущую ситуацию и решать задачи, которые встают перед ними. [32] Однако референциальная структура, направляющая ожидания исполнителей (и зрителей) и задающая нормы смысла происходящего, является одним из предварительных условий импровизационного спектакля. И, как мы только что видели, импровизация перформативно вписыва-

ИМПРОВИЗАЦИИ СОСТОЯТ ИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.

[28] СКАЖЕМ, СОЛИСТЫ ДОЛЖНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С КОНТЕКСТУАЛЬНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ВЫСТУПЛЕНИЯ, ТАКИМИ КАК ПРОСТРАНСТВО, В КОТОРОМ ПРОИСХОДИТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ЕГО АКУСТИКА, АУДИТОРИЯ И КУЛЬТУРНАЯ СТРУКТУРА СОБЫТИЯ, ЧТО ПОРОЖДАЕТ ОЖИДАНИЯ В ОТНОШЕНИИ МУЗЫКИ.

ется в эту структуру. Это означает, что структура не является устойчивой и статичной. Скорее, она динамична и меняется (или может меняться) во время выступления. На самом деле она возникает во время исполнения таким образом, что выходит за рамки субъективных намерений исполнителей. Но почему меняются нормативные рамки спектакля? Причиной такой динамичности нормативности импровизационных практик как раз и является оценочное измерение самого спектакля. То, что делают другие участники импровизации, накладывает ограничения на тех, кто реагирует на это во время импровизационного взаимодействия, тем самым функционируя как (своего рода) норма. Каждое действие и жест (например, в музыкальном спектакле конкретная аккомпанирующая фигура, которую играет барабанщик) способствует формированию нормативного контекста импровизации, поскольку становится ограничением для деятельности других исполнителей. В свою очередь, его смысл и нормативная сила конфигурируются тем, как на него реагируют другие исполнители. [33]

Таким образом, мы сталкиваемся с той же концептуальной структурой, уже подчеркнутой в отношении связей между подготовленностью и неподготовленностью, планом и действием, импровизацией и случайностью. Нормы, которыми руководствуются импровизированные представления, не просто предшествуют им, а устанавливаются в их конкретном развитии, а это означает, что референтный контекст исполнения непрерывно воссоздается в ходе самого исполнения. [34] Каждое действие и жест ограничивают и заблаговременно формируют значение будущих действий и жестов, и, соответственно, значение каждого прошедшего момента или знака может измениться в зависимости от того, что произойдет позже. [35] Следовательно, нормативность производительности постоянно находится в движении. Чтобы лучше понять это, мы должны проанализировать само понятие нормативности.

3. Нормативная практика

В разделе 1 мы выяснили, что распространенное заблуждение о нормативности требует от нас различать практики, которые руководствуются стабильными нормами, и практики, в которых нет никаких руководящих норм, поэтому необходимо сначала установить их, чтобы практика начала работать. [36] Наша позиция против этого заблуждения состоит в следующем: руководящие нормы человеческих практик основаны на динамических отношениях между нормоориентированными субъектами и миром и, в частности, на взаимных отношениях между различными констелляциями индивидов и групп (или коллективных агентов). Нормативные практики функционируют в той мере, в какой они открыты для развития и преобразований, иницируемых миром и особенно другими индивидуумами и коллективными агентами. Если нормативным практикам не хватает этой открытости, они "застывают", тем самым теряя свою нормативную силу, поскольку их руководящие нормы уже не справляются с реальностью и потому становятся неприменимыми. Чтобы поддержать эти утверждения, мы будем (1) отстаивать представление о том, что мир играет роль в динамическом конституировании норм, и (2) повторно проследить важность взаимодействий между людьми для динамики конституирования норм. На этом фоне мы сможем (3) осветить импровизационное измерение нормативности.

(1) Каждая концепция нормативности должна иметь дело с проблемой применения. Витгенштейн превосходно объяснил эту проблему, указав на угрозу бесконечного регресса. Если мы понимаем, что применение нормы отделено от применяемой нормы, нам нужна вторая норма, чтобы преодолеть разрыв между нормой и ее применением, что, в свою очередь, требует третьей нормы, которая устраняет разрыв между этой второй нормой и ее применением, и так до бесконечности. [37] Для того, чтобы избежать такого регресса, нормы следу-

ет понимать как навязываемые в самом их применении и через него. Согласно уроку Витгенштейна, нормы эффективны и действительно реальны только благодаря их применению. Следовательно, применение нормы необходимо для установления и повторной реализации нормы. Нормы являются тем, чем они являются, благодаря их применению, а неприменимые нормы, т. е. нормы, действующие только "на бумаге", не являются нормами, собственно говоря, потому что они ничего не нормируют. Таким образом, объяснение того, что такое нормы, должно быть сосредоточено на том, что значит применять норму. [38]

Теперь каждое применение нормы должно иметь дело с реальной конкретной ситуацией, к которой эта норма применяется. Однако нормы вытекают из конкретных ситуаций и не могут таким же образом применяться к новым ситуациям. Это не программы, которые автоматически – и успешно – активируются в одних и тех же обстоятельствах навсегда, хотя бы по той простой причине, что обстоятельства всегда меняются и каждая новая ситуация, к которой применяется норма, меняет саму норму. Норма должна быть адаптирована к изменяющейся ситуации: следовательно, мы должны думать о цепочках приложений как о постоянном развитии и преобразовании рассматриваемой нормы. Это означает, что нормы не безразличны к миру. Наоборот, нормы определяются миром и его изменениями, тем самым сами претерпевая изменения. Назовем это измерение нормы *обмирченностью норм*. [39]

(2) Второй конститутивный источник развития норм заключается во взаимодействиях между индивидуумами, применяющими рассматриваемые нормы. Это особенно ярко проявляется в случае судей, применяющих нормы к конкретным делам. Если судья утверждает, что норма актуальна для конкретного дела (короче говоря, "первое решение"), другие судьи будут оценивать то, что было вынесено. Если эти другие судьи со-

считают первое решение убедительным, они подтвердят его и сделают прецедентом для своих собственных решений. Они продолжают применять норму в том виде, в каком она была сформирована первым приговором. Но если другие судьи не согласны с первым судьей, они не позволят первому решению повлиять на их собственные суждения – ?или, в качестве другой реакции, отнесутся к нему отрицательно. В таких случаях первое судебное решение будет исключено или воспринято без резонанса. [40]

То, что относится к судьям, применимо и к другим субъектам, использующим нормы во всех нормативных областях, включая понимание и использование понятий. [41] Тот, кто говорит о "бедности" в отношении конкретных людей или ситуаций, сталкивается с реакцией других на то, что он говорит. Либо они согласятся с рассматриваемым приложением и будут считать его релевантным для своих собственных способов употребления понятия "бедность", либо отвергнут использование понятия в конкретной ситуации и не будут опираться на него, когда им придется столкнуться с рассматриваемым понятием. Например, у одного человека может быть определенный стандарт богатства и бедности с точки зрения имущества и благосостояния других, этот стандарт основан на его собственной конкретной экзистенциальной ситуации, а у кого-то другого может быть другой стандарт, основанный на его конкретной жизненной ситуации и образе жизни. Таким образом, используя одно и то же выражение, они могут иметь в виду две совершенно разные вещи. Более того, можно также использовать понятие "бедность" в отношении нематериальных благ, таких как интеллект или культурный опыт, или в сочетании с такими понятиями, как "невинность", что в христианской поговорке означает "нищий духом". Эти различные применения нормы (концепции) во взаимодействии с другими изменяют контекст, необходимый для обеспечения соблюдения нормы: в данном слу-

чае значение слова "бедность". Как и в случае с судьями, люди, использующие нормы, взаимодействуют друг с другом, и их взаимодействия являются существенным аспектом развития, принимаемого нормами. Назовем это измерение интерсубъективностью норм.

(3) И обмирщенность, и интерсубъективность норм конститутивны для взгляда на нормативность, сосредоточенного на применении норм. Кроме того, важно подчеркнуть, что ни одна норма не существует сама по себе. Нормы развиваются по отношению друг к другу. Опять же, Витгенштейн может помочь нам понять, почему это так. В своем знаменитом аргументе против возможности частного языка Витгенштейн подчеркивает, что нормы функционируют как критерии друг для друга. [42] Применение нормы всегда связано с применением других норм, явным или неявным. Нормы вытекают друг из друга, противопоставляются друг другу, исключают друг друга и объясняют друг друга. Во многих различных контекстах и даже вне контекста нормы связаны с другими нормами в той мере, в какой на развитие нормы конститутивно влияют другие нормы (и их собственное развитие). Показателен в этом отношении пример понятия "бедность", которого мы только что коснулись. Как только понятие связано с "невинностью", оно меняется. Оно также меняется в зависимости от того, как мы понимаем потребности. Короче говоря, нормы образуют паутину (взаимодействующих и изменяющихся) норм – не только в языке, но и в телесных жестах, в искусствах и во всех символических выражениях практической и культурной жизни.

На основе вышеизложенных объяснений легко понять, что динамика норм имеет импровизационное измерение. Об этом ясно свидетельствует их интерсубъективность: приложения и разработки норм утверждаются, отвергаются или модифицируются в ходе взаимодействий, элементами которых являются нормы. Несмотря на то, что в не-

которых человеческих практиках (например, в юридических практиках) способ применения норм является более эксплицитным (даже публично декларируемым) и контролируемым, нормативные практики всегда имеют интерактивное измерение импровизационного типа. Применение нормы зависит от развития, которое норма приняла до сих пор в своем сложном положении в сети норм; однако он также подвержен импровизационным взаимодействиям, поскольку нет возможности предотвратить появление приложений нормы, которые могли бы ее изменить. Это означает, что ни один человек, использующий нормы, не имеет последнего слова в отношении того, как должна применяться норма. Такое последнее слово было бы противоречивым само по себе. Это был бы способ выйти из практики, который в то же время контролировал бы практику, то есть, как это ни парадоксально, все еще был бы вовлечен в нее, что логически невозможно. Грубо говоря, никто не может сослаться на что-то вроде суперкритерия, чтобы определить, как правильно понимать и применять ту или иную норму. Значение норм и то, что составляет их правильное применение, устанавливаются практическими переговорами, происходящими в ходе самого применения нормы. Так что, конечно, может случиться так, что из прагматических соображений взаимодействие будет прекращено (как в случае с апелляционными судами). Но даже в таких ситуациях взаимодействие продолжается? – возможно, в других контекстах или на разных уровнях – тем самым более или менее непредсказуемо развивая рассматриваемые нормы. Вот почему каждое взаимодействие с нормой и ее прошлым применением носит импровизационный характер. [43]

Напомним, что мы объясняли в разделе 1 нашей статьи. Тот, кто занимается нормой, всесторонне подготовлен задолго до этого. Он овладевает рассматриваемой нормой и ее связями с другими нормами и приобретает способность – "явно или неявно" –

перформативно оценивать нормы и их применение. Но все эти приготовления не гарантируют, что у него есть абсолютно определенный способ обращения с рассматриваемой нормой или что он способен надлежащим образом применять эту норму в каждой отдельной конкретной ситуации. Возможно, он не видит конкретной специфики ситуации или прибегает к неправильной норме. Каждый способ комментирования и продолжения нормативной практики должен выдерживать неопределенность и справляться с выходом из непредвиденных ситуаций. Рассмотрим снова пример судьи. Даже если судья является лучшим в определенной области и даже если он сделал все, чтобы добиться идеальной подготовки к делам, которыми он занимается, ему все равно всегда приходится сталкиваться с риском ошибиться. Как и в импровизации, дело может увенчаться успехом или нет. Тот, кто совершенствует себя в своих способностях, так или иначе открыт и для совершения ошибок. Для сравнения рассмотрим человека, который просто действует вслепую и, следовательно, вне нормативной сферы: он не может ошибаться. Таким образом, симптом импровизационного характера нормативных практик заключается в том, что нам всегда приходится сталкиваться с возможностью совершения ошибок в рамках этих практик. Невозможно уменьшить эту возможность, независимо от того, насколько хорошо человек обучен. Даже если бы можно было научиться принимать во внимание, например, множество исключений, вероятность ошибки велика. Словами Дерриды, невозможно рассчитать риск неудачи. [44]

Однако здесь следует учитывать еще один момент. "Ошибки" могут оказаться от-

крытыми возможностями для положительного изменения нормы в неожиданной ситуации, и в свою очередь вариацией новой нормы, в которой "неправильное" применение (старой) нормы сохраняется как хорошее применение (новой) нормы. Ошиб-

ки не всегда являются простыми нарушениями нормативной практики. Это нарушения нормативных практик, которые, способствуя трансформации норм, направляющих практику, могут оказаться успешными результатами практики. Например, художественные перформансы, считающиеся ошибками по отношению к установленным художественным нормам, могут открывать возможности для творческого изменения норм и продвижения практики вперед.

[45] Тем не менее, надо отметить, что хотя неудачные опыты импровизации в области искусства имеют решающее значение для понимания нормативности человеческих практик, они, как правило, не сталкиваются с рисками, встречающимися в повседневной жизни, где непредвиденные события и ошибки могут создавать значительные проблемы для жизни окружающих. Ошибки в повседневной жизни, как "отклонения" от установленных норм действия, могут быть фатальными.

В связи с этим давайте задумаемся о реальной истории "Салли" Салленбергера, пилота, который в январе 2009 года смог придумать способ спасти пассажиров рейса 1549 US Airways, попавшего в аварию. Как показано в фильме Клинта Иствуда "Салли" (США, 2016), если бы пилот (которого играет Том Хэнкс) следовал обычным аварийным процедурам, пытаясь приземлиться в ближайшем аэропорту, самолет разбился бы, как позже это смогли продемонстриро-

вать эксперты. Вместо этого, нарушив установленные нормы, то есть сознательно совершив ошибку, ему удалось спасти всех пассажиров и команду. Поняв специфику ситуации, Салли сумел придумать план действий, и впервые в истории посадил Airbus A320 на воду.

Перформанс Салли был своего рода парадигматическим примером фроне́зиса (см. раздел 2). Мы могли бы лучше объяснить это, сказав, что он находился в том же положении, что и импровизаторы, которые, как мы подчеркивали, находятся в двояком положении знания и незнания: они знают, как выполнить упражнение (в его самолете, даже в трудных условиях), но не знают, что именно они должны делать в конкретной ситуации (поскольку рутинные аварийные инструкции были непригодны для этой ситуации, и до этого никто никогда не сажал пассажирский самолет на реку Гудзон). Это был единственный возможный вариант спасения. [46] Но пользователи нормы часто попадают в аналогичные ситуации, даже если они, к счастью, обычно менее драматичны. Пользователи норм не всегда могут знать, что им делать с конкретной нормой, с которой они имеют дело. [47] В этом смысле у нормальных пользователей нет плана того, что они делают. Или, точнее, разрабатывают план, применяя конкретную норму. [48] В конце концов, именно в этом и состоит способность судить трезво о ситуации. Именно здесь рушится упомянутое кантианское различие между определяющими и отражающими суждениями: всякое определяющее суждение связано с отражающими сторонами и, таким образом, включает в себя (транс)формацию применяемой нормы.

В этот момент может возникнуть потенциальное возражение по поводу того, как мы связываем нормативность и импровизацию вместе. В разделе 2 мы описали импровизацию как нормативную и привычную. Здесь мы описываем нормативность как импровизацию. Однако, как мы обсуждали

ранее, причина нормативности импровизационного характера не в том, что импровизация привычна, а в том, что импровизация непредсказуема, так как всегда связана со спецификой исполнительской ситуации. Таким образом, можно продолжить возражение, мы двусмысленно связываем эти два понятия. Причина, по которой нормативность носит импровизационный характер, кажется, прямо противоположна причине, по которой импровизация носит нормативный характер. Лучший способ противостоять этому возражению – сделать явным диалектический характер концептуальной связи между импровизацией и нормативностью. Новизна и непредсказуемость (с точки зрения возникновения, изменения, отторжения, трансформации и т. д.) не противопоставляются нормам как руководящим критериям и, как мы увидим в разделе 3, как привычкам. Другими словами, новизна в таком понимании не противоречит тому, как нормы организуют человеческую практику. Скорее, это существенный элемент того, как работают человеческие практики, то есть, совладают с конкретной реальностью конкретных ситуаций. Нормы работают (применяются и соблюдаются) только в том случае, если они могут быть (творчески) изменены, то есть если их смысл и/или их нормативная сила могут быть (транс)формированы посредством взаимодействия между людьми и посредством конфронтации с изменяющейся реальностью. И нормы снова и снова открываются новому, потому что только так они могут направлять практики (в их постоянно меняющихся ситуациях) и быть эффективными как нормы. Соответственно, как мы видели ранее, импровизация не исключает разного рода руководящих норм, а скорее требует их для своего успеха. Но, как мы теперь можем лучше понять, нормы, направляющие практику, в том числе и такую практику, как импровизация (музыкальная импровизация, например), сами вырабатываются внутри практики, поскольку нет внепрак-

16 тического надкритерия, регламентирующего, как должна действовать норма. работать норм.

Это позволяет нам сделать последний шаг в нашем объяснении нормативности. Он состоит в определении того, как нормативные практики могут застыть. Если применение норм становится автоматическим, нормативные практики обедняются, поскольку теряют контроль над миром и не могут справиться с элементами случайности. Если нормы применяются в готовом виде, они не развиваются дальше, а значит, не могут справиться с миром. В фильме "Салли" после инцидента пилота обвинили в том, что он не следовал обычным процедурам, т. е. нарушил правила, поставив тем самым под угрозу жизнь пассажиров. [49] Но, как позже было продемонстрировано, дело обстояло как раз наоборот. Если бы неожиданное событие не побудило его изменить норму в ее применении, конструируя нормы "по ходу дела" (или, менее изящно, но, возможно, точнее, интегрируя неожиданное в норму, создавая таким образом неожиданную норму), стандартная норма была бы резко неэффективной.

Несмотря на то, что то, с чем сталкиваются пользователи норм в мире, зависит от культурных и социальных структур и общих моделей ожиданий, иногда то, что происходит здесь и сейчас, требует ответа, который никогда нельзя было бы спланировать. Таким образом, человеческая рациональность не сводится к жестким (алгоритмическим) правилам и логическим выводам, [50] поскольку рациональность – это отзывчивость на потенциально непредвиденные мирские и социальные факты и события. Жесткие, неизменные правила имеют тенденцию терять связь с тем, что есть. Не реагируя на специфический характер ситуаций, к которым они применяются, они не достигают своей реальной цели, вместо этого превращаясь в алгоритмические кодификации процедур, рассматриваемых как самоцель. Действительно, это общий недостаток нормативных практик, поскольку нормы име-

ют тенденцию становиться стереотипными, автоматизированными и отчужденными от мира. Если мы думаем о нормах как об обеспечении стабильности, мы склонны понимать нормативность на основе ее дефектной версии. Это подводит нас к третьему заблуждению, с которым нам придется иметь дело: неправильному представлению о привычке.

4. Привычки

Разработанная до сих пор динамическая концепция нормативности может быть неправильно истолкована как подразумевающая, что нормативные существа постоянно размышляют о том, как применять нормы. Итак, поскольку мы отвергли взгляд на нормативность как на автоматизм, может показаться, что мы поддерживаем сверхинтеллектуализированную концепцию человеческих практик, согласно которой человеческие практики, как нормативные практики, отягощены интеллектуальной рефлексией. Однако, как учат нас феноменология [51] и прагматизм [52], такое представление о человеческих практиках было бы весьма сомнительным. Люди не занимаются постоянной и намеренной рефлексией о том, что делать, применяя нормы в своих действиях. Таким образом, наша задача сейчас состоит в том, чтобы продемонстрировать, как парадигматически показывают импровизационные художественные практики (см. раздел 2), динамика человеческих практик не связана с постоянной интеллектуальной рефлексией: мы выполняем нормативные практики, не подвергая их постоянному явному сомнению. И это так, не вопреки, а в силу их импровизационной стороны. Дело в том, что нормативные практики как рациональные реакции на мирские факты являются обычными практиками; они основаны на привычках. Обсуждаемые навыки, служащие предпосылками импровизационной деятельности, реализуются в основном в привычках, т. е. в диспозициях или, как удачно назвал их Пирс, воплощаются в "правилах действия". [53]

Общепризнано, что привычки задают ритм повседневной жизни и позволяют нам регулярно, быстро и эффективно выполнять операции, которые в противном случае потребовали бы слишком много ресурсов и слишком много усилий. Итак, согласно философской традиции, привычки являются ключевыми элементами формирования личности, межличностных отношений и развития культурных процессов. [54] Но как следует понимать привычки? Как указано в разделе 1, широко распространенная точка зрения рассматривает привычки как автоматические и повторяющиеся паттерны поведения, которые имеют функцию облегчить повседневную жизнь посредством формирования (или внедрения [55]) поведенческих рутин, которые должны применяться автоматически ко всем ситуациям в жизни. Как отмечает Сойер [56], были предприняты попытки представить социальные ситуации – "повседневные ситуации, такие как поход в ресторан" – как "сценарии", понимаемые как интериоризация "социальных текстов". [57] Согласно этой драматургической модели социальной жизни, попадая в ситуацию "похода в ресторан", мы просто применяем соответствующий готовый алгоритм поведенческих привычных паттернов, предписанный интериоризированными сценариями. Этот взгляд, как было сказано во введении, предполагает резкое противопоставление привычек, ошибочно понимаемых как нерефлексивные и нетворческие, и импровизации, также наивно понимаемой как спонтанное *creatio ex nihilo*. Чтобы избежать этих заблуждений, мы должны пересмотреть нашу концепцию привычек, приняв оценку концепции привычек, которую защищали такие философы, как Гегель, Равессон, Бурдье, де Серто и Малабу. [58] Благодаря этому мы сможем объяснить (1) внутреннюю динамику и (2) неотъемлемую рефлексивную и пластическую составляющую привычек. Это позволит нам понять навыки и действия, составляющие нормативно-импровизационные практики, как практики, основанные на привычках.

(1) Основная мысль заключается в том, что привычки следует отличать от алгоритмов. Алгоритмы регулируют определенные функции фиксированным образом – так, что они либо работают, либо нет. Если ситуация, к которой они применяются, неуместна, они просто не работают. Адаптация алгоритма к другой ситуации означает замену первого алгоритма другим. При этом работает не трансформация, а замена. В отличие от привычек, которые не работают фиксированным образом. Они могут выполнять свою функцию регуляции человеческого и социального поведения и упрощения, делают возможной повседневную жизнь только в том случае, если они адаптируются к "нарушениям", возникающим в результате различных конкретных ситуаций, в которых они имеют место. Таким образом, когда что-то не так, как раньше, или не отвечает ожиданиям, привычное поведение, в отличие от алгоритмической программы, способно пластически приспосабливаться к изменившейся ситуации, совладать с ней. В этом смысле привычки "делают возможным будущее". [59] То есть, опять же, в отличие от алгоритмов, привычки не просто выполняются автоматически и стереотипно, но могут модифицироваться в соответствии с меняющейся реальностью. Кроме того, они также могут быть преднамеренно сформированы субъектами, чтобы активно воздействовать на реальность. [60]

Эта чувствительность к нарушениям и изменениям связана с оценочным и нормативным измерением человеческих практик, которые мы обсуждали в предыдущих разделах. В конце концов, привычки – это не только рутинные правила выполнения задач "легким" способом; они также несут ответственность за формирование и реализацию ценностей, которые определяют ориентацию человеческих практик в конкретных ситуациях. Следовательно, хотя люди, безусловно, индивидуально и коллективно типизируют ситуации своей повседневной, а также своей культурной жизни, и хотя привычки составляют не только полез-

ный и рациональный образ жизни, но – "как уже упоминалось" – само условие возможности личной и социальной жизни человека, типизированные ситуации, такие же как нормы и ценности, регулирующие человеческие действия, не фиксированы, но подвижны. Скорее, даже динамичны в том смысле, что каждая отдельная конкретная ситуация специфична и поэтому не может быть полностью предвидена. Таким образом, в то время как поведенческая рутина типизированной ситуации применяется к конкретной ситуации, эта конкретная ситуация задним числом влияет на рутину, затрагивая, пусть и незначительно, ее "структуру" (или ее "сценарий"). Другими словами, чтобы быть эффективным и адекватно справляться с конкретными и беспрецедентными аспектами конкретной ситуации, привычные рутинные действия типичных ситуаций должны быть пластически приспособлены к ней. [61] Более того, привычки возникают благодаря тому, что они постоянно и изобретательно адаптируются к специфике различных ситуаций. Человеческие практики, как отмечает де Серто, [62] действуют путем присвоения и адаптации институционализированных норм и привычек к конкретным ситуациям беспрецедентным образом, изобретая посредством применения привычек пространства свободы и новизны, которые (транс-)формируют привычки. Таким образом, привычки постоянно находятся в движении и постоянно (хотя и медленно) меняются.

Короче говоря, привычки – это пластичные конфигурации – "порожденные повторением и тренировкой" – основных predispositions и навыков отдельного индивида (и целой культуры). Они не являются априорными и готовыми свойствами человека, а возникают апостериори в результате непрерывного оценочного, адаптивного и творческого взаимодействия человека с изменяю-

В ТЕРМИНАХ ГЕГЕЛЯ МЫ
МОЖЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО
ПРИВЫЧКИ "ДЕЛАЮТ
ВОЗМОЖНЫМ
ОБРАЗОВАНИЕ САМОСТИ".

щейся природной и культурной средой. Они составляют сущность индивидов, но, тем не менее, поддаются модификации и порождаются непрерывными изменениями. В терминах Гегеля мы можем сказать, что привычки "делают возможным образование самости": [63] они представляют собой predispositions, посредством которых индивиды формируют себя и свои взаимоотношения, становясь и развивая отдельных индивидов, которыми они являются, в постоянном динамическом взаимодействии с реальностью.

Такое понимание привычек делает явной диалектическую связь между привычками и импровизацией. Импровизационное исполнение стало возможным не только, как было показано ранее (см. раздел 2), благодаря привычным навыкам, но и привычки как "бессознательное изобретение регулируемой импровизации" [64], конститутивно связанное с импровизационной практикой. Пластичность привычек может быть реализована только в том случае, если индивид, чей характер и идентичность формируются привычками, постоянно импровизирует в своих взаимодействиях с другими людьми и с миром. Привычка есть и результат импровизации, и ее предпосылка. Это "момент импровизации", поскольку "он отвечает, а не сопротивляется трансформации человеческого действия и связанного с ним творчества". [65]

(2) Пластичность привычек следует объяснять с точки зрения внутренних процессов рефлексии. Но в каком смысле привычки рефлексивны? Мы утверждаем, что привычки рефлексивны, потому что, как предполагалось ранее, любой, кто выполняет привычную рутину, не просто выполняет правило алгоритма, но также подвергает свою рутину ситуации, в которой он действует. Следовательно, в привычных практиках сами привычки постоянно развиваются и

отражают способы пластической адаптации к постоянно меняющейся реальности. Однако было бы ошибкой считать это рефлексивное качество привычки чисто когнитивным по своему характеру. Люди не просто теоретически представляют изменяющиеся ситуации и свои привычки, а затем пробуют различные способы сопоставления первых со вторыми. Скорее, оценочная и практическая чувствительность к возникающим и непредвиденным возмущениям реальности составляет основу привычек. Тот, кто приобретает привычки, вооружается этой оценочной чувствительностью, упражняя ее в своих практиках.

Присущая привычкам как практическим нормам действия рефлексивность позволяет углубить понимание их импровизационной природы. Мы подчеркивали, что импровизация связана с непрерывной оценкой. Импровизаторы занимают оценочную позицию по отношению к тому, что их товарищи по игре приносят в игру. Однако, как правило, это неосознанный процесс. Скорее, оценки обычно реализуются телесными реакциями. Таким образом, мы, вслед за Бурдье, думаем, что привычка "является спонтанностью без сознания или воли". [66] Привычки – это спонтанность без сознания или воли в том смысле, что они влекут за собой имплицитное оценочное осознание аспектов мира, но не предполагают какой-либо сознательной оценки или решений. В общем, привычка как предрасположение или воплощенное правило действия есть воплощенное отражение.

Наконец, привычки не следует ошибочно рассматривать как исключительно личные склонности. Хотя они формируют характер и образ жизни отдельных субъектов, их сознание, а также их непрерывное развитие происходят во взаимодействии с другими. [67] Привычки как практические и пластичные диспозиции действий, с помощью которых субъекты организуют свое поведение, приспособляясь к постоянно меняющейся реальности, имеют социальное

измерение: они приобретаются путем интеграции реакций и привычек других агентов в свои собственные привычные практики. В частности, социально-практические нормы внедряются в действия индивидов как социальные привычки поведения. [68] И следовательно, интерактивный аспект практической жизни человека, обсуждавшийся выше, является определяющим для формирования, развития и применения привычек. И хотя можно утверждать, что привычки формируют характер, который, хотя и находится в постоянном движении, более или менее "очерчен" и публично узнаваем, привычки связывают вместе, а не изолируют индивидов, поскольку привычки возникают в результате динамических взаимодействий с другими людьми.

5. Свобода

Переосмысление привычки, развитое до сих пор, дает нам хорошее основание для того, чтобы, наконец, объяснить, как мы должны думать о свободе, чтобы оставить место для концепции рациональных практик как импровизационных практик. Кажется очевидным, что мы должны относиться к импровизации как к реализации свободы. Импровизаторы вольны реагировать на то, с чем они сталкиваются в ходе выступления. Однако, как мы указывали в начале этой статьи, это может слишком легко привести нас к ошибочному пониманию свободы как источника, находящегося в спонтанно действующем субъекте. Это односторонняя концепция, которую следует разоблачить, потому что на самом деле мы должны договариваться о своей свободе во взаимодействиях с другими, через них и с миром. Приведенные выше размышления о нормативности и привычке позволяют лучше понять, как реализуется свобода.

Согласно общему месту, мы должны различать две концепции свободы, а именно, негативную и позитивную. [69] Многие считают проблематичными исключительно негативные представления о свободе, [70] ут-

верждая, что свобода на самом деле не актуализируется, если мы только свободны от внешних ограничений. Свободу, по их мнению, нужно понимать как положительно проявляющуюся в реализации чего-то конкретного. Однако концепция позитивной свободы сама по себе является источником дальнейших теоретических проблем, имеющих отношение к нашему обсуждению. Подчеркивая, что свобода должна пониматься как позитивная свобода, человек склонен понимать диалектику свободы и ограничений слишком узко, а именно, утверждая, что свобода реализуется через ограничения, которые человек ставит перед собой сам. Я свободен, если ограничиваю себя нормами, которые считаю обязывающими. Согласно такому объяснению, самосвязывание является источником свободы. [71] Однако такое понимание позитивной свободы ошибочно. Чтобы объяснить почему, нам нужно вернуться к импровизационным практикам, которые мы делаем в два этапа.

(1) Вернемся к примеру взаимодействия музыкантов-импровизаторов из раздела 2. Например, пианист реагирует на саксофониста новым ритмическим рисунком. То, что он делает, является выражением претензии на свободу. Но является ли это уже реализацией свободы? Мы должны понимать ритмический паттерн, установленный его реакцией, как предложение, которое он предлагает своим товарищам по игре. Они должны сделать что-то из рассматриваемого предложения. Возможно, товарищи по игре не реагируют на ритмический рисунок, который они могут счесть неперспективным для дальнейшего развития. Но может случиться и так, что они реагируют интенсивно и делают рассматриваемый паттерн "новой нормой" того, что они сыграют дальше. Эти различные возможности должны прояснить, что только благодаря – од-

СВОБОДА НЕ РЕАЛИЗУЕТСЯ
ЧЕРЕЗ ПРИВЯЗКУ СЕБЯ К
КАКОЙ-ТО НОРМЕ. ЕГО
РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБУЕТ
РЕАКЦИИ ДРУГИХ НА ТО,
ЧТО ПОНИМАЕТЕ ВЫ.

новременно оценочным и перформативным – реакциям других рассматриваемый паттерн становится тем, чем он является. Паттерн определяется через развитие, которое он принимает в ответных на него практиках.

Мы можем объяснить, как практики реагируют на конкретные предложения с точки зрения нормативного содержания. Нормативное содержание паттерна определяется через взаимодействие внутри исполнения. Это не определяется простым действием игры один раз. Можно возразить, что в "истории Салли" схема действия "проигрывалась" только один раз. Однако свою нормативную силу, а также то, что мы могли бы назвать своей социально-перформативной силой, он получил задним числом, благодаря оценочным реакциям, сделанным в ходе исследований, проведенных авиационными агентствами. Таким образом, решение Салли было не только успешным, но и стало правильным решением. Его нормативная сила установилась в ходе практики оценочных взаимодействий.

Иными словами, свобода не реализуется через привязку себя к какой-то норме. Его реализация требует реакции других на то, что понимаете вы. Это позволяет нам лучше понять, как понимать диалектику свободы и ограничений: для реализации свободы нужны ограничения других. Если я хочу реализовать свободное действие, другие должны отреагировать на мое действие, объяснив тем или иным образом, что оно вносит ценный вклад в любую практику, о которой идет речь. Это не означает, что они должны соглашаться с тем, что я делаю. Они могут критиковать меня или ответить другим предложением или вариацией того, что я сделал. Тем не менее именно благодаря таким реакциям, то, что я сделал, приобретает статус чего-то, что я сделал самоопре-

деляющимся образом и, следовательно, свободно. Самый существенный фактор в том, что мои действия не получили такого статуса, это то, что другие просто остаются к ним равнодушными. [72] Если они никак не реагируют на меня, если они не обращают на меня никакого внимания тем, как они (реагируют), я не отражаюсь в том, чтобы делать что-то из самоопределения. Если никто в группе не реагирует на то, что играет пианист, его действия не будут способствовать формированию музыкального смысла выступления, и он не будет реализован в своей свободе. Реализация свободы требует признания нашей свободы другими субъектами, с которыми мы взаимодействуем, иногда конфликтно [73], что также может произойти в импровизационном спектакле. [74]

Можно возразить, что легко можно многое сделать в одиночку, не получая оценочной реакции других. Разве не абсурдно утверждать, что статус того, кто что-то делает самоопределяющимся образом, достигается за счет реакции других? Несомненно, выражением свободы как самоопределения является приготовление кофе утром в одиночестве или обдумывание возражения в уединенном размышлении. Но то, что человек делает в подобных случаях, косвенно зависит от других. Что значит выпить кофе, правильно вымыть чашку, купить кофе, определяется взаимодействием с другими. Статус того, кто делает что-то исходя из самоопределения, зависит от участия других в этих взаимодействиях. Хотя нет необходимости, чтобы другие реагировали на то, что вы делаете, когда готовите кофе утром, вы должны стоять в отношениях с другими, посредством которых они реагируют на то, что вы делаете, если кто-то моет чашку, покупает кофе и т. д., как нечто, что человек делает из самоопределения. Таким образом, статус совершения чего-либо самостоятельным образом не реализуется посредством одного единственного действия. Скорее, как и в сольном исполнении,

его реализация зависит от паутины действия, связывающей исполнителя с другими. Некоторые действия в этих сетях не связаны напрямую с другими в том смысле, что сами по себе не вызывают реакции с их стороны. Но статус совершения чего-либо исходя из самоопределения зависит от реакции других на его действия.

(2) Однако необходимо рассмотреть еще один важный аспект реализации свободы. До сих пор мы описывали пример джазового музыканта так, как будто его реакция исходит из пустоты. Но, как мы неоднократно подчеркивали, было бы ошибкой понимать это таким образом. Джазовые музыканты нуждаются в интенсивных тренировках, чтобы уметь адекватно реагировать на других. Они должны развивать навыки и учиться успешно взаимодействовать с другими людьми. Как мы показали, перформативные навыки можно понимать как привычки, приобретаемые посредством практики. Такие привычки не выполняются автоматически, а внутренне связаны с формами критической рефлексии и требуют внимания, чтобы быть приспособленными к конкретным ситуациям. По крайней мере, в этом смысле они креативны. Таким образом, привычки являются, с одной стороны, необходимым условием свободы, реализуемой импровизаторами через свои реакции, а с другой стороны, сами порождаются в исполнительской практике.

С этой точки зрения свобода ограничивается не только реакцией других, с которыми человек взаимодействует, но и приобретенными привычками. Привычки являются незаменимой основой для реализации свободы, [75] ибо без привычек мы не смогли бы успешно взаимодействовать с другими и с нашей природной и культурной средой. Следовательно, привычки обуславливают свободные практики. Однако привычки не являются аспектом человеческого существования, аспектом, который, хотя и делает возможными свободные практики, мог бы стоять вне фактической реа-

лизации этих практик. Очевидно, они не являются автоматическими алгоритмами, "освобождающими" наше повседневное существование от бремени свободы. Скорее, они участвуют в реализации свободных практик. Чтобы лучше понять суть идеи, нам необходимо рассмотреть связь между свободой и случайностью (см. раздел 2). Если мы сталкиваемся только с аспектами мира, которые мы уже знаем насквозь, мы не можем действовать спонтанно. Мы действуем автоматически, только когда нас побуждают просто повторить то, что мы уже делали раньше. Следовательно, чтобы иметь возможность действовать свободно, нам необходимо противостоять аспектам мира, которые мы не знаем. Иными словами, нам нужно столкнуться с чем-то неизведанным. Именно этот структурный аспект того, что подразумевает свободное действие, помогает нам понять актуальность привычек. Как мы показали, привычки следует понимать как склонности действовать в различных обстоятельствах, и они формируются посредством пластического приспособления к неожиданно меняющейся реальности. Из-за этого привычки позволяют нам иметь дело с чем-то неизведанным и формируются в результате этой конфронтации с неизведанным. Привычки открывают нас, чтобы испытать сокрытые аспекты мира. В этом смысле привычное поведение является неотъемлемой частью нашей практики свободы.

Подводя итог, можно сказать, что диалектика свободы и ограничений включает как минимум два аспекта. (1) Реализация свободы требует ограничений, обеспечиваемых взаимодействием с другими. Через эти взаимодействия устанавливаются обязательные межсубъективные отношения, поскольку взаимодействия касаются того, что мы назвали нормативным содержанием. В паузе действий и реакций нормативное содержание практик определяется через оценочные перформансы, связывающие тех, кто своими действиями ставит себя в соответ-

ствие с развивающимся нормативным содержанием. Более того (2), реализация свободы сдерживается привычками, которые являются предпосылками для обращения с неизведанными аспектами, с которыми человек сталкивается в мире, и в то же время перформативно формируются через реализацию свободных практик. Короче говоря, свобода реализуется через отношения зависимости, в которых находятся субъекты, которые в то же время не являются статическими ограничениями, а динамично развиваются по ходу дела. Нам нужна концепция позитивной свободы в этом ключе, чтобы должным образом объяснить импровизационную природу рациональных практик.

6. Заключение

Как мы отмечали на разных этапах нашего рассуждения, результат исследования понятий импровизации, нормативности, привычек и свободы имеет диалектическую структуру. С одной стороны, импровизационные практики неправильно понимаются, если они рассматриваются как основанные на непрерывном изобретении *ex nihilo* (с лат.: из ничего) и как таковые полностью отличные от повседневных привычных норм и диспозиций, которые организуют нашу деятельность и взаимодействие. С другой стороны, человеческие нормативные практики неправильно понимаются, если их рассматривать как жесткое повторение "застывших" поведенческих паттернов, нечувствительных к меняющейся конкретности реальности и, как таковых, противопоставленных импровизации как форме спонтанного, творческого и адаптивного действия, способных генерировать случайное и справляться с ним, взаимодействуя с новыми возможностями. Импровизационные практики основаны на обширной подготовительной работе, в результате которой формируются навыки и привычки; нормативность человеческих рациональных практик, именно опирающихся на привычки, следует понимать не как фиксированную, а как

пластически и творчески изменяющуюся, чтобы справиться с реальностью. Именно в этом смысле они делают человеческую свободу реальной.

Таким образом, наши рассуждения имеют антропологическое измерение, которое могло бы позволить нам преодолеть упомянутый в начале статьи кантианский парадокс: парадокс свободы, связывающей себя жесткими нормами. Объяснение рациональности жесткими нормами, которое определяет ее как самозаконотворчество, независимое от внешнего воздействия, несостоятельно, потому что оно не в состоянии объяснить способы, которыми люди взаимодействуют друг с другом и в которых "пространство причин" [76] реагирует на меняющийся мир. Перед лицом этих недостатков философы могут предпринять попытку найти альтернативное объяснение того, как рациональность реализует себя в мире. Мы попытались артикулировать возможный выход из этого тупика, который можно сформулировать следующим образом: существенной чертой человеческой рациональной практики является ее открытость для практически-рефлексивных реакций на случайность и свободу, которые, в свою очередь, не просто "внешне" предполагаемые данные, но "внутренне" порожденные нашими практиками. [77] Такое понимание направлено против идеи, что люди, как "ущербные" животные, принципиально открыты, идеи, которая влечет за собой, что разум состоит в развитии своего определения из самого себя. [78] Таким образом, мы утверждаем, что понимание человеческих практик как импровизационных означает интерпретацию открытости и свободы как того, что реализуется, а не как того, что дано заранее. Наша способность совершать спонтанные действия – это достижение, результат практик, выработанных в ответ на состояния и обстоятельства человеческой жизни в ее естественной и культурной среде. Таким образом, фраза "мы придумываем правила по ходу дела" означает не толь-

ко то, что мы формируем определенные нормы нашей практики в нашей практике и посредством нее. Это также означает, что мы формируем и определяем нашу свободу посредством наших практик, тем самым реализуя ключевые (предварительные) условия нашей практики. Иными словами, человеческая разумная жизнь импровизационна, потому что условия практики завышаются внутри и самой практикой – свобода, может быть, самое важное из них.

Однако может быть выдвинуто следующее возражение: не подразумевает ли наше объяснение импровизационного измерения нормативности, привычки и свободы смешение художественных и нехудожественных практик? Понимая рациональные практики как импровизационные практики, не принимаем ли мы компанию с Йозефом Бойсом, который классно утверждал, что каждый человек – художник? [79] Это было бы глубоким непониманием нашей идеи. Наши объяснения не подразумевают, что рациональные практики имеют художественное измерение как таковое, хотя искусство действительно вносит существенный вклад в человеческую рациональность. [80] Скорее, импровизационное измерение нормативности, привычки и свободы, на наш взгляд, в первую очередь следует понимать как нехудожественное. Нехудожественное – в том смысле, что обычные рациональные практики имеют импровизационное измерение, не обязательно будучи (связанными) с художественными практиками: они могут быть связаны с искусством, но необязательно. [81]

Тем не менее, это импровизационное измерение, безусловно, является основой художественных форм импровизации. Таким образом, мы полагаем, что наш аргумент подразумевает, что рациональные практики конститутивно открыты для художественных импульсов, развиваемых конкретными формами импровизации в искусстве. Следовательно, мы рассматриваем импровизацию как общую черту рациональной и

обыденной практики, и мы считаем, что конкретные формы художественной импровизации коренятся в этой общей черте. Конечно, необходим дальнейший анализ, чтобы объяснить различия между бытовыми формами импровизации и их художественными собратьями. Такое исследование должно было бы решить задачу объяснения как различия, так и связи между повседневными рациональными практиками и художественными импровизационными практиками. Однако для наших нынешних целей достаточно подчеркнуть, что ничто из того, что мы утверждали, не обязывает нас к идее, что импровизация обязательно носит артистический характер. В том виде, как мы его здесь разрабатываем, импровизацию следует понимать как основную черту обычной рациональной и повседневной практики, поскольку, как мы показали, отличительной чертой человеческой рациональности является то, что "мы придумываем правила по ходу дела", то есть, что мы следуем и (транс-)формируем наши нормы действия, совладая с миром и с другими. [82]

Notes:

1. См. Pippin, "Hegel's Practical Philosophy"; Pinkard, *German Philosophy 1760-1860*, 60, 226.
2. Hegel, *Phenomenology of Spirit*, 355.
3. Несомненно, это справедливо не для всех практик, управляемых правилами. Например, некоторые игры связаны правилами, которые нельзя изменить во время игры (вспомните шахматы или футбол). Однако правила этих практик могут быть изменены, чтобы справиться с меняющейся реальностью (вспомните эволюцию футбола); более того, из-за измененных правил могут вытекать другие практики (вспомните историю регби, которая была изобретена путем изменения правил футбола).
4. Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, 39.
5. Kant, *Critique of the Power of Judgement*, 66-8.
6. См. Merleau-Ponty, *Phenomenology of Perception*, *The Structure of Behavior*; Dreyfus, *Mind over Machine*, "Intelligence without Representation."
7. См. Alperson, "On Musical Improvisation," 22; Brown, "Musical Works, Improvisation, and the Principle of Continuity," 354; Brown "Feeling My Way": *Jazz Improvisation and its Vicissitudes*, 115-6; Young and Matheson, "The Metaphysics of Jazz," 127.
8. Культурные условности, структурные пре-конструкции и эстетические нормы составляют

- когнитивную, перцептивную и эмоциональную основы (Nettl, "Thoughts on Improvisation," calls them models; Pressing, "Cognitive Processes in Improvisation" and "Psychological Constraints on Improvisational Expertise and Skill," называет их референтами), которые направляют и ограничивают импровизированное музыкальное производство и являются предпосылками его успеха. См. Caporaletti, *I processi improvvisativi nella musica*, 41-9. Это относится и к так называемой неидиоматической импровизации. Даже свободная импровизация, якобы не подчиняющаяся характерным стилям или идиомам (как в случае бибопа, рока или фламенко), поглощает регулятивные условности. Несмотря на хорошо известное различие Дерекы Бейли между идиоматической и неидиоматической импровизацией (см. Bailey, *Improvisation: Its Nature and Practice in Music*), это означает, что свободная импровизация также принимает стилистические конфигурации; можно назвать это идиомой "неидиоматического".
9. Schiaffini, "Never Improvise Improvisation."
 10. Quoted in Hamilton, "Jazz as Classical Music," 55.
 11. Требуемый уровень подготовки, очевидно, зависит от вида практики.
 12. Berkowitz, *The Improvising Mind*, 43, 72, 83, 117; Alterhaug, "Improvisation as Phenomenon and Tool for Communication;" Sawyer, "Improvisational Creativity as a Model for Effective Learning."
 13. См. Ryle, *The Concept of Mind*.
 14. Berliner, *Thinking in Jazz*, показывает, как это конкретно происходит в джазовом сообществе.
 15. Кстати, пластичность – это тоже обычное свойство человеческого мозга, которое меняется на протяжении всей жизни человека, реагируя на внешние раздражители. См. Doidge, *The Brain that Changes Itself*.
 16. См. Tomkins, Marcel Duchamp: *The Afternoon Interview*, 83. Иными словами, иногда артисты и исполнители намеренно ищут неуправляемость, чтобы сбросить с себя груз приобретенных навыков и привычек, побуждающих их играть уже известное; при этом они намеренно производят настоящие неожиданные события, которые заставляют их реагировать. Тарускин рассказывает историю лютниста, который, экспериментируя с импровизацией под аккомпанемент средневековой песни, "намеренно расстроил свой инструмент, чтобы его пальцы не могли бежать по знакомым дорожкам". Taruskin, *Text and Act*, 78-9.
 17. См. Bertinetto, *Eseguire l'inatteso*, 74-81.
 18. Как остроумно выразился Курсиль, импровизация – это "преднамеренный акт непреднамеренного". Coursil, "Hidden Principles of Improvisation," 230.
 19. Это не означает, что импровизация – это "квазидействие", как утверждает Rousselot, *Etude sur*

l'improvisation musicale, 34-44. Напротив, импровизацию можно было бы считать действием *par excellence* именно потому, что она парадигматически показывает, что намерения не предшествуют действию и не обуславливают его, а, как и обстоятельства его развития, являются (и, в соответствии с гегелевской и витгенштейновской философской традицией, могут быть описаны как) составные "части" действия. См. Bertinetto, *Eseguire l'inatteso*, 74-91.

20. См. Arendt "Understanding and Politics"; Arendt, *The Human Condition*; Arendt, *Between Past and Future*.

21. См. Gibson, *The Ecological Approach to Visual Perception*.

22. Jankelevitch, *La rhapsodie*.

23. См. Bertinetto, "Performing the Unexpected."

24. См. Aristotle, *The Nicomachean Ethics*; Gadamer, *Truth and Method*, 315ff; see Section 3.

25. В одной истории, рассказанной пианистом Херби Ханкоком, Майлз Дэвис взял странный аккорд, сыгранный самим Ханкоком во время исполнения мелодии "So What". Он отреагировал, интегрировав его в импровизацию как возможность для создания неожиданного. См. Bertinetto, "'Do Not Fear Mistakes – There Are None': The Mistake as Surprising Experience of Creativity in Jazz," 92.

26. См. Feige, *Philosophie des Jazz*, 76ff.

27. Maturana and Varela, *Autopoiesis and Cognition*.

28. См. Berliner, *Thinking in Jazz*; Monson, *Saying Something*; Borgo, *Sync or Swarm*; Sawyer, *Group Creativity*.

29. Как и в случае с подготовленным фортепиано, подготовленной гитарой и ударными приемами игры на саксофоне.

30. Некоторые радикальные авангардистские импровизационные музыкальные практики прямо запрещают оценивать исполнение других. Мы утверждаем, что это не возражение против общего оценочного значения импровизации; скорее, это подтверждает это. Это стратегия, используемая для продвижения более свободной и инновационной импровизации. Однако сам этот запрет подразумевает оценку: отрицательную оценку оценочной стороны импровизации, которая также производит перформативные эффекты.

31. Nachmanovitch, *Free Play*, 134.

32. См. Canonne and Garnier, "Cognition and Segmentation in Collective Free Improvisation."

33. См. Bertram, "Improvisation und Normativität?"

34. Используя язык теории систем, которая, в свою очередь, опирается на уже упомянутое понятие автопоэзиса, можно сказать, что система вырабатывает свои собственные пределы. См. Luhmann, *Social Systems*.

35. See Bertram, "Kreativität und Normativität"; Bertram, "Improvisation und Normativität?"

36. Родственные концепции нормативности можно найти, среди прочего, в различении конститутивных и регулятивных правил (см. von Wright, *Norm and Action*, 7-9; Searle, *Speech Acts*, 33-42), в современной кантианской нормативной теории (см. Korsgaard, *The Sources of Normativity*, 105-13), и в исследованиях, подчеркивающих регулирующий эффект норм (см. Thomson, *Normativity*, 19-34). То, что родственное различие может быть применено в теории импровизации, показано Goehr, "Improvising Impromptu, Or, What to Do with a Broken String." See Guala, *Understanding Institutions*, работа, которая хорошо аргументированный отказ от различия между конститутивными и регулятивными правилами, который классифицирует первые как частный случай вторых.

37. См. Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, §201.

38. См. Gadamer, *Truth and Method*, 305ff.

39. См. *ibid.*, 440ff.

40. См. Brandom, "Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism," 179-81.

41. См. Recanati, *Literal Meaning*.

42. См. Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, §269. For an interpretation of Wittgenstein in this vein see Cavell, *The Claim of Reason*, 3-36.

43. См. Ramshaw, *Justice as Improvisation*.

44. Derrida, "Force of Law," 16, 28.

45. См. Bertinetto, "Не бойтесь ошибок – их нет": ошибка как неожиданный опыт творчества в джазе."

46. Еще один крайний случай, с которым мы все сталкиваемся весной 2020 года, – это то, как люди во всем мире трансформируют нормы своей жизни, реагируя на чрезвычайную ситуацию с covid-19.

47. Для литературного отражения этого см. Philipp Roth: *The Human Stain*. В романе Рота употребление героем одного-единственного слова ("призраки") приводит к ряду непредвиденных последствий, вытекающих из того факта, что реакции других оказываются релевантными для определения рассматриваемой языковой нормы.

48. См. Derrida "Force of Law," 23.

49. Это кинематографическая инсценировка: на самом деле Салленбергера никогда не обвиняли. Для нашей темы, однако, очень интересно, что после аварии руководство по аварийным посадкам на воду ("посадка на воду") было пересмотрено, чтобы включить новый порядок посадки с малых высот, т. к. Салли не выполнил всех установленных процедур по посадке на воду, с больших высот, когда у пилота больше времени.

50. Это утверждение подтверждается исследованием рациональности Бенджамина Кизеветтера. (см. Kiesewetter, *The Normativity of Rationality*).

51. Dreyfus, "Intelligence without Representation."

52. Peirce, *Collected Papers*.

53. См. *ibid.*, Vol. 5: §§397-8; Massecar, *Ethical Habits*, 54, 59.
54. Для ознакомления см. сборник концепций привычек в западной философии Sparrow and Hutchinson, *A History of Habits*.
55. См., например, Foucault, *Discipline and Punish*, 135; Sparrow and Hutchinson, *A History of Habits*, 9.
56. Sawyer, *Creating Conversations*, 9-11.
57. Goffman, *The Presentation of the Self in Everyday Life*.
58. См. Magri, "The Place of Habit in Hegel's Psychology"; Ravaissou, *Of Habit*; Malabou, *The Future of Hegel*.
59. Malabou, "Addiction and Grace," viii.
60. См. Massecar, *Ethical Habits*, 125.
61. Ссылаясь на Пирса, Массекар эффективно суммирует регулярные и динамические аспекты привычек, говоря, что "привычки как модели поведения могут быть устойчивыми, но не невосприимчивыми к изменениям". Massecar, *Ethical Habits*, 105.
62. De Certeau, *L'invention di quotidien*.
63. Magri, "The Place of Habit in Hegel's Psychology," 81.
64. Bourdieu, *The Logic of Practice*, 57; see Dalton, "Creativity, Habit, and the Social Products of Creative Action," 612.
65. Peters, *Improvising Improvisation*, 122, 127.
66. Bourdieu, *The Logic of Practice*, 56.
67. Согласно "социогенерическому индивидуализму" Бет Престон, люди наследуют привычки от установленных социальных практик, которые они затем помогают в дальнейшем (пере)формировать. (см. Preston, *A Philosophy of Material Culture*, 77-89).
68. Например, вождение по правой стороне дороги, социальная привычка, которую люди рефлексивно осознают, когда оказываются в стране, где люди ездят по левой стороне дороги, что заставляет их соответствующим образом изменять свое поведение.
69. См. Berlin, "Two Concepts of Liberty."
70. См. Honneth, *Das Recht der Freiheit*.
71. See Brandom, "Freedom and Constraint by Norms."
72. См. Cavell, "Knowing and Acknowledging."
73. См. Bertram and Celikates, "Towards a Conflict Theory of Recognition."
74. Парадигматическим примером этого является последний совместный концерт Майлза Дэвиса и Джона Колтрейна 21 марта 1960 года. Как особенно ясно видно из исполнения стандартного "All of You" на этом концерте в театре "Олимпия" в Париже, Дэвис и Колтрейн отличаются друг от друга. Музыкальные личности сталкиваются друг с другом непоправимым образом (см. Miles Davis-John Coltrane, *The Final Tour*, Columbia Records, 2018).
75. См. Khurana, *Das Leben der Freiheit*.
76. См. Sellars, *In the Space of Reasons*.
77. См. Bertram, "Two Conceptions of Second Nature."
78. См. Gehlen, *Man, His Nature and Place in the World*.
79. Beuys, "Every Man an Artist."
80. Объяснение того, как искусство влияет на человеческую рациональность, см. в Bertram, *Art as Human Practice*. О вкладе импровизации в искусство в таком понимании см. Bertinetto, "The Birth of Art from the Spirit of Improvisation," and "Performing the Unexpected."
81. Мы хотели бы поблагодарить анонимного рефери за давление на нас в этом вопросе. Хотя мы считаем, что строгое разделение между художественными и нехудожественными практиками должно быть преодолено, поскольку искусство является практикой, специфика которой может быть объяснена только с точки зрения ее конкретного вклада в переосмысление других человеческих практик, мы не считаем, что бинарность художественного/нехудожественного должны быть деконструированы так же, как и ошибочные представления о разуме, норме, привычке и свободе. Это не означает признание характерного для современных обществ овещствления разделения труда и сопутствующего ему строгого разделения между художественной сферой и другими практиками в качестве логической необходимости.
82. Мы хотели бы поблагодарить Emanuele Arielli, Nino Chiurazzi, Dina Emundts, Daniel M. Feige, Nicola Hein, Dominic McIver Lopes, Patrick Gruneberg и двух анонимных рецензентов за полезные комментарии к предыдущей версии этой статьи. Кроме того, мы благодарим Свободный университет Берлина за его щедрую финансовую поддержку, которая позволила Алессандро Бертинетто остаться в Берлине на 4 недели (в рамках исследовательской программы выпускников Свободного университета), что позволило нам написать эту статью.

References:

- Alperson, Philip. "On Musical Improvisation." *Journal of Aesthetics and Art Criticism* 43 (1984), 17-29. 10.1111/1540_6245.jaac43.1.0017
- Alterhaug, Bjørn. "Improvisation as Phenomenon and Tool for Communication, Interactive Action and Learning." In *Improvisation Between Technique and Spontaneity*, edited by M. Santi, 103-33. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2010.
- Arendt, Hannah. "Understanding and Politics." *Partisan Review* 20 (1953), 377-92.
- Arendt, Hannah. *The Human Condition*. Chicago: The University of Chicago Press, 1958.

- Arendt, Hannah. *Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought*. New York: The Viking Press, 1961.
- Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. New York: Penguin, 1976.
- Bailey, Derek. *Improvisation: Its Nature and Practice in Music*. London: British Library; New York: Da Capo Press, 1993.
- Berkowitz, Aaron. *The Improvising Mind: Cognition and Creativity in the Musical Moment*. New York: Oxford University Press, 2010.10.1093/acprof:oso/9780199590957.001.0001
- Berlin, Isaiah. "Two Concepts of Liberty." In *Four Essays on Liberty*, 118-72. Oxford: Oxford University Press, 1969 [1958].
- Berliner, Paul F. *Thinking in Jazz: The Infinite Art of Improvisation*. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.
- Bertinetto, Alessandro. "Performing the Unexpected." *Daimon* 57 (2012), 61-79.
- Bertinetto, Alessandro. *Eseguire l'inatteso. Ontologia della musica e improvvisazione*. Rome: il Glifo, 2016a.
- Bertinetto, Alessandro. "'Do Not Fear Mistakes? - There Are None': The Mistake as Surprising Experience of Creativity in Jazz." In *Education as Jazz: Interdisciplinary Sketches on a New Metaphor*, edited by M. Santi and E. Zorzi, 85-100. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2016b.
- Bertinetto, Alessandro. "The Birth of Art from the Spirit of Improvisation." *Quadranti*, 6:1 (2018), 119-47.
- Bertram, Georg. "Kreativität und Normativität." In *Kreativität*, edited by G. Abel, vol. 1: 273-83. Berlin: Universitätsverlag der TU Berlin, 2005.
- Bertram, Georg. "Improvisation und Normativität." In *Improvisieren*, edited by G. Brandstetter et al., 21-40. Bielefeld: Transcript, 2010.10.1515/9783839412749-002
- Bertram, Georg. *Art as Human Practice: An Aesthetics*. Transl. by Nathan Ross. London: Bloomsbury, 2019.10.5040/9781350063174
- Bertram, Georg. "Two Conceptions of Second Nature." *Open Philosophy* 3 (2020), 68-80. 10.1515/opphil-2020-0005.
- Bertram, Georg and Celikates, Robin. "Towards a Conflict Theory of Recognition: On the Constitution of Relations of Recognition in Conflict." *European Journal of Philosophy* 23 (2015), 838-61.10.1111/ejop.12016
- Beuys, Joseph. "Every Man an Artist: Talks at Documenta 5." In *Joseph Beuys: The Reader*, edited by C. Mesch and V. Michely. New York: IB Tauris, 2007.
- Borgo, David. *Sync or Swarm: Improvising Music in a Complex Age*. New York: Continuum, 2005.
- Bourdieu, Pierre. *The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press, 1990.10.1515/9781503621749
- Brandom, Robert. "Freedom and Constraint by Norms." *American Philosophical Quarterly* 16 (1979), 187-96.
- Brandom, Robert. "Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism: Negotiation and Administration in Hegel's Account of the Structure and Content of Conceptual Norms." *European Journal of Philosophy* 7 (1999), 164-89.10.1111/1468-0378.00079
- Brown, Lee B. "Musical Works, Improvisation, and the Principle of Continuity." *Journal of Aesthetics and Art Criticism* 54 (1996), 353-69.10.1111/1540_6245.jaac54.4.0353
- Brown, Lee B. "'Feeling My Way': Jazz Improvisation and its Vicissitudes – A Plea for Imperfection." *The Journal of Aesthetics and Art Criticism* 58 (2000), 113-23.
- Canonne, Clement and Garnier, Nicolas B. "Cognition and Segmentation in Collective Free Improvisation: An Exploratory Study." In *Proceedings of the 12th International Conference on Music Perception and Cognition and 8th Triennial Conference of the European Society for the Cognitive Sciences of Music*, 197-204, 2012.
- Caporaletti, Vincenzo. *I processi improvvisativi nella musica: un approccio globale*. Lucca: LIM, 2005.
- Cavell, Stanley. "Knowing and Acknowledging." In *Must We Mean What We Say? A Book of Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976 [1969].
- Cavell, Stanley. *The Claim of Reason*. Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Certeau, Michel de. *L'invention du quotidien*. 1. *Arts de faire*. Paris: Gallimard, 1990.
- Coursil, Jacques. "Hidden Principles of Improvisation." *Sign Systems Studies* 43 (2015), 226-34.10.12697/SSS.2015.43.2-3.05
- Dalton, Benjamin. "Creativity, Habit, and the Social Products of Creative Action: Revising Joas, Incorporating Bourdieu." *Sociological Theory* 22 (2004), 603-22.10.1111/j.0735-2751.2004.00236.x
- Derrida, Jacques. "Force of Law: The 'Mystical Foundation of Authority.'" In *Deconstruction and the Possibility of Justice*, edited by D. Cornell et al., 3-67. London/New York: Routledge, 1992.
- Doidge, Norman. *The Brain that Changes Itself*. New York: Penguin, 2007.
- Dreyfus, Hubert L. "Intelligence without Representation – Merleau-Ponty's Critique of Mental Representation." *Phenomenology and the Cognitive Sciences* 1 (2002), 367-83.10.1023/A:1021351606209
- Dreyfus, Hubert L. and Dreyfus, Stuart. *Mind over Machine*. New York: The Free Press, 1986.
- Feige, Daniel. *Philosophie des Jazz*. Berlin: Suhrkamp, 2014.
- Foucault, Michel. *Discipline and Punish*. New York: Vintage, 1977.
- Gadamer, Hans-Georg. *Truth and Method*. Transl. revised by J. Weinsheimer and D. G. Marshall. London/New York: Continuum, 1960.
- Gehlen, Arnold. *Man, His Nature and Place in the World*. New York: Columbia University Press, 1988.

- Gibson, James J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
- Goehr, Lydia. "Improvising Impromptu, Or, What to Do with a Broken String." In *The Oxford Handbook of Critical Improvisation Studies*, Volume 1, edited by G. E. Lewis and B. Pickut, 458-80. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Goffman, Erving. *The Presentation of the Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books, 1959.
- Guala, Francesco. *Understanding Institutions*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Hamilton, Andrew. "Jazz as Classical Music." In *Improvisation: Between Technique and Spontaneity*, edited by M. Santi, 53-75. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2010.
- Hegel, Georg W. F. *Phenomenology of Spirit*. Transl. by A. V. Miller. Oxford: Oxford University Press, 1977.
- Honneth, Axel. *Das Recht der Freiheit*. Berlin: Suhrkamp, 2011.
- Jankelevitch, Vladimir. *La rhapsodie. Verve et improvisation musicale*. Paris: Flammarion, 1955.
- Kant, Immanuel. *Critique of the Power of Judgement*. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2002.
- Khurana, Thomas. *Das Leben der Freiheit. Form und Wirklichkeit der Autonomie*. Berlin: Suhrkamp, 2017.
- Kiesewetter, Benjamin. *The Normativity of Rationality*. Oxford: Oxford University Press, 2017.10.1093/oso/9780198754282.001.0001
- Korsgaard, Christine M. *The Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.10.1017/CBO9780511554476
- Luhmann, Niklas. *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Magri, Elisa. "The Place of Habit in Hegel's Psychology." In *Hegel's Philosophical Psychology*, ed. S. Herrmann-Sinai and L. Ziglioli, 74-90. London/New York: Routledge, 2016.
- Malabou, Catherine. *The Future of Hegel: Plasticity, Temporality and Dialectic*. London: Routledge, 2005.
- Malabou, Catherine. "Addiction and Grace: Preface to Felix Ravaisson's *Of Habit*." In *Felix Ravaisson, Of Habit*, Transl. by C. Carlisle and M. Sinclair, vii-xx. London: Continuum, 2008.
- Massecar, Aaron. *Ethical Habits: A Peircean Perspective*. Lanham, MD: Lexington Books, 2016.
- Maturana, Humberto R. and Varela, Francisco J. *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht: Reidel, 1980.10.1007/978-94-009-8947-4
- Merleau-Ponty, Maurice. *Phenomenology of Perception*. London: Routledge, 1962.
- Merleau-Ponty, Maurice. *The Structure of Behavior*. London: Methuen, 1965.
- Monson, Ingrid. *Saying Something: Jazz Improvisation and Interaction*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
- Nachmanovitch, Stephen. *Free Play: Improvisation in Life and Art*. New York: Penguin, 1990.
- Nettl, Bruno. "Thoughts on Improvisation: A Comparative Approach." *The Musical Quarterly* 60 (1974), 1-19.10.1093/mq/LX.1.1
- Peirce, Charles S. *Collected Papers*. Cambridge: Harvard University Press, 1931.
- Peters, Gary. *Improvising Improvisation: From out of Philosophy, Music, Dance, and Literature*. Chicago: The University of Chicago Press, 2017.10.7208/chicago/9780226452760.001.0001
- Pinkard, Terry. *German Philosophy 1760-1860: The Legacy of Idealism*. New York: Cambridge University Press, 2002.10.1017/CBO9780511801846
- Pippin, Robert B. "Hegel's Practical Philosophy: The Realization of Freedom." In *The Cambridge Companion to German Idealism*, edited by K. Ameriks, 180-99. New York: Cambridge University Press, 2000.10.1017/CCOL0521651786.010
- Pressing, Jeff. "Cognitive Processes in Improvisation." In *Cognitive Processes in the Perception of Art*, edited by W. R. Crozier and A. J. Chapman, 45-63. Amsterdam: North Holland, 1984.10.1016/S0166-4115(08)62358-4
- Pressing, Jeff. "Psychological Constraints on Improvisational Expertise and Skill." In *In the Course of Performance*, edited by B. Nettl and M. Russell, 47-67. Chicago: The University of Chicago Press, 1998.
- Preston, Beth. *A Philosophy of Material Culture*. London: Routledge, 2013.10.4324/9780203069844
- Ramshaw, Sara. *Justice as Improvisation*. London: Routledge, 2013.10.4324/9780203073285
- Ravaisson, Felix. *Of Habit*. London: Continuum, 2008.
- Recanati, François. *Literal Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.10.1017/CBO9780511615382
- Rousselot, Mathias. *Etude sur l'improvisation musicale*. Paris: L'Harmattan, 2012.
- Ryle, Gilbert. *The Concept of Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
- Sawyer, R. Keith. *Creating Conversations: Improvisation in Everyday Discourse*. New Jersey: Hampton Press, 2001.
- Sawyer, R. Keith. *Group Creativity: Music, Theater, Collaboration*. New York: Taylor & Francis, 2003.
- Sawyer, R. Keith. "Improvisational Creativity as a Model for Effective Learning." In *Improvisation: Between Technique and Spontaneity*, edited by M. Santi, 135-51. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2010.
- Schiaffini, Giancarlo. "Never Improvise Improvisation." *Contemporary Music Review* 25 (2006), 575-6.10.1080/07494460600990711
- Searle, John R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.10.1017/CBO9781139173438

Sellars, Wilfrid. *In the Space of Reasons: Selected Essays of Wilfrid Sellars*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.

Sparrow, Tom and Hutchinson, Adam, eds. *A History of Habits: From Aristotle to Bourdieu*. Lexington: Lanham, 2013.

Taruskin, Richard. *Text and Act: Essays on Music and Performance*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Thomson, Judith J. *Normativity*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

Tomkins, Calvin. *Marcel Duchamp: The Afternoon Interview*. New York: Nandlands Unlimited, 2013.

Wittgenstein, Ludwig. *Philosophical Investigations*. Oxford: Basil Blackwell, 1958 [1953].

Wright, Georg H. von. *Norm and Action: A Logical Inquiry*. London: Routledge & Kegan, 1963.

Young, James O. and Matheson, Carl. "The Metaphysics of Jazz." *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 58:2 (2000), 125-33.10.1111/1540-6245.jaac58.2.0125

In the article, the author tries to answer the first question about the source of the appearance of morality in the process of analyzing authoritative sources, as well as in the course of his own discussions on the topic with the involvement of empirical examples. The second question directly follows from the first and rather reflects the author's personal position on the persuasiveness of this or that argument, which the authors use when developing their own theory of the origin and development of morality in an individual.

Keywords: morality; immoral; immoral; the position of nativists; degree of humanization; moral act; socialization; nature; children.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-10.2

УДК 17.021/036

ВАК 5.10.1/ 24.00.01

© Истомин В.И., 2022

МОРАЛЬ – ВРОЖДЕННОЕ ИЛИ ПРИБРЕТЕННОЕ СВОЙСТВО ЧЕЛОВЕКА?

В статье автор пытается ответить на первый вопрос об источнике появления морали в процессе анализа авторитетных источников, а также в ходе собственных рассуждений по теме с привлечением эмпирических примеров. Второй же вопрос прямо вытекает из первого и скорее отражает личную позицию автора по поводу убедительности той или иной аргументации, которую используют авторы при разработке собственной теории возникновения и развития морали у индивида.

Ключевые слова: мораль; аморальны; неморальны; позиция нативистов; степень гуманизации; моральный поступок; социализация; природа; дети.

Постановка проблематики

Наверное, любой взрослый человек имеет представление о морали, о моральности того или иного поступка, однако многие ли задумывались о том моменте, когда у них появилось это чувство понимания, что какие-то собственные действия или действия других людей являются хорошими или плохими? Еще в самом детстве в процессе первичной социализации детей учат тому, что нельзя кидаться песком в других детей, потому что это плохо, или что помощь пожилым людям – это хороший поступок. В первичной социализации участвуют ближайшие родственники, няни, воспитатели и другие люди, однако, только ли они прививают понятие морального или аморального детям? В рамках этой социализации, как утверждают психологи развития, понятие морали у детей развивается, и оно продолжает развиваться даже в более позднем возрасте в процессе вторичной социализации [1]. Этим можно объяснить различия в понимании морального поступка в разных культурах: в Индии собаку можно спокойно ударить палкой, и это не будет осуждаться, а в какой-нибудь цивилизованной Германии это будет неприемлемо.

Вопрос о том, кто прививает понятие морального подразумевает, строго говоря, два ответа: агенты социализации или природа. В данном случае корректнее даже было бы сказать не в целом про понятие морального в сформированном виде, а про некий зачаток, из которого идет развитие в ходе социализации.

ИСТОМИН

Владимир Игоревич, магистрант, НИУ
Высшая школа
экономики, Москва

Итак, первая позиция говорит о том, что новорожденный ребенок – чистый лист бумаги, на котором пишет общество. Согласно данной логике, зачаток морали также формируется обществом, и не существует у только что рожденного ребенка, поскольку как такового контакта с обществом у него еще не было. Другая же говорит о природном начале морали, если так можно сказать. В генах заложены либо сформированные моральные правила, либо какая-то основа, на которую ложится все остальное (о различии данных позиций будет более подробно сказано далее) [2, с. 161]. Кто же все-таки в данном случае прав, если обе логики противоположны друг другу и при достоверности одной вторая автоматически становится ложной? С другой стороны, есть ли вообще правильная позиция по данному вопросу, или это все зависит от личных убеждений последователя того или иного объяснительного направления?

Небожественные теории возникновения морали у индивида. Начнем с самой первой и традиционной теории по поводу природы такого свойства человека, как мораль. Изучение морали с позиции психологов развития основывается на точке зрения, в рамках которой мораль – полностью приобретенная характеристика; основными представителями данной мысли являются Ж. Пиаже с концепцией о развитии мышления ребенка [3] и Л. Колберг со своей теорией морального развития, в рамках которой описываются этапы нравственного развития детей [4]. Только рожденные дети являются полной противоположностью взрослым людям с точки зрения развития морали: они либо аморальны, либо неморальны [5, с. 186]. Разница между аморальностью и неморальностью заключается в том, что в одном случае идет речь об отсутствии морального смысла, а во втором – о противоположном моральному (в русском языке распространено только понятие "аморального"). Несмотря на позицию психологов, которые говорят о развитии

чувства морали у детей с возрастом, данная логика не исключает отсутствие морального задатка. Культурные различия также не являются достаточно сильным аргументом, поскольку у всех народов есть сходная оценка моральности каких-либо действий: как минимум, помощь и вред другим людям оценивается примерно одинаково везде [5, с. 187].

Ранее приведенный пример с отношением к собаке в Индии и Германии показывает культурные различия по вопросу насилия к этому животному, однако, например, ответ на вопрос о моральности немотивированного обезглавливания женщин вряд ли будет различаться между культурами. Это говорит либо о том, что какие-то моральные установки уже сформированы на момент рождения ребенка, либо просто о том, что в процессе социализации прививаются одни и те же нормы по ряду вопросов. Если с первым случаем все понятно: рассматриваемая теория может отброситься в сторону, и альтернативное понимание возникновения морали (изначально от природы) является более истинным, то во втором случае вопрос остается открытым.

Далее рассмотрим позицию нативистов, которые следовали ровно противоположной логике развития морали у индивида. Нативисты утверждают о существовании конкретных моральных правил: "он [новорожденный ребенок] рождается, зная, что убийство – это плохо, помощь – хорошо, нарушение обещаний – плохо, так же как и беспричинное нанесение вреда кому-либо" [2, с. 161]. Однако все не так, как может с первого взгляда показаться: эти правила не являются неизменными, они определены не насколько четко, чтобы ребенок при рождении имел полное понятие о том, что есть моральное или аморальное действие. В противном случае родителям этого ребенка не приходилось бы прививать ему представления о том, что какие-то поступки являются правильными, а какие-то наоборот. Правильным было бы охарактеризовать состояние

морального развития новорожденного как "первый драфт" или "бриф", в котором отражено только самое основное (как в цитате выше). Более того, этот драфт или, другими словами, черновик, может дорабатываться на протяжении не только всего детства, но и даже в более взрослом возрасте, однако, в меньшей степени [6, с. 63].

В статье Д. Хайдта, Д. Грэхэма и других [4] приводится пример исследования Минека и Кук 1988 года, в рамках которого молодым макакам-резусам показывали других, более взрослых макаков, которые боялись пластиковых змей и цветов (или не боялись). После демонстрации страха взрослых особей молодые макаки начинали бояться пластиковых змей, однако они не испытывали страха к цветам, даже если взрослая обезьяна испытывала страх к ним. Таким образом, речь идет о наличии некой предустановки на генетическом уровне, что следует бояться змей; в данном случае можно провести параллель с людьми и говорить о наличии неких предустановок [6, с. 63]. Однако тут же возникает вопрос к самому исследованию, ведь испытуемые молодые макаки-резусы могли просто-напросто не поверить тем эмоциям, которые выражали взрослые особи при виде пластиковых цветов, ровно также как люди (в том числе и дети) склонны не верить в фальшивые эмоции.

Следующая теория отступает от нативизма в направлении традиционной психологии развития. В рамках этой теории также используется понятие первого драфта, однако он не только дополняется, но еще и изменяется в соответствии с культурным контекстом, в котором находится ребенок. Если роль культуры на самом деле отсутствовала бы, то не было бы и культурных различий в конечном счете. Более того, в данном случае те смыслы, которые вкладывает природа в понятие морального, более размыты, чем в контексте нативной теории, и они имеют большую степень абстракции. На основе этих совершенно базовых представлений у ребенка с помощью общества

конструируются четкие и специфические моральные правила [6, с. 64]. М. Хаузер разделяет аналогичную точку зрения, поскольку она утверждает существование в человеческом мозге нечто того, что позволяет усваивать моральные нормы. Она также объясняет, почему домашние животные не усваивают эти нормы, хотя они живут в близком контакте с людьми и находятся в зоне действия их моральных правил (потому что у животных нет в мозгу соответствующего механизма усвоения таких норм) [2, с. 161]. Фактически, из двух противоположных теоретических взглядов на природу возникновения морали у индивида, эта мысль находится посередине, именно она отрицает как полное отсутствие влияния природы и генов на возникновение зачатка морали, так и встроенное понимание конкретных моральных правил у ребенка. Здесь же можно привести аналогию с П. Бурдье, который разрабатывал свою теорию, найдя некий компромисс между объективным и субъективным [7].

В данной подчасти работы будут рассмотрены широко известные эксперименты с маленькими детьми, которые проводились в лаборатории "BabyLab" Йельского университета. Несмотря на то, что некоторые эксперименты были направлены на изучение детских ожиданий по поводу социальных взаимодействий, с точки зрения взрослых людей можно наблюдать скрытую оценку детьми моральности тех или иных действий [8, с. 7]. Разбор предлагаемых случаев позволит эмпирически дать оценку тому, является ли мораль врожденной или приобретенной.

В рамках одного из экспериментов детям показывался анимированный мультик, где красный мячик пытался забраться на горку, но у него не получалось этого сделать. В первом случае ему помогал это сделать желтый квадрат, а во втором – зеленый треугольник сталкивал этот мячик вниз. Затем детям демонстрировалось сближение треугольника или квадрата с этим мячиком, и

в процессе эксперимента выяснилось, что дети акцентировали внимание именно на сближение треугольника и мячика. Интерпретация могла быть следующей: дети были удивлены действиями треугольника в предыдущем эпизоде. Однако здесь играл роль также и фактор возраста, находящийся проявление в том, что дети до 6 месяцев не имели ожиданий по поводу дальнейшей интеракции, особенно если фигурки не были гуманизированы, в то время как дети возрастом от 10 месяцев имели такие ожидания [8, с. 7].

Другой же эксперимент имел абсолютно те же вводные данные, однако после демонстрации такого мультика детям предлагались фигурки-участники сцены, и оценка проводилась в данном случае не по времени, которое уделялось каждой из фигурок (как маркер предпочтения), а по тому, до какого персонажа ребенок дотянется, то есть выберет его. Эксперимент показал, что абсолютное большинство детей, чей возраст был от 6 до 10 месяцев, выбирали фигурку, которая помогала, а не которая сталкивала мячик с горки. Однако только по данному случаю рано делать вывод о том, что для детей помощь – хорошо, а препятствование – плохо. Стоит также заметить, что в ходе эксперимента исключались факторы, способствующие смещению результатов, такие как цвет, форма фигурок и т. п. [8, с. 7].

Следующие эксперименты, подтверждающие способность маленьких детей отличать "хорошие" действия от "плохих", были проведены К. Уин и К. Хамлин, в которых аналогичным образом были разыграны сценки и показаны детям. Здесь следует сделать замечание по поводу того, что эти эксперименты проводились с детьми более младшего возраста (пятимесячными малышами), и сцены были показаны вживую, а не на экране цифрового устройства. Помимо всего прочего в сценках участвовали куклы, а не абстрактные геометрические фигуры, что означало большую степень гуманизации, и как следствие приближенность к реальным

действиям живых существ. Однако могут ли дети в таком возрасте отличить движущиеся куклы от реальных живых существ, или для них "кукольная коммуникация" является практически тем же самым, что и коммуникация между людьми или животными? С нашей точки зрения, это играет роль, поскольку при моральной оценке каких-либо действий, если это нереальные существа, необходима некая степень абстракции от их нереальности, а дети в очень маленьком возрасте, вероятно, не могут мыслить абстрактно. Таким образом, если дети практически не отличают кукольную коммуникацию от коммуникации между живыми людьми, то это повышало бы качество эксперимента.

В одном из таких экспериментов кукла пыталась открыть крышку коробки, однако, у нее не получалось этого сделать самостоятельно. После неудачных попыток одна из кукол помогала ей открыть коробку, а другая, наоборот, захлопывала крышку. В другом эксперименте куклы играли с мячом: одна кукла перекидывала его другой, та возвращала ей, после чего первая кукла опять кидала мяч, но уже третьей кукле, однако, она убегала с ним, при этом либо нарушая правила игры (интуитивно понятные), либо присваивая себе чужой мяч. Маленьким детям в обоих экспериментах представлялись участники сцены, "хороший" и "плохой", и они выбирали именно "хорошего", что означало наличие у них какого-никакого, но представления о хорошем и плохом поведении [8, с. 8-9].

Несмотря на то, что даже приведенные эксперименты показывают существование некоего представления у детей о плохом и хорошем, то есть в целом о моральности тех или иных поступков, они имеют свои ограничения, преимущественно связанные с возрастом испытуемых. Существуют эксперименты, в которых участвуют дети и более младшего возраста, например, трехмесячные [5, с. 187]. Однако говорить о том, что чья-либо теория подтвердилась или опро-

верглась еще рано, поскольку за три месяца жизни ребенок вступает в тесное взаимодействие с матерью и получает жизненный опыт через наблюдение, который может влиять на его поведение в процессе эксперимента и исказить результаты. Полностью объясняющий наличие или отсутствие задатков морали у детей эксперимент был бы в случае участия в нем только рожденного ребенка, который освобожден от жизненного опыта. Однако тут же возникают сопутствующие проблемы, связанные с организацией такого исследования.

Помимо того, что сложно найти мать и отца, готовых "предоставить" свое только появившееся на свет чадо для эксперимента, также возникают вопросы о том, как вообще проводить такие исследования и как оценивать и измерять реакцию ребенка в первые дни его жизни. Возможно, когда-нибудь появятся компьютеры, которые позволят диагностировать наличие морали у новорожденного с помощью мониторинга его мозговой активности, однако, пока в это слабо верится.

Заключение

По ходу работы были рассмотрены три основные теоретические концепции, которые затрагивают тему возникновения морали у индивида. Основные различия между ними заключаются в понимании того, в какой степени моральные качества человека являются природными производными: психологи развития говорят о появлении морали исключительно в процессе социализации человека, натуристы утверждают, что моральные правила уже определены при рождении ребенка, а третья позиция, наиболее новая из всех, занимает центральное положение между этими полюсами и говорит о наличии у новорожденного абстрактных моральных представлений, на которых в ходе его воспитания конструируются четкие моральные нормы.

Рассматривая только изыскания представителей каждого из приведенных направлений, определить, кто же в итоге прав вряд

ли возможно, поскольку все позиции имеют свои недостатки и не дают реальных подтверждений того, что их точка зрения является правильной, а остальные ложные. Подтверждения могут даваться разве что с помощью экспериментов, которые также были рассмотрены, однако, эксперименты имеют свои ограничения, связанные с возрастом испытуемых и наличием у них жизненного опыта. В таком случае явного подтверждения точки зрения, например, натуристов, нет, хотя эксперименты могут показывать явное наличие у трехмесячных детей понимания того, что есть хорошо, а что плохо. Однако гарантий того, что это понимание пришло не в процессе взаимодействия с матерью и наблюдения за окружающим миром, также нет. Возможно, полная изоляция ребенка от общества, поддержание его жизни в лабораторных условиях, а после проведение соответствующих экспериментов с ним (когда он сможет хотя бы минимально контролировать свои движения), могло бы позволить получить какие-то результаты, однако, тут возникает вопрос этичности создания таких условий для осуществления эксперимента.

Таким образом, на данном этапе развития науки о морали (если ее можно считать наукой), правильной точки зрения, вероятно, не существует, ведь какого-то максимально убедительного эмпирического подтверждения той или иной теории нет. Однако мы считаем, что наибольшая жизнеспособность все-таки характерна для теории М. Хаузера, поскольку она новее двух других и рассматривает наработки более ранних исследователей (например, Колберга и Пиаже), а также является не менее авторитетной.

Литература:

1. Killen M., Smetana J. G., Smetana J. Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Handbook of moral development. – Psychology Press, 2006. – С. 137-172.
2. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. – М. : Дрофа, 2008.

3. Пиаже Ж. "Речь и мышление ребенка". – М.-Л. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1932.
4. Kohlberg L., Elfenbein D. The development of moral judgments concerning capital punishment // American Journal of Orthopsychiatry. – 1975. – Т. 45. – №. 4.
5. Hamlin J. K. Moral judgment and action in preverbal infants and toddlers: Evidence for an innate moral core // Current Directions in Psychological Science. – 2013. – Т. 22. – №. 3. – С. 186-193.
6. Graham J. et al. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // Advances in experimental social psychology. – Academic Press, 2013. – Т. 47. – С. 55-130.
7. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. В.И. Иванова. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/22>.
8. Bloom P. The moral life of babies // New York Times Magazine. – 2010. – Т. 3.

REVIEWING THE CASE OF ONLINE INTERPERSONAL TRUST

Tagliaferri Mirko, DSc of Philosophical sciences, Urbino University, Urbino, Italy

The purpose of the study is to better qualify the problem of online trust. The problem of online trust is that of evaluating whether online environments have the proper design to enable trust. This paper tries to better qualify this problem by showing that there is no unique answer, but only conditional considerations that depend on the conception of trust assumed and the features that are included in the environments themselves. In fact, the major issue concerning traditional debates surrounding online trust is that those debates focus on specific definitions of trust and specific online environments. Ordinarily, a definition of trust is assumed and then environmental conditions necessary for trust are evaluated with respect to such specific definition. However, this modus operandi fails to appreciate that trust is a rich concept, with a multitude of meanings and that there is still no strict consensus on which meaning shall be taken as the proper one. Moreover, the fact that online environments are constantly evolving and that new design features might be implemented in them is completely ignored. In this paper, the richness of the philosophical discussions about trust is brought into the analysis of online trust. I first provide a set of conditions that depend on the definition of trust that can be assumed and then discuss those conditions with respect to the design of online environments in order to determine whether they can enable (and under which circumstances) trust.

Keywords: doxastic theories of trust; affective theories of trust; online trust.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-10.3

УДК 32.019.51

БАК 5.5.2/23.00.02

© **Тальяферри М.**, 2022

© **Григорьева М.А.**, перевод
с англ., 2022

ОБЗОР УСЛОВИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

Цель исследования состоит в том, чтобы лучше квалифицировать проблему онлайн-доверия. Проблема онлайн-доверия заключается в оценке того, имеет ли онлайн-среда надлежащий формат, обеспечивающий доверие. В этой статье делается попытка лучше определить эту проблему, и в итоге продемонстрировать, что нет однозначного ответа, а есть только условные соображения, которые зависят от предполагаемой концепции доверия и функций, включенных в саму среду. На самом деле, основная проблема, связанная с традиционными дебатами о доверии в Интернете, заключается в том, что эти дебаты сосредоточены на конкретных определениях доверия и конкретной онлайн-среде. Обычно предполагается определение доверия, а затем условия окружающей среды, необходимые для доверия, оцениваются в соответствии с таким конкретным определением. Однако этот способ действия не понимает, что доверие - это богатое понятие, имеющее множество значений и что до сих пор нет согласия в отношении того, какое значение следует принимать за правильное. Более того, полностью игнорируется тот факт, что онлайн-среды постоянно развиваются и в них могут внедряться новые конструктивные особенности. В этой статье богатство философских дискуссий о доверии переносится на анализ онлайн-доверия. Сначала я привожу набор условий, которые зависят от определения доверия, которое можно предположить, а затем обсуждаю эти условия в отношении дизайна онлайн-среды, чтобы определить, могут ли они обеспечить (и при каких обстоятельствах) доверие.

Ключевые слова: доксистические теории доверия; аффективные теории доверия; онлайн-доверие.

Tagliaferri, M. Reviewing the Case of Online Interpersonal Trust. *Found Sci* (2022).

Перевод с английского
кандидата полит. н.
М.А. Григорьевой

ТАЛЬЯФЕРРИ

Мирко, доктор философских наук, Университет Урбино, Урбино, Италия

1. Вступление

Доверие [1] способствует сотрудничеству (Gambetta, 1988) и не требует сложной и дорогостоящей инфраструктуры (Williamson, 1993). Более того, доверие позволяет этому сотрудничеству возникать в системах, характеризующихся неопреде-

ленностью. Байер (1986) предлагает перейти к упрощению за счет уменьшения сложности социальной среды (Луманн, 1979) что, в свою очередь, позволяет совершать действия, даже когда данных (или времени) недостаточно для выполнения. тщательный анализ возможных результатов указанных действий. Эти факты, кажется, предполагают, что доверие является чрезвычайно важным фактором в среде, где проистекают основные социальные взаимодействия. С этого момента связь между доверием и онлайн-средой стала объектом изучения (Ess & Thorseth, 2011); Флориди и Таддео, 2011; Grabner-Krauter & Schratt-Bitter, 2013; Кеймолен, 2016; Тальяферри, 2019; Тальяферри и Альдини, 2018a, 2018b). Онлайн-среда стала важной частью нашей повседневной жизни: мы заказываем еду через приложения, бронируем отели через веб-сайты, общаемся друг с другом через социальные сети и проходим обучение через онлайн-курсы. По сути, все, что мы делали в физическом мире еще тридцать лет назад, теперь можно делать онлайн. Более того, возросшая возможность взаимодействия в сети стала важной и для технологий (например, сенсоров для умных домов), которые могут обмениваться данными и создавать огромные сети дополнительных услуг, породив то, что сейчас называется Интернетом вещей (IoT) Эванс (2011).

Предполагая, что этот переход от взаимодействия в физическом мире к взаимодействию в онлайн-среде со временем будет постепенно увеличиваться, полезно понять, может ли доверие (и, следовательно, какие его виды) возникать в онлайн-средах (в каких именно). В частности, необходим ответ на следующий вопрос, касающийся онлайн-доверия. [2]:

Возможно ли онлайн-доверие? (Вопрос 1)

Чтобы ответить на Вопрос 1, необходимо понять, могут ли онлайн-среды удовлетворять необходимым условиям доверия и что для этого необходимо. Это, очевидно, будет

зависеть от того, что такое доверие и как оно характеризуется. Обычно первый шаг в поиске ответа на Вопрос 1 заключается в том, чтобы указать определение предполагаемого доверия. Затем, как правило, следует обсуждение особенностей конкретной онлайн-среды, которая может способствовать или препятствовать феномену доверия. Наконец, такие анализы дают положительные или отрицательные ответы, основанные на конкретном предполагаемом определении доверия и типологии анализируемой среды.

Однако этот *modus operandi* (с лат. *режим работы*) не учитывает, что понятие доверия всегда ускользало от строгой регламентации. Такие разнообразные дисциплины, как социология (Barber, 1983), экономика Dasgupta (1988), политология Hardin (2002), эволюционная биология Trivers (2002) и компьютерные науки (Aldini et al., 2021; Aldini & Tagliaferri, 2020a, 2020b, 2020c). Стоит отметить, что Тальяферри и Альдини (2022) посвятили часть своего внимания доверию, явно отдавая предпочтение своим собственным интересам в этой области и используя типичные для них методы исследования. Мало того, даже внутри одних и тех же дисциплин доверие часто определяется по-разному. Прекрасным примером является анализ природы доверия, проводимый в философии. Разные авторы дают совершенно разные определения доверия (Carter & Simion, 2021; McLeod et al., 2020), каждое из которых включает множество примеров, подтверждающих данное конкретное определение.

Учитывая разнообразие определений доверия, найти точный и окончательный ответ на Вопрос 1 практически невозможно. Тем не менее, что можно сделать, так это дать условные ответы, основанные на конкретном анализе доверия и конкретных функциях, требуемых от онлайн-среды. [3] Таким образом, вместо того, чтобы сосредоточиться на конкретном определении доверия, можно провести высокоуровневый анализ концепции и дать различные ответы на Вопрос 1 может быть предоставлено в зависимости

от того, как концептуализируется доверие и какие функции онлайн-среды предполагаются.

Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы сделать обзор философской литературы, посвященной доверию, чтобы экстраполировать различные черты доверия, которые могут особым образом характеризовать это явление. Затем эти функции будут тщательно изучены с точки зрения характеристик онлайн-сред и их формата, чтобы проверить, могут ли конкретные формы доверия, которые анализируются, возникать в таких средах или требуются ли определенные особенности формата, чтобы допустить их появление.

Это означает, что документ следует воспринимать как в высшей степени абстрактное руководство по изучению различных форм онлайн-доверия, дающее представление о различных условиях доверия и осуществимости их выполнения в онлайн-среде (и потенциальных вариантах формата, которые необходимо сделать для включения доверия).

Статья построена следующим образом. Во втором разделе будут даны и объяснены все основные определения и допущения, составляющие основную часть статьи. Самое главное, будет дано определение доверия и онлайн-среды. Предоставленное определение доверия будет включать как обязательные, так и необязательные функции, которые могут по-разному квалифицировать доверие. В третьем разделе эти функции доверия будут оценены и обсуждены, пытаясь понять, какие варианты формата необходимы (если они есть) для обеспечения доверия в онлайн-средах. В заключение последуют некоторые выводы.

2. Определения и предположения

В этом разделе будут даны определения, составляющие основную часть этой статьи.

Прежде всего, будет дано определение доверия. Это определение будет включать в себя различные условные признаки, которые помогут охарактеризовать доверие как конкретное понятие. Кроме того, будет дано определение понятию *онлайн-среды*. Наконец, анализируются некоторые концепции, связанные с доверием, т. е. *репутация* и *благонадежность*, чтобы разобраться, чем эти концепции отличаются от концепции доверия, и почему онлайн-доверие может иметь большее значение, чем они. Эти родственные концепции будут играть роль и в последующем анализе, поскольку они часто используются в качестве средств обеспечения доверия в онлайн-среде.

2.1. Межличностное доверие

Отправной точкой для этой статьи будет межличностное доверие Поттера (2020) и Саймона (2020). Это означает, что не будут делаться ссылки на теории, касающиеся доверия, которое не является межличностным, например, институциональное доверие (Hurley et al., 2013), групповое доверие (Sapp et al., 2019), терапевтическое доверие (Hinchman, 2017) или концепции доверия, рассматривающие доверие как свойство отношений (Primiero & Taddeo, 2012). [4]

Определение 1 (Межличностное доверие) (далее просто "доверие") – это отношение, которое агент *a1* (*доверитель*) имеет к другому агенту *a2* (*доверительное лицо*) для определенной цели ψ . Для того чтобы отношение можно было квалифицировать как доверие, необходимы как минимум два элемента:

1. Доверитель должен полагаться на доверительное лицо для достижения цели ψ .
2. Обстоятельства, при которых возникает доверие, должны содержать как минимум два элемента свободы. В частности, доверитель должен быть свободен в выборе, полагаться ли на доверительное лицо или

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 1 (ДОВЕРИЕ)
– ЭТО ОТНОШЕНИЕ,
КОТОРОЕ АГЕНТ *a1*
(ДОВЕРИТЕЛЬ) ИМЕЕТ К
ДРУГОМУ АГЕНТУ *a2*
(ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО)
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ
ЦЕЛИ.

нет; кроме того, доверительное лицо должно быть свободно в выборе не оправдать возложенных на него доверителем надежд, не способствуя достижению цели, которая является частью доверительных отношений.

Определение 1 является достаточно общим. Это потому, что такое определение будет использоваться только для того, чтобы заложить основы всех дальнейших концепций доверия. [5] Начиная с этого определения уже можно выделить некоторые важные моменты.

Прежде всего, и во-первых, определение 1 гласит, что доверие – это отношение. Это подразумевает, что, по крайней мере, доверитель должен быть агентом, который может быть носителем отношения, а доверительное лицо должно быть агентом, на которого можно направить отношение. Поскольку характер отношения зависит от различных используемых определений доверия, больше ничего нельзя сказать прямо сейчас, поскольку для лучшего понимания этого требования необходимы дальнейшие уточнения.

Во-вторых, тип межличностного доверия, который анализируется в этой статье, включает отношения, состоящие из трех частей. Всегда будет два агента (доверитель и доверительное лицо) и конкретная цель, которая будет определять, присутствует доверительное отношение или нет. [6]

В-третьих, поскольку определение указывает на присутствие двух агентов, необходимо явно указать их некоторые обязательные характеристики. Основное предположение, которое будет сделано в отношении природы агентов, состоит в том, что агенты способны взаимодействовать в той среде, в которой они находятся. Это означает, среди прочего, что агенты должны

иметь возможность общаться друг с другом и выполнять действия, которые могут влиять на среду, частью которой они являются, и другие агенты, с которыми они взаимодействуют. Точный способ, которым агенты общаются, выполняют действия и влияют на свою среду, не имеет значения, пока они могут это делать. Это означает, что

как люди, так и искусственные интеллектуальные агенты (ИИ) могут выполнять роли доверителя и доверенного лица. [7] На данный момент будет использоваться стандартное определение того, что такое ИИ (Grodzinski и др., 2010): ИИ рассматривается как нечеловеческое существо, автономное, взаимодействующее с окружающей средой и адаптирующееся как функция внутреннего состояния

и взаимодействия с окружающей средой.

Наконец, есть два необходимых элемента, характеризующих определение 1, которым можно дать более конкретные определения.

Определение 2 (Уверенность) агента a_1 зависит от другого агента a_2 для достижения определенной цели, если агент a_1 действует, исходя из предположения, что агент a_2 действительно будет способствовать достижению цели.

Концепция уверенности занимает центральное место в межличностном доверии. Чтобы понять его важность, нужно принять во внимание последствия предательства доверия, или неоправданных доверительным лицом надежд, возложенных на него доверителем. Если доверие отличается от уверенности, то возможен следующий сценарий. Представьте, что вы доверяете своему другу прийти и помочь вам собрать вещи для переезда, но в то же время вы не пола-

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 2
(УВЕРЕННОСТЬ) АГЕНТА A_1
ЗАВИСИТ ОТ ДРУГОГО
АГЕНТА A_2 ДЛЯ
ДОСТИЖЕНИЯ
ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛИ,
ЕСЛИ АГЕНТА A_1
ДЕЙСТВУЕТ, ИСХОДЯ ИЗ
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ЧТО
АГЕНТ A_2
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БУДЕТ
СПОСОБСТВОВАТЬ
ДОСТИЖЕНИЮ ЦЕЛИ.

гаетесь на него. Учитывая отсутствие уверенности в вашем друге, ваши действия не будут определяться предположением, что он/она придет и поможет вам. Поэтому вы бы наняли частную компанию, чтобы она пришла и упаковала ваши вещи, а затем перевезла их в новый дом. Предположим, что ваш друг не появляется. В таком случае вам было бы странно чувствовать себя преданным своим другом; в конце концов, даже если бы он появился, компания выполнила бы работу, без помощи друга. Таким образом, доверие, которое вы возлагали на своего друга, все это время было бесполезным. Наоборот, если вы положились на него, начав собирать вещи и ожидая, пока он придет в ваш старый дом и поможет вам переместить все пакеты, а он/она не явился, чтобы помочь, то, вероятно, вы чувствовали бы себя преданным, так как все ваши действия были совершены в расчете на то, что он/она придет.

В то же время можно показать, что два понятия не сводятся к одному, поскольку можно полагаться на агента, не доверяя ему. Возьмем для справки предыдущий пример: вы можете рассчитывать на то, что компания будет надлежащим образом обращаться с вашими вещами во время переезда, не обязательно доверяя ей. Ваша уверенность, например, может присутствовать, потому что вы знаете, что компания застрахована, и если они не выполняют работу должным образом, вы не будете платить им. В то же время у вас может быть недостаточно информации о компании, чтобы полностью ей доверять.

Отсюда следует, что уверенность является необходимым, хотя и недостаточным условием доверия.

Определение 3 (Свобода). Агент, участвующий в отношениях, считается свободным,

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ 3
(СВОБОДА). АГЕНТ,
УЧАСТВУЮЩИЙ В
ОТНОШЕНИЯХ,
СЧИТАЕТСЯ СВОБОДНЫМ,
ЕСЛИ ОН/ОНА МОЖЕТ
САМОСТОЯТЕЛЬНО
РЕШИТЬ ВЫЙТИ ИЗ
ОТНОШЕНИЙ (ИЛИ
ВООБЩЕ НЕ ВСТУПАТЬ В
НИХ).**

если он/она может самостоятельно решить выйти из отношений (или вообще не вступать в них).

Доверительные отношения предусматривают два различных элемента свободы агентов. Первым элементом является доверитель, который должен иметь свободу решать, полагаться на доверительное лицо

[8] или нет. В случае, если этот первый элемент свободы отсутствует, то вместо использования термина "доверие" для определения отношения было бы лучше говорить об обязательстве. Обычно свобода доверителя исходит из возможности иметь альтернативные пути для достижения своей цели, которые не требуют вмешательства доверительного лица. Эта

альтернативная возможность не обязательно должна быть предпочтительной, она должна только присутствовать. Например, вы можете доверить своему другу перевезти мебель, поскольку вы полагаетесь на него/нее в выполнении этой работы. Очевидно, вы могли бы сделать это самостоятельно, не требуя его/ее вмешательства. В этом случае работа была бы более сложной и трудной, но у вас действительно была альтернативная возможность. Вторым элементом свободы является доверительное лицо. Как и в случае с доверителем, доверительное лицо должно иметь право решать, вступать ему в доверительные отношения или нет, и, кроме того, он должен иметь возможность выйти из доверительных отношений, когда захочет. Когда у доверенного лица нет другого выбора, кроме как вступить в отношения, то было бы более уместно использовать термин "принуждение", а не "доверие". Более того, если доверительное лицо не может выйти из отношений после того, как вступил в них, то, опять же, лучше говорить об обязательстве. Например, если доверитель-

ное лицо подписывает договор, который обязывает его/ее сотрудничать с доверителем, то это договорное обязательство делает доверие излишним в отношениях. Обратите внимание, что в то время как первый элемент свободы может непосредственно влиять только на доверителя, второй элемент свободы влияет не только на доверительное лицо, но также может влиять на самого доверителя. Это связано с тем, что доверительное лицо занимает доминирующее положение в доверительных отношениях, поскольку он/она может решить использовать отношения, не внося в них столько, сколько он/она может (или даже не внося вклад вообще). Этот второй элемент свободы – это то, что связывает доверие с риском и почему их часто обсуждают вместе. На самом деле, чтобы иметь доверие, доверитель должен подвергаться определенному уровню риска того, что его/ее ожидания относительно вклада доверенного лица в отношения могут быть ошибочными (Corritore et al., 2003; Луманн, 1979; Никель и Васен, 2012).

Важность этих двух элементов свободы для того, чтобы доверие было значимым, можно также увидеть, принимая во внимание тот факт, что без них в первую очередь не было бы необходимости в доверии. Если бы у доверителя не было другого выбора, кроме как полагаться на доверительного управляющего для выполнения конкретной цели, то такое доверие было бы вопросом необходимости, и даже при отсутствии доверия доверитель просто должен был бы полагаться на доверительное лицо. С другой стороны, если бы доверительное лицо не мог выбирать, способствовать ли (и в какой мере) достижению цели доверительных отношений, то, опять же, доверитель просто нуждался бы в хороших способностях к прогнозированию, чтобы правильно оценить (возможный) вклад доверительного лица и действовать соответственно. Доверие было бы бесполезным и/или излишним.

Теперь, когда основные элементы, из которых состоит доверие, были обсуждены,

будут введены некоторые необязательные характеристики доверия, которые могут отражать конкретные определения этого термина.

2.2. Дополнительные характеристики доверия

Помимо необходимых элементов, которые характеризуют доверие и которые были представлены в предыдущем разделе, существуют также более конкретные и дискреционные элементы, которые могут характеризовать различные концепции доверия. Эти элементы существуют, потому что, как упоминалось ранее в статье, доверие – это многогранное понятие, которому трудно дать однозначное определение. Таким образом, в этом разделе будут обсуждаться некоторые дополнительные необязательные элементы, которые могут характеризовать доверие. С учетом цели статьи (т. е. активизации дискуссии о доверии в Интернете) будут представлены различные типы элементов и даны некоторые ссылки на теории, предполагающие, что эти элементы являются составляющими доверия. Обратите внимание, однако, что почти невозможно дать исчерпывающий список этих элементов; таким образом, основное внимание будет уделяться общим описаниям элементов, а не конкретным подробностям о них. Это должно позволить применить эти принципы к большинству теорий доверия, описанных в философской литературе.

Есть надежда, что введение этих элементов обогатит обсуждение Вопросы 1, чтобы отдать должное глубине философской дискуссии о доверии.

При попытке дать более конкретное определение доверия необходимо учитывать два отличительных аспекта: 1) характер доверительного отношения и 2) содержание такого отношения. Первое – определяет тип отношения, которым считается доверие, а второе – указывает, о чем идет речь. Что касается первого измерения, то с доверием обычно связаны два разных типа установок: доксистические установки и аффективные

установки. Каждый тип отношения будет описывать класс определений доверия, которые квалифицируют доверие как экземпляр этого конкретного типа отношения. Что касается второго измерения, то в литературе о доверии было представлено и обсуждалось различное содержание доверительных установок, каждая из которых имеет свои особенности, которые могут несколько изменить природу самого феномена (т. е. они могут быть более подходящими для описания форм доверия, которые отличаются от межличностного доверия). В целом можно выделить три различных класса содержания: действия, мотивы и нормы.

Два измерения доверия взаимодействуют друг с другом (т. е. одна из двух возможностей природы доверительного отношения сочетается с одним или несколькими классами объектов, определяющих содержание отношения), порождая различные теории доверия, которые пытаются как можно точнее описать феномен доверия.

Два измерения (природа доверительных установок и содержание таких установок) теперь будут обсуждаться более подробно, пытаясь выделить некоторые элементы, которые можно добавить к элементам, описанным в предыдущем разделе. Обратите внимание, что цель не состоит в том, чтобы обосновать одну теорию по сравнению с другой или решить, какая теория лучше всего объясняет примеры доверия, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Цель состоит в том, чтобы представить различные возможности для определения доверия и определить основные элементы таких возможностей, чтобы судить о том, совместимы ли эти компоненты с возникновением онлайн-доверия. Важно помнить, что возможны и смешанные подходы к доверию. Однако это не будет обсуждаться. Причина в том, что для того, чтобы понять, возможна ли смешанная концепция доверия в Интернете, потребуется только принять во внимание соответствующие условия, возникающие из каждого отдельного элемента. Например, если теория утверждает, что

доверие является как доксистическим, так и аффективным отношением, понимание того, возможно ли доверие в сети, потребует проверки условий, налагаемых доксистическими компонентами, и условий, налагаемых аффективными компонентами. Таким образом, обсуждение смешанных подходов, хотя и интересное, никоим образом не расширит рамки данной статьи.

2.2.1. Природа доверительных отношений

Когда принимается во внимание природа доверительных отношений, открываются две основные возможности. Одна из возможностей заключается в том, что доверие – это доксистическая позиция. Исходя из этой интуиции, можно определить доксистические теории доверия.

Доксистические теории доверия утверждают, что доверие подразумевает (или является) убеждением (эти убеждения будут называться *доверительными убеждениями*) Керен (2020). Согласно этим теориям фраза "Агент a_1 доверяет агенту a_2 достижение цели ψ " (где ψ указывает на возможные действия, которые агент a_2 может выполнять, чтобы помочь в достижении цели ψ) подразумевает (или эквивалентно) фразе "Агент a_1 *считает*, что агент a_2 способствует достижению цели ψ ". [9] Таким образом, доксистические теории доверия сосредотачивают свое внимание на убеждениях (и их содержании), которые связаны с доверием. В частности, рациональность и эпистемология убеждений становятся центральными в концептуализации доверия; главное заключается в том, что понимание того, когда рационально придерживаться убеждения, сразу же определяет ситуации, в которых рационально доверять другому агенту.

Доксистические теории доверия добавляют к определению 1 следующее требование: доверитель должен иметь убеждения относительно доверенного лица (необязательное условие 3).

Вторая возможность состоит в том, что доверие является аффективным отношением

ем. Исходя из этого, можно определить аффективные теории доверия.

Аффективные теории доверия отличаются от доксистических теорий доверия тем, что они отвергают идею о том, что убеждения необходимы для того, чтобы иметь доверие; они могут присутствовать, но не обязательно. Что действительно важно для доверия, так это наличие аффективного отношения Джонс (1996). Эти аффективные установки часто описываются в терминах эмоций и/или психических состояний, которые, как утверждается, отличаются от убеждений. Поэтому аффективные теории доверия поддерживают мнение, что доверие присутствует только тогда, когда доверительные отношения основаны на эмоциональных чувствах, направленных на определенное содержание (которое может различаться в разных аффективных теориях доверия).

Аффективные теории доверия добавляют к определению 1 следующее требование: доверитель должен иметь соответствующее аффективное отношение к доверительному лицу (необязательное условие 4).

2.2.2. Содержание доверительных отношений

Когда принимается во внимание содержание доверительных отношений, три основных класса объектов анализируются и представляются как возможные.

Первый класс объектов – это действия. Этот первый класс не требует пояснений и типичен для теорий (*теории доверия, основанные на действиях*), которые утверждают, что доверие направлено на действия других. В своей простейшей форме содержание доверительного отношения представляет собой просто оценку вероятности того, что доверенное лицо действительно совершит определенное действие.

Если действия предпринимаются как составляющие доверительных отношений, то к определению 1 необходимо добавить следующее требование: среда, в которой может возникнуть доверие, должна позволять передачу информации, которая может

быть использована доверителем для оценки потенциальных действий доверенного лица и их вероятность (необязательное условие 5). Это требование необходимо, поскольку без него непонятно, как доверитель в состоянии сформировать надлежащее отношение к ожидаемым действиям доверительного лица. Ведь если кто-то не в состоянии оценить, какие действия может совершить данный агент, то у него невозможно сформировать разумные ожидания того, что какой-то образ действий будет иметь место.

Второй класс объектов – это мотивы. Этот второй класс объектов несколько сложнее первого. В частности, теории доверия, предполагающие, что мотивы составляют содержание доверительных установок, часто строятся на основанных на действиях теориях доверия, т. е. доверие должно включать в себя отношение к действиям других и добавляет дополнительный элемент, требующий, чтобы отношение было также направлено на мотивы, побуждающие кого-либо к совершению таких действий. Таким образом, с точки зрения доверителя, доверительное лицо не только должно действовать определенным образом, он/она кроме того должен быть мотивирован при этом. Предполагается, что это дополнительное требование необходимо для того, чтобы отличить случаи эксплуатации от случаев подлинной заинтересованности в отношениях.

Если в качестве составляющих доверительных установок принять мотивы, то к определению 1 необходимо добавить следующее требование: среда, в которой должно возникнуть доверие, должна позволять передачу информации, которая может быть использована доверителем для оценки потенциальных мотивов действия доверенного лица, вызывающих доверие (необязательное условие 6). Как и в случае действия, без этого требования доверитель не сможет должным образом оценить, есть ли у доверительного лица правильные мотивы для плодотворных действий.

Третий и последний класс объектов – это нормы. Этот третий класс определяет теории доверия, которые утверждают, что для того, чтобы доверять кому-либо, доверитель должен иметь отношение к существованию нормативных оснований, которые могут заставить кого-то действовать определенным образом. [10] Как и теории доверия, основанные на мотивах, теории доверия, основанные на нормативах, строятся исходя из теорий доверия, основанных на действиях. В частности, у доверителя должно быть особое отношение к действиям доверительно-го лица, и он должен распространить это отношение на возможные нормативные основания, подталкивающие доверительное лицо к таким действиям. Различные нормативные теории доверия будут различаться по специфике норм, например, они могут быть социальными нормами или моральными нормами и т. д.

Если в качестве составляющих доверительных отношений принять нормы, то к определению 1 необходимо добавить следующее требование: среда, в которой может возникнуть доверие, должна иметь общие нормы и ценности, и эти общие нормы и ценности должны быть поняты присутствующими в среде агентами, которые хотят сформировать доверительные отношения (необязательное условие 7). Это требование необходимо, потому что преимущества наличия норм проистекают из того факта, что все члены конкретной группы принимают эти нормы и действуют соответственно. Например, возьмем игру в баскетбол. Если все игроки согласны соблюдать правила игры, то можно играть. Однако, если каждый игрок следует своим собственным правилам, то маловероятно, что игра в баскетбол состоится, поскольку не будет возможности судить, нарушил ли кто-то правила или нет (каждый может придумать произвольные правила). Эта связь между

потенциально разделяемыми нормами и ценностной инфраструктурой и оценкой поведения других является важной в нормативных теориях доверия. Чтобы иметь возможность судить о том, плодотворно ли кто-то участвует в доверительных отношениях, необходимо, чтобы существовала сравнительная основа, по которой можно судить о действиях этого кого-то.

Смешивая разную природу доверительных отношений с содержанием таких отношений, можно получить разные теории доверия. Для справки: о доксистических теориях доверия, основанных на действиях, см. (Gambetta, 1988; Taddeo, 2010); о доксистических теориях доверия, основанных на мотивах, см. (Baier, 1986; Hardin, 2002); о доксистических нормативных теориях доверия см. (Cogley, 2012; Dasgupta, 1988; Kelp & Simion, 2020; Nickel, 2007); теории доверия, основанные на аффективных действиях, см. (Frost-Arnold, 2014; McGeer, 2008);

теории доверия, основанные на аффективных мотивах, см. (Jones, 1996; Маклеод, 2002); наконец, о теории доверия, основанной на аффективных нормативах, см. (Lahno, 2017).

2.3. Интернет-среда

Как и в случае с доверием, понятие онлайн-среды также весьма расплывчато. Многие среды с совершенно разными характеристиками квалифицируются как онлайн-среды. Во избежание путаницы в качестве ориентира будет использоваться стандартная модель вычислительных систем. Начиная с такой модели, будет предоставлено рабочее определение онлайн-среды.

Определение 4 (Модель OSI) – модель взаимодействия открытых систем представляет собой концептуальную модель, которая характеризует и стандартизирует коммуникационные функции телекоммуникационной или вычислительной системы без учета лежащей в ее основе внутренней структуры и технологии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 4 (МОДЕЛЬ OSI) – МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТКРЫТЫХ СИСТЕМ.

Модель OSI описывает сетевые архитектуры (например, Интернет) и предоставляет стандарты, которые можно использовать на различных уровнях абстракции таких архитектур. В частности, согласно модели OSI, связь между двумя системами можно разделить на семь различных уровней абстракции: физический уровень, уровень канала передачи данных, сетевой уровень, транспортный уровень, сеансовый уровень, уровень представления и прикладной уровень. [11]. Каждый уровень будет определять, какие протоколы следует использовать для обмена информацией на этом конкретном уровне. В рамках данной статьи будет учитываться только прикладной уровень. На прикладном уровне конечные пользователи будут взаимодействовать через программное приложение, позволяющее им общаться.

Определение 5 (*Онлайн-среда*) – это виртуальное пространство, в котором два (или более) агента могут взаимодействовать через интерфейс, следующий протоколам прикладного уровня модели OSI.

Некоторые уточнения необходимы для того, чтобы лучше понять предыдущее определение.

Во-первых, виртуальное пространство – это любое пространство, которое предлагает интерактивный интерфейс, позволяющий двум агентам общаться. Обычно эти пространства напоминают физические пространства, хотя физический уровень, на котором происходит общение, отличается от того, как виртуальное пространство воспринимается взаимодействующими агентами. Примерами виртуальных пространств являются чаты, блоги, форумы и ленты новостей в социальных сетях. Как уже говорилось, чтобы считаться онлайн-средой, эти вирту-

альные пространства должны позволять взаимодействие между агентами, присутствующими в таком пространстве. Эти взаимодействия осуществляются через интерфейс, который представляет собой конкретное устройство или программу, позволяющую агентам взаимодействовать друг с другом.

Такие интерфейсы должны быть привязаны к приложениям, созданным в соответствии с *прикладным уровнем* модели взаи-

модействия открытых систем (модель OSI), таким образом, следуя конкретным протоколам, установленным этим уровнем. В эту категорию попадают интерфейсы большинства сетевых приложений, обеспечивающих связь между агентами. Примерами таких сетевых приложений являются веб-браузеры и системы электронной почты. Протоколы, созданные для прикладного уров-

ня в модели OSI, можно рассматривать как нормативные ограничения того, как может осуществляться связь.

Это определение *онлайн-среды* довольно широкое, чтобы включать в себя различные типы сред. Более того, учитывая определение 5, онлайн-среда может допускать взаимодействие между агентами различных видов. Очевидно, что разные сценарии взаимодействия потребуют использования разных интерфейсов и разных протоколов. [12] Два агента могут общаться с помощью новостной ленты социальной сети, которая обеспечивает связь между пользователями с использованием протокола HTTPS. Кроме того, программное обеспечение (клиент) может взаимодействовать с другим программным обеспечением (сервером) через интерфейс RESTful, который, опять же, использует протокол HTTPS.

Как показывают примеры, определение онлайн-среды достаточно широкое, чтобы

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 5 (ОНЛАЙН-СРЕДА) – ЭТО ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, В КОТОРОМ ДВА (ИЛИ БОЛЕЕ) АГЕНТА МОГУТ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ ЧЕРЕЗ ИНТЕРФЕЙС, СЛЕДУЮЩИЙ ПРОТОКОЛАМ ПРИКЛАДНОГО УРОВНЯ МОДЕЛИ OSI.

допускать различные виды коммуникативных взаимодействий между различными типами агентов, таким образом, не ограничивая объем этой статьи конкретными сценариями взаимодействия.

В последующих частях этой статьи к этому основному определению онлайн-среды могут быть добавлены дополнительные функции. В частности, будет исследовано, какие особенности необходимы для того, чтобы иметь определенные представления о доверии в этих средах.

2.4. Доверие проверенным агентам

В этом подразделе будут обсуждаться различные концепции, тесно связанные с доверием. Это делается для того, чтобы прояснить важность доверия и подчеркнуть разницу, которую может принести доверие по сравнению с этими родственными понятиями. Две концепции, которые обычно ассоциируются и часто смешиваются с доверием в компьютерных науках, – это концепции *репутации* и *надежности*.

Определение 6. (*Репутация*) агента – это публичная оценка такого агента, основанная на мнении сообщества. Репутация может быть неформальной или формальной. Неформальная репутация – это субъективная оценка сообщества, основанная, например, на слухах, сплетнях, инсинуациях и неосмотрительности; формальная репутация – это объективная оценка сообщества, основанная на мнениях, предоставленных сообществом, а затем обработанных с помощью соответствующих алгоритмов.

Репутация в основном показывает, как данный агент воспринимается сообществом, с которым он взаимодействует. Репутация может быть хорошей или плохой, и часто это первый элемент оценки, который новые члены сообщества используют для первоначальной оценки агентов, которые уже являются его частью. Репутация агента обычно

определяется как поведением агента внутри сообщества, так и тем, как само сообщество воспринимает это поведение.

Формальные модели репутации часто используются в информатике в качестве заменителей моделей доверия (Josang, 2007; Pinyol & Sabater-Mir, 2013). Причина, по которой репутация важнее доверия, заключается в том, что репутацию легко вычислить и манипулировать ею в соответствии с конкретными целями. Единственное, что необходимо, – это способ сбора данных (которые будут предоставлены членами сообщества), а затем объединения этих данных вместе для получения уникального значения, которое

обеспечит количественную оценку репутации агента. Однако, будучи простыми и очень важными с практической точки зрения, модели репутации (и, одновременно, само понятие репутации) имеют важные недостатки, которые дела-

ют их неспособными должным образом заменить доверие в онлайн-средах. Первый недостаток заключается в том, что у членов сообщества могут быть действительно разные критерии оценки, что делает общую репутацию агента ненадежной. Итальянец может быть полностью удовлетворен и счастлив, если автобус, на который он должен сесть, опаздывает на 5 минут, и, таким образом, он положительно оценивает автобусное сообщение. Однако для британца было бы проблематично использовать репутацию такого автобусного сообщения в качестве ориентира для своего выбора, поскольку, если бы он/она был в той же ситуации, что и итальянец, он, вероятно, оценил службу как плохую. Возможность несоответствия между рейтингами репутации, основанными на культурных или личных чертах, может стать чрезвычайно проблематичной, когда эти различия станут существенными. В отличие от репутации, доверие не является предметом первого типа вопросов. При-

чина в том, что доверие оценивается субъективно [13], и, таким образом, нет необходимости учитывать разные оценки от разных людей. Тем не менее, следует отметить, что за это приходится платить, т. е. за сложность реализации моделей доверия в онлайн-средах с учетом возможно большого объема информации, которую может потребоваться собрать каждому оценивающему агенту. Второй недостаток использования моделей репутации вместо моделей доверия связан с возможностью злонамеренного обмана моделей репутации (Yu & Singh, 2003). Это происходит, когда группы вредоносных агентов совместно завышают или занижают показатели репутации, чтобы получить личное преимущество. Это может происходить по разным причинам, от политических (дискредитировать человека, который придерживается иных взглядов) до экономических (ложно надуть репутацию плохого продукта, чтобы продолжать его продавать). Опять же, доверие позволяет избежать этой проблемы: если доверие основано на личных оценках, то для того, чтобы злонамеренно изменить восприятие объекта доверия, необходимо изменить личные оценки большинства (если не всех) агентов, которые могут взаимодействовать с ними. Очевидно, что это может стать чрезвычайно дорогим или труднодостижимым по сравнению с простым манипулированием показателем репутации такой цели с помощью ложных оценок. По этим причинам, хотя модели репутации сохраняют свою полезность (особенно когда речь идет о простоте реализации), их просто недостаточно для получения преимуществ, которые обычно связаны с доверием.

Второе понятие, связанное с доверием, но отличающееся от него, – это надежность. Дать четкое определение того, что такое благонадежность, сложно, поскольку определений благонадежности столько же, сколько определений доверия. Причина в том, что надежности часто придается тонкий смысл, в соответствии с которым агент

заслуживает доверия, если ему может доверять другой агент (таким образом переносся вопрос предоставления определения от надежности к доверию). Несмотря на то, что сложно дать широкое толкование термина "надежность", есть по крайней мере одна характеристика, которую можно приписать этому понятию, т. е. надежность является свойством агента (McLeod et al., 2020), а не отношением (как при доверии). Еще одна вещь, которую можно сказать о надежности, заключается в том, что важно ее наличие у поверенного (доверительного лица), а не у доверителя. Для доверительных отношений не имеет значения, заслуживает ли доверия доверитель, главное, чтобы того заслуживал поверенный, т.е. доверительное лицо. Это связано с тем, что получатель доверительных отношений должен быть заслуживающим доверия, учитывая, что он/она – тот, у кого есть возможность использовать рискованную ситуацию, в которой возникло доверие. При этом, когда дело доходит до онлайн-среды, концентрация на построении доверия может быть столь же важной, как и при построении доверия. Причина в том, что эти две концепции нормативно связаны: мы должны стремиться доверять заслуживающим доверия агентам и не доверять не заслуживающим доверия. Однако это два разных понятия, и они могут легко разделиться (Шеман, 2020), что означает, что их следует рассматривать отдельно друг от друга. Концентрация внимания на надежности потребует изучения того, какие функции необходимы для того, чтобы такое свойство проявлялось у агентов, присутствующих в онлайн-среде. Однако обладание такой собственностью само по себе не принесло бы тех преимуществ, которые обычно приписываются доверию, например облегчение сотрудничества. Без возможности корректного отслеживания благонадежности и, таким образом, формирования доверительных отношений только с заслуживающими доверия агентами, со-

здание надежных агентов в онлайн-среде было бы бесплодным. Мало того, если будет доказано, что онлайн-доверие в принципе невозможно, то задача создания надежных агентов в онлайн-среде будет совершенно бесполезной. Это объясняет, почему цель этой статьи настолько важна и примитивна по сравнению с другими анализами, которые сосредоточены на онлайн-доверии; это готовит почву для обоснования других форм размышлений о взаимодействии между доверием и онлайн-средой. При этом, несмотря на признание важности надлежащего анализа надежности в Интернете, в этой статье основное внимание будет уделено доверию в Интернете, что в конечном итоге подготовит почву для дальнейшего анализа понятий, близких к доверию, например, надежности.

3. Оценка определения доверия

Настало время оценить, возможно ли онлайн-доверие. Цель этого анализа двояка: во-первых, анализ должен помочь найти ответ на Вопрос 1; более того, он должен точно определить некоторые требования, которые должны предъявляться к характеру онлайн-сред, т. е. какие дополнительные функции, если таковые имеются, требуются для того, чтобы возникло доверие в этих средах.

Все требования к доверию будут обсуждаться. Чтобы оценить, может ли доверие возникнуть в онлайн-среде, сначала необходимо оценить, могут ли быть выполнены два основных условия доверия в онлайн-среде. [14] При этом обсуждение необязательных условий позволит читателю получить всестороннее представление о проблеме онлайн-доверия.

Вспомним два основных условия доверия:

1. Доверитель должен находиться в положении, которое позволяет ему/ей полагаться на других агентов.

2. Агенты, участвующие в доверительных отношениях, должны иметь возможность свободно вступать в отношения, выходить из них или избегать их в любое время.

3.1. Уверенность

Что касается данного условия (1), необходимо оценить, действительно ли феномен доверия может иметь место в онлайн-среде. Для принятия решения по этому вопросу необходим расчет доверия и его нормативных оснований. В этой статье я предполагаю конкретную версию *смешанного взгляда* на доверие, представленную у Алонсо (2016; 2014). Согласно такой теории, доверие по своей сути является когнитивной установкой. Здесь "когнитивный" используется на противовес "конативному" Веллемана (Velleman, 1992), где первый квалифицирует установки, описывающие мир таким, каков он есть, с точки зрения носителя установки (например, вера – это когнитивная установка, поскольку фраза "агент а1 считает, что дом желтый" означает, что с точки зрения агента а1 дом желтый), в то время как последний квалифицирует установки, которые описывают мир таким, каким он должен был бы быть с точки зрения носителя установки (например, желание является конативной установкой, поскольку фраза "агент а1 желает, чтобы дом был желтым" означает, что с точки зрения агента а1, дом должен был быть желтым). В этом смысле доверие – это когнитивная установка, поскольку она описывает мир так, как его воспринимает агент а1, т.е. с точки зрения агента а1, агент а2 будет способствовать достижению цели, для которой он/она полагаются. Более того, доверие руководит мыслями и действиями и нормативно основано на фактических данных и прагматических соображениях. [15] В частности, для агента а1 полагаться на агента а2 в данном контексте должно считаться, что (i) агент а1 имеет соответствующую цель для достижения в данном контексте; (ii) у агента а1 есть веские основания считать, что, опираться на агента а2 – это средство достижения цели (прагматические соображения); (iii) у агента а1 нет достаточных оснований придерживаться мнения, что он/она не может положиться на агента а2 (соображения

о доказательствах); (iv) (ii) частично мотивируется (iii) (связь между прагматическими и доказательными соображениями).

Следовательно, для выполнения условия (1) в онлайн-среде должны выполняться четыре подусловия:

1.а Доверитель должен быть носителем когнитивных установок.

1.б Доверитель должен иметь соответствующую цель для достижения.

1.с Доверитель должен быть в состоянии прагматично оценить, что поверенный может помочь ему/ей в достижении цели.

1.д Не должно быть информации, указывающей доверителю, что он/она не должен полагаться на доверительное лицо, т. е. не должно быть отрицательных доказательств, указывающих на то, что доверительное лицо не будет действовать надлежащим образом в доверительных отношениях.

Подусловие (1.а) накладывает некоторые ограничения на тип агентов, которые могут взять на себя роль доверителя. Понимание этих ограничений прояснит, какие типы агентов могут участвовать в доверительных отношениях в Интернете. Поскольку в этой статье рассматриваются как люди-агенты, так и системы ИИ, необходимо задаться вопросом, действительно ли один из них (или оба) могут быть носителями когнитивных установок.

Для агентов-людей эта проблема тривиальна. Люди являются яркими примерами существ, обладающих когнитивными установками, и такое утверждение не вызывает разногласий. Для систем ИИ дело обстоит не так просто. Основная проблема заключается в том, что большинство систем ИИ нацелены на воспроизведение когнитивных феноменов человека, но достигают своей цели за счет функционального, а не структурного сходства с этими когнитивными феноменами (Lieto, 2021). Возьмем, к примеру, метод обратного распространения в нейронной сети. Проще говоря, метод обратного распространения – это способ построения алгоритмов, которые помогают нейрон-

ным сетям в процессе их обучения. Во время такого процесса алгоритмы обратного распространения принимают ошибки на уровне вывода (относительно правильного вывода, который должен был быть представлен) и пытаются понять, какие соединения внутри нейронной сети вызвали сбой, распространяя ошибки через все разные слои нейронной сети. Затем, после идентификации, эти соединения модифицируются, чтобы улучшить качество вывода, идеально соответствующее ожидаемому правильному ответу. Метод обратного распространения очень эффективен в качестве метода обучения для нейронных сетей и очень похож на метод обучения людей методом проб и ошибок. Это, таким образом, предоставляет системам ИИ очень полезный метод, который функционально эквивалентен (если даже не лучше) человеческому обучению. Однако также маловероятно, что биологические системы действительно используют формы обратного распространения Крика (1989). Следовательно, несмотря на функциональное сходство, системы ИИ, основанные на обратном распространении, структурно не очень хорошо отражают когнитивный феномен обучения методом проб и ошибок биологических систем (среди которых есть и люди). Этот пример можно легко распространить на другие когнитивные феномены. Возьмем в качестве еще одного примера когнитивную установку веры. Согласно стандартному взгляду на убеждения Швицгеле (2019), термин "убеждение" относится к позиции принятия чего-либо как действительности. Учитывая этот взгляд на убеждения, довольно просто определить особенности систем ИИ, которые функционально представляют такое отношение, например, простые механизмы извлечения памяти. Однако эти функционально эквивалентные системы структурно не эквивалентны тому, как формируются и извлекаются убеждения у людей. *Mutando mutandis* (с лат.: *в той или иной степени*), аналогичные рассуждения можно применить и к когнитивной ус-

тановке полагающегося. Все эти примеры должны подчеркивать, что для оценки подусловия (а) для систем ИИ важно решить, достаточно ли функциональна система или требуется корректировка для представления о познании в таких системах. При этом при изучении доверия в онлайн-среде важно, могут ли онлайн-сообщества извлечь выгоду из эффектов, которые может вызвать доверие. Таким образом, даже если предположить, что системы ИИ способны воспроизводить когнитивные установки только с помощью функционально эквивалентных механизмов, этого, вероятно, достаточно, чтобы вызвать желаемый эффект доверия. Таким образом, для вопросов, связанных с этой статьей, можно с уверенностью допустить форму функционально эквивалентных механизмов в отношении когнитивных явлений. Если структурализм докажет свою пригодность, то это будет означать, что системы ИИ способны поддерживать только суррогаты доверительных отношений, но никогда не способны создавать настоящие.

Подусловие (1.b) накладывает некоторые ограничения на тип среды, в которой может возникнуть доверие. В частности, у агентов внутри такой среды должны быть цели, которых нужно достичь. Это подусловие может быть легко выполнено в различных онлайн-средах (как предлагает определение 5) как агентами-людьми, так и системами ИИ. В онлайн-среде агенты редко взаимодействуют без конкретных целей. Очевидно, что эти цели могут варьироваться в зависимости от обстоятельств, в которых возникают отношения (например, покупка товара, поиск любви, сбор информации или отправка запроса на услугу), но трудно представить, что такие отношения являются полностью целенаправленными. Это означает, что хотя подусловие (б) и ограничено со

стороны типа ситуаций, в которых может возникнуть уверенность (и, следовательно, доверие), оно не является осмысленным ограничением.

Подусловие (1.c) является первым нормативным элементом, составляющим доверие.

Такое подусловие носит прагматический характер, поскольку доверитель вправе полагаться на доверительное лицо только в том случае, если такое доверие способствует достижению цели доверителя. На этом этапе доверитель должен учитывать только способность доверительного лица быть полезным для дости-

жения цели, без каких-либо других соображений.

Определение 7 (Способность) понимается как способность агента выполнять действия, которые могут повлиять на выполнение определенной цели.

Доверитель должен быть в состоянии оценить, обладает ли поверенный соответствующими способностями, необходимыми для достижения цели доверительных отношений. Такое суждение помогает создать реалистичные ожидания относительно того, что поверенный может и не может делать. В самом деле, не имея возможности оценить наличие этих способностей, доверителю было бы затруднительно сформировать какое-либо реальное ожидание, поскольку было бы невозможно определить, в состоянии ли поверенный активно участвовать в исполнении цели. Это суждение играет решающую роль в возникновении доверия, особенно когда оно связано с межличностным доверием. Например, я никогда не стал бы полагаться на свою мать при выполнении операции на открытом сердце, поскольку имеющихся у меня свидетельств о ее способностях достаточно, чтобы определить, что полагаться на нее не имеет смысла для успешного проведения операции. Чтобы

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 7
(СПОСОБНОСТЬ)
ПОНИМАЕТСЯ КАК
СПОСОБНОСТЬ АГЕНТА
ВЫПОЛНЯТЬ ДЕЙСТВИЯ,
КОТОРЫЕ МОГУТ
ПОВЛИЯТЬ НА
ВЫПОЛНЕНИЕ
ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛИ.

удовлетворить этому подусловию (1.c), необходимы некоторые общие ограничения в отношении онлайн-среды, в которой может возникнуть доверие. В частности, выполнение этого условия зависит от возможности доверителя судить о том, обладает ли доверительное лицо некоторыми специфическими способностями, связанными с целью, которую он/она хочет выполнить. Эксперименты показали (Papadopoulou, 2007; Papadopoulou & Kanellis, 2019), что в онлайн-среде можно создавать заменители сигналов, которые обычно используются в физическом мире, чтобы судить о наличии или отсутствии способностей со стороны доверенного лица. В частности, наличие интерфейса виртуальной реальности, который может заменить сигналы физического мира (Papadopoulou, 2007), наличие систем репутации, которые могут предоставить доверителю достаточно информации для формирования первоначальных оценок, Пападопулу и Канеллис (2019) и обеспечить высокий уровень общения между сторонами (доверителем и доверительным лицом) Райан (2012) – все это способствует повышению заметности доверенное лицо, тем самым ставя доверителя в правильные условия для формирования ожиданий относительно способностей и/или компетентности доверительного лица. Затем эти оправданные ожидания используются доверителем, чтобы повлиять на возникновение доверия Vries (2006). Это согласуется с социальными экспериментами, которые показывают, что увеличение количества общения может способствовать укреплению доверия между агентами за счет лучшего понимания характеристик и намерений других (Wichman, 1970). Для агентов-людей функции виртуальной реальности особенно важны, поскольку люди используют визуальные подсказки в качестве основного источника информации в онлайн-среде (Wang, 2005). Что касается агентов ИИ, то виды подсказок, на которые обращают внимание, могут отличаться от тех, которые используют-

ся людьми, т. е. визуальные подсказки могут быть не столь важны при оценке способностей доверенного лица. В сценариях, где доверитель является агентом ИИ, могут потребоваться различные формы доказательств, чтобы позволить агенту оценить наличие или отсутствие способностей у доверительного лица. Одним из предложений является использование стандартизированных сертификатов – например, сертификатов ISO 25010 для обеспечения качества программного обеспечения, – которые указывают, есть ли у данного агента способности, может ли он отвечать заданным требованиям. [16] Эти сертификаты будут обмениваться с использованием доступных каналов связи, и сочетание этих обменов информацией с возможностью выполнения запросов и наличием оценок репутации доверительных лиц может позволить агенту ИИ формировать ожидания относительно их способностей. Интересно, что требования, которые уверенность предъявляет к онлайн-среде, аналогичны тем, которые также присутствуют в физическом мире. Физические сигналы, репутация и сертификаты часто используются в физическом мире, чтобы доказать наличие каких-либо способностей (в качестве примера можно предложить университетские степени или сертификаты, подтверждающие образование), и поэтому используются агентами для оценки того, способен ли кто-то выполнить данную задачу или нет.

Подусловия (1.d) являются вторым нормативным требованием о надежности и последним общим требованием. Такое требование может быть воспринято как доказательная проверка на достоверность. Такой тест заключается в том, что доверитель не должен иметь достаточных доказательств, чтобы сформировать ожидание того, что доверительное лицо не будет действовать надлежащим образом для достижения цели. В целом, для сбора соответствующей информации можно использовать те же информационные каналы, которые об-

суждались в предыдущем абзаце при условии (1.с). Однако, чтобы избежать возможности того, что доверительное лицо предоставляет ложную информацию и может манипулировать общественным восприятием, необходимы некоторые дополнительные замечания (Kamvar et al., 2003). Особенно важны две конструктивные особенности: 1) среда не должна отдавать предпочтение новым агентам-участникам. То есть репутация должна быть заслужена хорошим поведением на протяжении некоторого периода времени, и злоумышленникам с плохой репутацией не должно быть выгодно постоянно менять свой онлайн-профиль для получения статуса юниора; ii) среда должна быть устойчива к злонамеренным коллективам одноранговых узлов, которые знают друг друга и пытаются коллективно подорвать систему. Учет этих двух конструктивных особенностей при построении инфраструктуры, которая будет использоваться пользователями для взаимодействия, чрезвычайно важен (особенно это важно при разработке моделей репутации, которые, как было сказано, являются основными источниками информации о возможностях доверительных лиц). Без таких особенностей, было бы легко представить ложные доказательства потенциальных способностей поверенных и скрыть истинные доказательства их неспособности.

Это, в свою очередь, крайне затруднило бы доверителю проведение надлежащих оценок и установление доверительных отношений в той или иной среде.

Прежде чем перейти к другим условиям, которые должны быть выполнены, чтобы получить онлайн-доверие, следует обратить внимание на еще один момент, который широко обсуждался в философской литературе (Nissenbaum, 2001; Turilli et al., 2010) об онлайн-доверии. Такой момент свя-

**ДОВЕРИЕ И
БЕЗОПАСНОСТЬ
НЕСОВМЕСТИМЫ,
ПОСКОЛЬКУ
БЕЗОПАСНОСТЬ
ПРОТИВОРЕЧИТ САМОЙ
ЦЕЛИ ДОВЕРИЯ И, ТАКИМ
ОБРАЗОМ, ДЕЛАЕТ ЕГО
БЕСПОЛЕЗНЫМ.**

зан с личностью агентов в онлайн-среде. Один из аргументов против возможности онлайн-доверия заключается в том, что в онлайн-среде невозможно доподлинно установить личность агентов. Если бы это было правдой, то, очевидно, доверителям было бы крайне сложно собирать информацию о доверительных лицах и, таким образом, определять, полагаться на них или нет. Однако, как утверждает Turilli et al. (2010), имея возможность быть физически анонимным в онлайн-среде, не означает, что агентам невозможно приписать диахроническую идентичность. Существует несколько способов установить чью-либо личность в сети: контроль доступа, пароли и идентификация IP – это лишь некоторые из методов, которые можно использовать в онлайн-среде, чтобы убедиться, что мы всегда имеем дело с одним и тем же агентом. Даже Ниссенбаум (2001), одна из главных сторонниц невозможности установления диахронической идентичности в сети, обсуждает некоторые из этих механизмов безопасности и призна-

ет, что они могут помочь сделать онлайн-идентичности прозрачными. Однако затем она утверждает, что доверие и безопасность несовместимы, поскольку безопасность противоречит самой цели доверия и, таким образом, делает его бесполезным. Ее аргумент убедителен: если цель состоит в том, чтобы вне-

дрить механизмы безопасности на каждом этапе онлайн-отношений, то доверие действительно бесполезно. Однако это бывает редко; чаще всего безопасность реализуется только на определенных этапах онлайн-отношений и, таким образом, является лишь вспомогательным элементом, а не конститутивным. В случае доверия (и в равной степени уверенности) механизмы безопасности могут быть реализованы только как средство для установления чьей-

либо онлайн-идентичности, без непосредственного воздействия на другие элементы отношений, которые устанавливаются между агентами. Это означает, что безопасность используется не как замена доверительным отношениям, а как посредник. Можно по-прежнему утверждать, что хотя безопасность действительно необходима и полезна, ее может быть недостаточно. Тот факт, что цифровые личности не привязаны к физическим [17] позволяет агентам часто менять свои онлайн-профили, что может снова создать проблему анонимности. Решение этой проблемы связано с проведенным в предыдущем абзаце обсуждением условия (1.d). В этом случае были представлены некоторые конструктивные особенности, которые могли решить проблему предотвращения репутации (попытка создать новые профили, чтобы избежать плохой оценки репутации). Эти функции можно легко использовать для решения проблемы распространения профилей, тем самым ограничивая возможность агентов создавать несколько цифровых удостоверений, которые они могут использовать для взаимодействия. Внедрение как механизмов безопасности, так и конструктивных особенностей в онлайн-средах может оказать благотворное влияние на создание диахронических идентичностей онлайн, не ограничивая полезность и объем доверия. [18]

Подводя итог, можно сказать, что нет никаких препятствий для возможности наличия отношения доверия в онлайн-среде. При этом следует учитывать некоторые требования. Прежде всего, если мы хотим распространить возможность онлайн-доверия и на агентов ИИ, то необходимо принять форму функционализма в отношении когнитивных установок. Кроме того, онлайн-среды должны содержать функции, которые могут увеличить объем информации, которой обмениваются агенты. Часто для выполнения этой задачи используются модели репутации (но также доступны и другие альтернативы), позволяющие агентам оценивать

поведение других, а затем использовать эти оценки для создания публично воспринимаемой оценки для конкретных агентов. Исходя из этого, можно заключить, что некоторые механизмы безопасности и конструктивные особенности требуются для того, чтобы позволить появление диахронических идентичностей для агентов, которые взаимодействуют в онлайн-средах.

3.2. Свобода

Что касается данного условия (2), необходимо оценить, совместимы ли онлайн-среды с двумя уровнями свободы, которые требует доверие. Немногие авторы обсуждают доверие с точки зрения свободы агентов и вместо этого предпочитают связывать доверие с риском и неопределенностью. Однако это ошибочно. В конце концов, эти авторы согласны с тем, что риск имеет значение для доверия в силу того факта, что доверительное лицо может предать доверительные отношения. Это означает, что это не риск как таковой, и не является характеристикой доверия, но свобода, которая дана доверительному лицу для поддержания, прерывания или использования отношений. Именно эта свобода делает окружающую среду рискованной для доверителя и, таким образом, требует доверия с его/ее стороны для участия в отношениях с доверительным лицом. То же самое касается неопределенности. Часто утверждают, что неопределенность является основой доверия, поскольку доверие было бы бесполезным в среде без неопределенности. Опять же, как и в случае с риском, проблема в том, что неопределенность рассматривается как нечто фундаментальное – сама по себе, игнорируя тот факт, что именно это вызывает неопределенность, которая имеет значение. Возьмем в качестве примера ситуацию, в которой вы покупаете билет в авиакомпании и ожидаете, что эта компания доставит вас в пункт назначения. В этом случае в отношениях нет доверия, поскольку компания обязана выполнить договор, который вы оговорили при покупке билета на самолет. Очевидно,

что в отношениях все еще присутствует некоторый уровень неопределенности (например, компания может быть вынуждена отменить свои рейсы из-за экстремальных погодных условий), однако эта неопределенность не играет роли в возникновении доверия. Пример должен показать, что это не неопределенность как таковая, а тот факт, что такая неопределенность является продуктом свободы действий доверительного лица, отличающихся от ожидаемых. Таким образом, вместо того, чтобы оценивать, являются ли онлайн-среды рискованными и неопределенными средами (а они таковыми и являются), более точно обсудить, позволяют ли эти среды агентам свободно вступать, участвовать и/или отказываться от доверительных отношений. Последнее замечание, которое необходимо сделать перед анализом того, допускают ли онлайн-среды эти два уровня свободы: когда понятие свободы обсуждается в этой статье, проблема не является метафизической. Важным фактом является не то, существует ли свобода воли и действительно ли свободны искусственные агенты, следующие алгоритмам. Важно то, что восприятие этой свободы присутствует, т.е. считают ли вовлеченные агенты возможным изменить свой образ действий. Например, если человек-агент взаимодействует с искусственным агентом, который просто следует его алгоритму, но человек-агент не знает, какому алгоритму следует искусственный агент, то, с точки зрения текущего обсуждения, искусственный агент действительно может принять решение о выходе из доверительных отношений и считается свободным. Это так, даже если искусственный агент отказывается от отношений в силу ранее установленного алгоритма, говорящего ему об этом. Чтобы не считаться свободным, искусственный агент должен быть вынужден выполнять свои обязательства в отношениях под страхом наказания в случае, если он этого не делает.

Как было ранее упомянуто в разделе 2.1, чтобы иметь два уровня свободы, требуемых

доверием, должны быть выполнены два подусловия:

2.a Доверитель должен иметь возможность выбора различных агентов, на которых он может положиться для достижения своей цели.

2.b Доверительное лицо не должно иметь строгих обязательств по выполнению своей части доверительных отношений.

Два подусловия (2.a) и (2.b) накладывают некоторые ограничения на тип среды, в которой может возникнуть доверие. Обратите внимание, что в обоих случаях характер доверителя и доверительного лица не имеет значения.

Что касается подусловия (2.a), онлайн-среда может быть на самом деле лучше приспособлена для доверия по сравнению со средой в физическом мире. В частности, Интернет-сообщества часто больше, чем сообщества реального мира, поскольку отсутствуют географические и/или пространственные барьеры, которые могли бы ограничивать размеры этих сообществ. Поэтому разумно предположить, что доверителю предоставляется больше вариантов для выбора при попытке найти подходящего агента, который справится с выполнением его цели. Очевидно, что все предыдущие соображения о количестве информации, необходимой доверителю, и условиях, которые должны быть наложены на юниоров в сообществах, по-прежнему необходимо применять ко всем этим потенциальным доверительным лицам, поэтому увеличение числа потенциальных доверительных лиц может не привести к реальному увеличению количества фактических доверительных лиц.

Что касается подусловия (2.b), первое, что нужно понять, – это различие между строгим обязательством и *simpliciter* (с лат. *элементарным*) обязательством. В этой статье термин "строгое обязательство" будет обозначать курс действий, к которому агент насильно привязан. Эта силовая связь может быть связана с юридическим принуждением или грубой силой. Проще говоря, у

человека, на которого распространяются строгие обязательства, нет другого выбора, кроме как следовать предписанному курсу действий, опасаясь серьезных последствий в случае, если он/она этого не сделает. С другой стороны, *элементарное обязательство* относится к курсу действий, которому агент привержен из-за морали или этики. В этом случае агент должен следовать образу действий, но не насильственным образом, что означает, что он может в любой момент воздержаться от следования такому образу действий. Наиболее распространенной формой строгого обязательства является договорное обязательство, когда единственная возможность для агента не следовать предписанному курсу действий – это нарушить договор и подвергнуться риску материальных штрафов. Очевидно, что для того, чтобы считаться реальным случаем строгого обязательства, риск быть наказанным должен быть реальным. Если, например, агент нарушает договор, но живет в стране, в которой невозможно привлечь его к ответственности, то строгого обязательства не существует. Отсутствие строгих обязательств – чрезвычайно важный аспект доверия по Williamson (1993), доверие можно рассматривать как средство взаимодействия и сотрудничества еще и потому, что оно устраняет необходимость создания целостной инфраструктуры, обеспечивающей определенные направления действий вовлеченного агента. Создание принудительной инфраструктуры (например, правовой системы) требует больших затрат и может препятствовать взаимодействию на более низком уровне между агентами, у которых нет экономических возможностей покрыть расходы на участие в такой инфраструктуре (например, они не в состоянии оплатить услуги адвоката). В этих случаях доверие заменяет всю юридическую инфраструктуру, увеличивая риск предательства или неправомерных действий агентов, но также устраняя все виды затрат на участие во взаимодействии.

Тогда возникает вопрос: навязывают ли онлайн-среды определенные действия агентам или они свободны от этого? Ответ на этот вопрос можно легко дать, если принять во внимание примеры, которые обычно случаются в онлайн-среде. Возьмем, к примеру, недавнюю аферу с картами Magic the Gathering на платформе Amazon. [19] Недавно Wizard of the Coast (компания, производящая карты Magic the Gathering) начала продавать коробки с картами на Amazon. К сожалению, многие пользователи сообщили, что коробки с полученными ими картами подвергались манипуляциям: колоды карт открывались, редкие карты извлекались, а затем пакеты повторно запечатывались. Вероятным объяснением было то, что мошеннические пользователи купили коробки, подделали их, а затем повторно запечатали и отправили обратно в Amazon, следуя их политике возврата. Это означало, что последующие пользователи, которым были отправлены те самые ящики, становились жертвами мошенничества. Несмотря на то, что обманутые потребители требовали свои деньги обратно и вернули некачественный товар, мошенники не были наказаны за свое поведение. Этот пример показывает, что довольно легко использовать особенности онлайн-среды для поведения, которое обычно считается противозаконным. Основная причина может быть связана с тем фактом, что онлайн-среды соединяют агентов из разных частей мира (либо людей, живущих в разных странах, либо агентов ИИ, работающих на серверах, расположенных в разных странах), которые могут иметь разные законодательные органы и таким образом, трудно применять конкретные законы. Это отсутствие всемирной инфраструктуры международного права позволяет агентам вести себя так, как это было бы невозможно при личном общении. Этот факт, часто связанный с негативными эпизодами, также важен для подусловия (2.b). В большинстве случаев доверительные лица готовы вести себя так, как им заблагорас-

судится, поскольку шансы на конкретное возмездие в онлайн-среде чаще всего отсутствуют. Обратите внимание, что эта свобода также распространяется на агентов ИИ, которые строго следуют алгоритмам, не имея возможности изменять свой код (т. е. агенты, которые не имеют конкретной возможности вести себя иначе, чем они), когда доверитель не в состоянии знать детали такого алгоритма: это так, потому что с точки зрения доверителя нет предписанного поведения такого агента ИИ.

Подводя итог, онлайн-среда кажется подходящей для обеспечения двух уровней свободы, требуемых основным определением доверия из раздела 2.1. Обратите внимание, что эта свобода, скорее всего, используется для эксплуатации доверительных отношений, а не для их укрепления. Именно по этой причине доверие так важно: оно позволяет плодотворно сотрудничать, даже если агенты могут в любой момент оппортунистически отказаться от отношений.

Теперь, когда мы обсудили два основных элемента доверия, будут проанализированы его дополнительные характеристики, что приведет к окончательному ответу о доверии в Интернете.

3.3. Доксастическая и аффективная теории доверия

В этом разделе будут обсуждаться две альтернативы природе доверительных отношений. В частности, будет обсуждаться, могут ли агенты-люди и агенты ИИ быть носителями отношений, которые характеризуют доверие.

3.3.1. Убеждения

Первое отношение, которое будет обсуждаться, это отношение убеждения. Как и в случае с доверием, убеждение – это когнитивная установка, т. е. установка, которая представляет мир таким, какой он есть с точки зрения носителя установки, а не таким, каким он должен быть с его/ее точки зрения. Опять же, как и в случае с доверием, легко ответить на вопрос, могут ли люди быть убеждены в чем-либо. На самом деле

бесспорно утверждение, что условие выполняется, когда доверителем является человек. Действия в онлайн-среде или в физическом мире не меняют того факта, что человек может иметь (и имеет) убеждения. Поэтому единственная возможная проблема с этим условием – понять, могут ли агенты ИИ иметь такие убеждения. В данном случае важен тип агента ИИ, который может иметь убеждения, необходимо, чтобы такой агент ИИ был снабжен тем, что обычно называют базой знаний. [20] База знаний – это просто набор предложений, которые агент ИИ использует для получения новых фрагментов информации о мире или принятия решения о плане действий. Важно понимать, что ИИ предполагает, что эти предложения являются истинными фактами о мире. [21] Однако в действительности они могут быть ложными. Учитывая эту возможность ложности, было бы лучше обозначить эти базы знаний как базы убеждений, указывая на то, что такие агенты ИИ могут иметь убеждения в форме пропозициональных установок Перлиса (2000).

3.3.2. Аффективные установки

Второй тип установок, который будет обсуждаться, – это аффективные установки. Как и в случае с условием убеждений, выполнение условия аффективных установок кажется не проблематичным для человеческих агентов. Всякий раз, когда в роли доверителя выступает человек, сама природа такого агента допускает формирование аффективных установок и, таким образом, появление поведения, основанного на таких установках. Что может сильно повлиять на возникновение доверия, определяемого с помощью аффективных отношений, так это доверительные лица и попечители, которые являются агентами ИИ. Это связано с тем, что не любой тип агента ИИ способен имитировать аффективные отношения. [22] Существует не только проблема понимания эмоций агентами ИИ (проблема эмпатии), но и огромная проблема с пониманием того, как закодировать агента ИИ, чтобы он мог

имитировать эмоции Calvo et al. (2014). Что касается первой проблемы, проблема заключается в создании агентов ИИ, которые могут обнаруживать эмоции и действовать в соответствии с ними. Хотя можно воспроизвести алгоритмы, позволяющие агентам ИИ выполнять эту задачу. [23], число агентов ИИ, которые включают в себя эти компоненты, ограничено, и большинство агентов ИИ, с которыми можно столкнуться в онлайн-средах, не имеют этих реализованных функций. Это означает, что если доверие воспринимается как аффективное отношение, могут быть серьезные ограничения для возникновения доверия между агентами ИИ в онлайн-среде (и, в этом отношении, между агентом ИИ как доверителем и человеком как доверительным лицом). Что касается второй проблемы, то агентами ИИ, моделирующими эмоции, были достигнуты большие успехи. [24] Кажется, это говорит о том, что вполне возможно иметь агентов ИИ, которые могут использовать аффективную концепцию доверия в своих процессах принятия решений. Однако, как и в случае с первой проблемой эмпатии, в настоящее время количество агентов ИИ, которые действительно реализуют функции, позволяющие им имитировать аффективные отношения, все еще ограничено, чтобы можно было утверждать, что аффективные отношения присутствуют среди агентов ИИ в сетевой среде. Таким образом, условие аффективного отношения, по-видимому, предполагает, что всякий раз, когда используется аффективное определение доверия (а не доксистическое), онлайн-доверие может быть ограничено межличностным доверием между людьми.

Теперь, когда природа доверительного отношения обсуждена и проанализирована, следующим шагом является анализ содержания этих отношений с целью понять, позво-

ляют ли онлайн-среды собирать информацию о таком содержании и, следовательно, формировать соответствующий вид доверительного отношения.

3.4. Содержание доверительных отношений

Как было представлено в разделе 2.2.2, существует три возможных содержания доверительных отношений: действия, мотивы или нормы. Каждый будет обсуждаться отдельно в попытке установить, подходят ли онлайн-среды для такого контента и для передачи информации о нем между агентами, которые взаимодействуют в среде.

3.4.1. Действия

Во-первых, обратите внимание, что возможность выполнения действий в среде уже была принята как допущение при обсуждении определения 1. Поэтому необходимо установить, разрешают ли онлайн-среды передачу информации, которая может быть использована доверителем для оценки потенциальных действий доверительного лица и их вероятности.

Центральное место в возможности оценки поведения агента занимает концепция целостности:

Определение 8 (Честность) подразумевает, что доверительное лицо будет придерживаться набора правил и принципов. Доверительное лицо будет надежным, следуя

тем правилам и принципам, которые диктуют его/ее действия. Это означает, что он/она будет склонен действовать определенным образом при наличии определенных триггеров и подходящих условий.

Честность важна для оценки потенциальных действий других, потому что она обеспечивает основу для оценки вероятности того, что агент a_2 будет выполнять конкретное действие, а не другое. Если агент a_2 не проявляет признаков честности, то вполне вероятно, что его поведение совершенно не-

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 8
(ЧЕСТНОСТЬ)
ПОДРАЗУМЕВАЕТ, ЧТО
ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО
БУДЕТ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ
НАБОРА ПРАВИЛ И
ПРИНЦИПОВ.

предсказуемо, так как в одних и тех же условиях и при одних и тех же триггерах он может действовать по-разному в тот или иной момент.

Дискуссию о том, можно ли оценить добросовестность агента в онлайн-среде, перенесем в следующий подраздел, поскольку имеет смысл объединить такую дискуссию с дискуссией о благонамеренности. Причина в том, что одни и те же поставщики информации, которые можно использовать в Интернете для оценки доброжелательности, также могут использоваться для оценки добросовестности, и поэтому имеет смысл обсудить эти два понятия вместе.

3.4.2. Мотивы

Как упоминалось в разделе 2.2.2, если предполагается основанная на мотивах теория доверия, то для формирования доверительных отношений необходим набор сигналов, которые могут позволить доверителю получить четкое представление о мотивах, которые определяют поведение доверительного лица. Этот набор сигналов связан с концепцией доброжелательности.

Определение 9 (Доброжелательность) агент a_2 проявляется по отношению к другому агенту a_1 , если агент a_2 действует с искренним намерением к интересам или благополучию агента a_1 , подчиняя непосредственные краткосрочные личные выгоды долгосрочным взаимным выгодам.

Доброжелательность занимает центральное место в мотивах, потому что она формирует основу всех соответствующих положительных мотивов, которые могут подтолкнуть доверительное лицо к действиям в пользу доверителя. Как было сказано в подразделе о действиях, понятие доброжелательности связано с понятием честности.

Понимание того, присутствуют ли доброжелательность и честность в онлайн-среде, является трудной задачей, в основном из-за отсутствия физических признаков, которые обычно используются людьми для интуитив-

ной оценки их в физическом мире Jarvenpaa and Leidner (1999), и, как следствие, сложности в определении параметров, которые могли бы заменить их онлайн (что еще больше затрудняет понимание того, какие параметры должны быть предоставлены агентам ИИ для оценки этих функций).

Результаты, которые сейчас будут представлены, должны рассматриваться как отправная точка для понимания того,

что можно сделать для преодоления проблем выявления доброжелательности и честности в Интернете. Скорее всего, эти результаты не будут окончательными и не обеспечат единственно возможное решение проблемы. Тем не менее, они позволяют продемонстрировать, что индикаторы доброжелательности и добросовестности в сети действительно возможны и, таким образом, открывают возможность для онлайн-доверия.

Наиболее важными элементами для восприятия доброжелательности и честности (по крайней мере, для людей) являются виртуальные суррогаты физического присутствия агентов. Согласно Papadopoulos (2007), виртуальная реальность может стать полезным фактором в развитии доверия в онлайн-среде (это повлияет на все отношения, в которых доверителем является человек, независимо от характера доверенного лица). Основное объяснение такого явления состоит в том, что виртуальная реальность заменяет конкретные физические сигналы цифровыми альтернативами. Кро-

ме того, полезность виртуальной реальности для идей, касающихся доброжелательности и честности, также обусловлена тем фактом, что виртуальная реальность обеспечивает функциональные возможности, которые обычно связаны с наличием двух только что упомянутых условий. В частности, в Papadopoulou (2007) настаивает, что в условиях виртуальной реальности можно давать обещания, держать их, а затем выполнять их до конца. Приводится пример такой возможности, когда система предназначена для присвоения каждому агенту, входящему в виртуальную реальность, личного аватара, который может в цифровом виде взаимодействовать в среде, давать рекомендации, предоставлять конкретную информацию и, наконец, воздействовать на саму среду. Все эти особенности заменяют те переживания, которые обычный агент имел бы в физическом мире, и, таким образом, укрепляют доверие, как если бы доверитель находился в конкретной обстановке, а не в виртуальной. Это исследование показывает, насколько важно обилие информации для возникновения доверия. В конце концов, в исследовании удастся показать, что тип среды (будь то физический мир или виртуальный) не играет роли в актуальности предоставляемой информации, поскольку виртуальная реальность мыслится как актуальная альтернатива физическому миру (особенно в экономике). Дальнейшее углубление исследования (и расширение результатов, чтобы привлечь во внимание агентов ИИ в качестве доверителей), по Papadopoulou and Kanellis (2019), приводит к теме влияния различных стадий взаимодействия на доверительные убеждения. [26], где доверительные убеждения определяются как убеждения (доверителей) о способности, доброжелательности и добросовестности доверительных лиц. Стадии взаимодействия, которые они изучают в исследовании, следующие: а) до, б) во время и с) после взаимодействия с онлайн-продавцом. Поскольку в этой статье основной

вопрос касается возникновения доверия, будут обсуждаться только результаты (а) и (б).

В отношении (а) Papadopoulou and Kanellis придерживаются мысли, что репутация оказывает существенное влияние на доверие к убеждениям относительно способностей и добросовестности доверительного лица, но не играет существенной роли в формировании доверительных убеждений о доброжелательности доверительного лица. Это кажется разумным, поскольку баллы репутации могут помочь в оценке навыков данной стороны и позволяют оценить общий набор принципов, которым следует доверительное лицо. Однако оценки репутации вряд ли могут дать какую-либо информацию об общем отношении доверительного лица, поскольку они дают оценки объективных и измеримых характеристик. Таким образом, благожелательность не может зависеть от репутации, и необходимо искать какие-то альтернативные черты. Что касается (б), авторы показали, что различные действия, связанные с обещанием, могут влиять на доверительные убеждения. Авторы проанализировали три действия, связанные с обещанием: i) акт обещания; ii) включение обещания; iii) выполнение обещания. Все три действия положительно влияют на убеждения, связанные с доверием, с особым акцентом на связи между обещанием и убеждениями о благожелательности, убеждениями о возможности обещания и способности, а также о выполнении обещания и убеждениями о честности. Эти результаты в сочетании с результатами, полученными в Papadopoulou (2007) – таким образом, что (i), (ii) и (iii) можно получить как в условиях виртуальной реальности, так и в физическом мире – соответственно, некоторые из действий, которые обычно связаны с появлением доверия к лицу, взаимодействия лицом к лицу также могут быть воспроизведены в онлайн-средах и что они имеют такие же эффекты в этих средах, как и в обычном мире.

Последнее исследование, которое показало, что может повлиять на черты доброжелательности и честности, было проведено Брегманом и Каримовым (2012). [26] В нем авторы исследуют влияние внедрения двух различных веб-сообществ в онлайн-среду. В частности, они исследуют эффект введения сайтов социальных сетей (SNS), таких как Facebook и корпоративных блогов. Социальные сети были выбраны в основном из-за возможности, которую они предоставляют для обмена информацией между агентами, что позволяет получить точные оценки репутации; корпоративные блоги были выбраны из-за того, что они позволяют передавать информацию, которую доверительное лицо считает актуальной. Интересный результат заключается в том, что внедрение социальных сетей в онлайн-среду не оказывает особого влияния на возникновение доверия (хотя и может оказывать влияние на его поддержание), в то время как появление корпоративного блога оказывает влияние на формирование убеждений о доброжелательности и порядочности доверительного лица.

Несмотря на интерес, эти исследования, кажется, дают представление только о вопросе доброжелательности и честности по отношению к людям-агентам, в то время как в них очень мало говорится о возможности агентов ИИ получать такую информацию (за заметным исключением, по Papadopoulou and Kanellis (2019)). Это связано с тем, что агенты ИИ могут не воспринимать мир так, как люди, и, кроме того, существуют строгие требования к спецификациям того, когда определять, присутствуют ли доброжелательность и честность. Учитывая особую природу агентов ИИ, кажется разумным придерживаться мнения, что информация для таких искусственных агентов должна исходить из моделей репутации, которые могут дать достаточно информации о прошлом поведении агентов в окружающей среде, чтобы определить, имеют ли такие агенты склонность ставить общую

выгоду выше личной (доброжелательность) и склонность поддерживать сделки и обещанные услуги (честность).

Подводя итог, можно сказать, что для получения информации о способностях и мотивах, характеризующих доверительных лиц, должны присутствовать либо суждения сообщества (в форме моделей репутации), либо суррогаты сигналов физического мира, которые обычно используются человеком для суждения о благожелательности. Это означает, что одних только простых взаимодействующих интерфейсов может быть недостаточно для возникновения онлайн-доверия, если доверие определяется в соответствии либо с теориями доверия, основанными на способностях, либо на основе мотивов.

3.4.3. Нормы

Если нормы принять за содержание доверительных отношений, то, как утверждалось в разделе 2.2.2, обязательно наличие общей инфраструктуры ценностей и норм в онлайн-среде. Это оказывает огромное давление на нормативные теории доверия, поскольку часто предполагается, что в онлайн-среде отсутствует подобная инфраструктура. [27] Основным аргументом в пользу отсутствия такой инфраструктуры является неоднородность сообщества, населяющего онлайн-среду. Географическое расстояние между пользователями подразумевает различие в правовом и институциональном опыте, а также различие в их моральных и этических ценностях. Таким образом, кажется, что все теории доверия, которые требуют этих нормативных условий, осуждаются, когда речь идет об онлайн-средах. Хотя это может быть верно, если рассматривать онлайн-среды в целом, то же самое может быть неверно для конкретных примеров таких сред. Сообщества меньшего масштаба в онлайн-среде часто устанавливают наборы правил поведения, которые указывают, что приемлемо, а что порицаемо. Обратимся к MMORPG (массовой многопользовательской ролевой онлайн-игре): на начальных этапах

взаимодействия в сообществе игроков людям говорят, что считается уместным, а что нет. Таким образом, юниор постепенно узнает, каковы нормы, регулирующие такое сообщество, и может принять решение соблюдать их (стать активным членом сообщества) или нарушать их, что часто приводит к бану в игре (т.е. к выводу из игры). При этом, когда дело доходит до взаимодействия людей в сети, иногда дополнительная нормативная инфраструктура даже не требуется. Хотя обычно считается, что Интернет-сервисы и онлайн-среда могут соединить весь мир (и это действительно так), упускается из виду, что такие сервисы также используются для поддержания контактов и взаимодействия с агентами, которые уже являются частью сообщества нашего физического мира. Группы и форумы в социальных сетях – это тематические среды, в которых агенты-участники уже являются частью сообщества со своими правилами и нормами. Тот факт, что эти агенты взаимодействуют онлайн, а не в физическом мире, не препятствует их соблюдению этих правил и норм. Таким образом, в меньшем масштабе онлайн-среда все еще может демонстрировать элементы общего культурного и институционального фона, удовлетворяя условию, требуемому нормативными теориями доверия.

Проблема усложняется, когда учитываются агенты ИИ. Как и в случае с агентом ИИ, способным иметь аффективное отношение, задача создания агентов ИИ, которые соблюдают моральные, этические и социальные нормы, является сложной задачей. В частности, есть две проблемы: первая проблема заключается в том, что трудно точно определить правильные объекты, которые можно использовать в качестве эталона для создания этих систем ИИ. Практически невозможно определить уникальный набор (моральных, этических или социальных) правил, которыми можно руководствоваться при каждом возможном сценарии. Должны ли мы использовать нормы, установлен-

ные римлянами? Являются ли моральные правила, представленные в Библии, эталонными? Проблема в том, что человеческое сообщество не сумело приблизиться к ответам на эти вопросы. [28] Более того, даже рассматривая правила, которые кажутся бесспорными, например, убивать кого-то недопустимо с моральной точки зрения, существуют особые обстоятельства, в которых их нелегко применить и, таким образом, вызвать проблемы, например, в моральной философии. [29] Этот первый вопрос показывает, что даже при допущении существования моральных и этических агентов ИИ все же может иметь место отсутствие общей нормативной инфраструктуры, поскольку эти агенты ИИ могут подчиняться различным моральным и этическим нормам. Однако этот первый вопрос легко решается с помощью соображений, подобных тем, которые сделаны для агентов-людей. Даже если вполне вероятно, что не все агенты ИИ будут разделять общие моральные и этические нормы, это не означает, что они не могут разделять их в небольших сообществах или сетях сервисов Greene et al. (2016). Однако для этого потребуются агенты ИИ, способные изучать конкретные нормы, существующие внутри сообщества, и самостоятельно решать, соблюдать эти нормы или нет.

Предполагая, что первая проблема решена, вторая важная проблема заключается в том, чтобы фактически реализовать моральные и этические нормы в агентах ИИ. В то время как первая проблема носит в основном философский характер, вторая проблема связана с инженерией и зависит от уровня морали, который требуется для этих агентов ИИ. В частности, для агентов ИИ, согласно Мур, может быть представлено четыре различных уровня морали (Moore, 2006): агенты этического воздействия (например, роботы-жокеи), неявные этические агенты (например, безопасный автопилот), явные этические агенты (например, использование формальных методов для оценки полезности) и полные этические агенты. В

то время как первые два уровня агентов морального ИИ довольно легко построить, последние два получить сложнее. Основная причина заключается в том, что наилучший доступный инженерный механизм для реализации моральных и этических норм в агентах ИИ состоит в том, чтобы напрямую запрограммировать их в их коде (т. е. мораль создается операционным путем). Однако некоторые авторы (Nakli & Makela, 2019) утверждают, что этот способ реализации морали является ошибочным, поскольку он только позволяет агентам ИИ быть компетентными в вопросах морали, но не позволяет им понять мораль. Другая инженерная возможность состоит в том, чтобы позволить этим агентам ИИ развивать свою собственную мораль (т. е. мораль создается функционально). Однако такой способ действия опасен, поскольку точный вид морали, который может развить агент ИИ, непредсказуем. Более того, это будет частично противоречить международной государственной политике (например, европейским рекомендациям по надежному ИИ), которые требуют постоянного контроля над развитием систем искусственного интеллекта.

Подводя итог, можно сказать, что, как и в случае с аффективными установками, нормативные теории доверия адекватны онлайн-среде только в том случае, если взаимодействующими агентами являются люди. Фактически, создание общей нормативной инфраструктуры в онлайн-среде может быть осуществимо для небольших сообществ агентов-людей. Однако, если предположить, что операционная мораль не является подлинной моралью, то, учитывая текущие принципы разработки Искусственных моральных агентов, маловероятно, что агент ИИ когда-либо сможет плодотворно участвовать в этих морально-этических сообществах. Таким образом, когда предполагаются нормативные теории доверия, создается впечатление, что агенты ИИ не подходят для того, чтобы быть доверяющими агентами (с учетом предположек, ни в онлайн-среде, ни в физическом мире).

4. Заключение и прогнозы

Возвращаясь к основному вопросу статьи:

Возможно ли онлайн-доверие? (Вопрос 1)

Анализ, представленный в этой статье, указывает на четкий ответ: это зависит от. Первым элементом, который может повлиять на ответ "да" или "нет", является предполагаемая теория доверия. Например, доказательные теории доверия могут лучше подходить для возникновения онлайн-доверия, в то время как аффективные теории доверия могут вызвать некоторые проблемы, когда доверителем является агент ИИ. Второй элемент, который может повлиять на ответ, – специфика онлайн-среды. Маловероятно, что можно получить положительный ответ для онлайн-среды в целом (может быть, даже невозможно получить такой общий ответ для физической среды). Способ построения конкретной онлайн-среды может иметь огромное влияние на то, может ли возникнуть доверие в этой среде. В качестве примера возьмем первые экземпляры Интернета. В начале своего жизненного цикла, Интернет использовался исследователями для распространения своих идей и результатов. Такая среда была просто прямым продолжением физического мира, и общий дух всех агентов, присутствующих в этой среде, был духом сотрудничества. Социальные, этические и моральные нормы были заимствованы из научных кругов, и доверие характеризовало большинство отношений, которые формировались в такой среде. Теперь подумайте об Интернете сегодня и подумайте о различных механизмах, которые используются для манипулирования данными и влияния на поведение людей. [30] Несмотря на отличия, технология не сильно изменилась по сравнению с прошлым. Однако элементы, содержащиеся в такой среде, изменили ее настолько, что доверие стало скорее редкостью, чем нормой. При этом должно быть ясно, что нельзя говорить о возможности доверия к онлайн-среде в целом, а нужно сна-

чала обсудить конкретные особенности среды. Тем не менее, в документе было показано, что действительно возможно реализовать функции в онлайн-средах, которые могут способствовать возникновению доверия. Поэтому пока ответ на Вопрос в целом нет, если принять во внимание конкретные методы проектирования и реализацию функций, ответ может быть положительным. Еще один важный аспект, отмеченный в документе, заключается в том, что характер вовлеченных агентов может потенциально ограничить применимость некоторых определений доверия. Это связано с тем, что агентам искусственного интеллекта все еще не хватает соответствующих характеристик (т. е. аффективных способностей и подлинных моральных ценностей), которые допускают появление некоторых видов доверия. Однако другие формы доверия, похоже, совместимы с агентами ИИ, способными доверять друг другу (в частности, базовые формы доверия, рассматриваемые как уверенность).

В заключение следует отметить, что это лишь небольшой шаг в обширных дебатах о доверии в Интернете. Однако, учитывая растущую важность онлайн-взаимодействий, этот шаг является важным. Исходя из этого, аналогичный анализ может потребоваться и для других форм доверия, таких как организационное доверие или терапевтическое доверие. Это связано с тем, что без всестороннего представления всех возможных доверительных отношений было бы очень сложно понять, как получить все преимущества доверия в онлайн-среде.

Примечания

1. Как будет подчеркнуто в последующих разделах, эта статья касается только межличностного доверия. Несмотря на свою важность, другие формы доверия, например, институциональное доверие, рассматриваться не будут.
2. Под термином онлайн-доверие я подразумеваю возникновение доверия в онлайн-среде. Далее в документе будут даны определения терминов "доверие" и "онлайн-среда". На данный момент достаточно интуитивного понимания того, что такое доверие и онлайн-среда, чтобы понять введенные вопросы.
3. Это частично делается, когда предполагается конкретное определение и предоставляется ответ относительно этого конкретного определения. Разница между этой общепринятой практикой и той, которой придерживаются в этой статье, заключается в том, что в последнем случае одновременно принимается во внимание несколько определений доверия, подчеркивая потенциальные сходства и различия между этими определениями и показывая, могут ли возникать множественные формы доверия в онлайн-среде с определенными конструктивными характеристиками.
4. Это не означает, что эти характеристики доверия не важны для обсуждения онлайн-доверия. Они просто выходят за рамки данной статьи.
5. Это означает, что даже если эти условия необходимы, многие авторы могут не считать их достаточными для доверия. Однако это единственные элементы, которые считаются необходимыми независимо от обсуждаемой теории доверия.
6. Обсуждение доверия как отношений, состоящих из двух частей, см. (Domenicucci & Holton, 2017).
7. Учитывая эту возможность, при обсуждении возможности доверия в онлайн-среде необходимо учитывать четыре различных случая: i) взаимодействие между людьми; ii) взаимодействие ИИ-ИИ; iii) взаимодействие человека и ИИ; iv) взаимодействие ИИ и человека.
8. Я использую термин доверие, поскольку в предыдущем абзаце предполагалось и утверждалось, что доверие действительно является формой доверия.
9. Как можно предположить из примерной фразы, в этой статье предполагается, что убеждения являются пропозициональными установками.
10. Важно отметить, что если доверитель считает, что нормы мотивируют доверительного управляющего действовать определенным образом, то эти дальнейшие взгляды можно рассматривать как подкласс доксистических теорий доверия, основанных на мотивах. Однако доверитель может также полагать, что доверительное лицо действует в соответствии с этими нормами бессознательно. В таком случае доверитель не будет приписывать доверительному управляющему явный мотив к действию, и это придаст этим нормативным доксистическим теориям независимый статус.
11. Выбор использования модели OSI в качестве основы вместо модели TCP/IP обусловлен тем фактом, что модель OSI считается стандартом де-юре для коммуникационных сетей. Более того, по сравнению с моделью TCP/IP, модель OSI имеет более тонкое определение различных уровней сетевой системы, что позволяет лучше выбирать уровень абстракции среды. При этом довольно

легко перейти от модели OSI к модели TCP/IP; в частности, прикладной уровень модели OSI связан с прикладным уровнем модели TCP/IP, который, однако, также отображается на уровне представления и сеанса модели OSI.

12. Важно понимать, что разные протоколы не означают разные модели. Модель OSI содержит множество протоколов на каждом уровне, которые можно адаптировать к конкретным сценариям.

13. Точный способ его оценки будет зависеть от конкретной используемой теории доверия.

14. Также необходимо проверить, действительно ли предположения, сделанные о доверительном управляющем и доверительном управляющем (о том, что доверительный управляющий является носителем отношения и что два агента способны взаимодействовать в окружающей среде), действительно справедливы как для агентов-людей, так и для ИИ в онлайн-среде. Однако первое предположение будет обсуждаться позже, поскольку оно зависит от конкретного отношения доверия, в то время как последнее тривиально удовлетворяется определением онлайн-среды, в котором прямо указано, что такие среды должны допускать взаимодействие между агентами.

15. Я не придаю никакого антропологического значения существительному "мысль".

16. Люди также могли бы использовать такие сертификаты, как индикаторы наличия определенных качеств и/или способностей. Однако вместо того, чтобы предоставлять такие сертификаты непосредственно доверителю, кажется более разумным, чтобы эти сертификаты были представлены графическими элементами, которые появляются в интерфейсе, который агент использует для взаимодействия, таким образом попадая в первую категорию требуемых возможностей.

17. Обратите внимание, что на самом деле может оказаться возможным связать сетевые удостоверения с физическими удостоверениями, например, с помощью биометрических механизмов безопасности.

18. Важно понимать, что, несмотря на то, что большинство авторов беспокоит диахроническая идентичность агентов-людей, эти вопросы могут быть применены, *mutando mutandis*, к агентам ИИ. Однако и в случае агентов ИИ можно использовать те же решения для решения проблемы.

19. <https://mtgrocks.com/mtg-player-reports-issue-with-buying-booster-boxes-from-amazon/>.

20. Читатель не должен быть введен в заблуждение терминологией. В информатике часто пренебрегают различием между верой и знанием. На самом деле, часто база знаний – это всего лишь набор утверждений, которые агент искусственного интеллекта считает истинными на основе своего взаимодействия с миром.

21. Тот факт, что эти предложения считаются истинными, не означает, что агенты ИИ не могут "передумать". На самом деле агенты обучения ИИ могут постоянно изменять информацию, которой они владеют, чтобы лучше представлять все новые доказательства, с которыми они столкнулись. Кроме того, статическим (т. е. не обучающимся) системам может быть разрешено изменять свою базу знаний с помощью различных методов, например (Alchourron et al., 1985).

22. Я говорю здесь о моделировании этих отношений, поскольку до сих пор остается спорным, смогут ли агенты ИИ когда-либо конкретно чувствовать эти аффективные отношения. Я, однако, приму немного необычную позицию, для которой симуляции эмоции может быть достаточно для укрепления доверия.

23. См. в качестве ссылки раздел 2 Calvo et al. (2014).

24. См. раздел 5 Calvo et al. (2014).

25. Эти авторы говорят конкретно о доверительных убеждениях, но термин "убеждения" можно заменить термином "установки".

26. Обратите внимание, что, несмотря на то, что исследование сосредоточено на взаимодействиях в электронной коммерции, результаты, по-видимому, хорошо применимы к другим формам взаимодействий.

27. Есть также опасения по поводу того, что наличие такой инфраструктуры может снизить доверие. См. Turilli et al. (2010) за позицию, защищающую такое требование.

28. Хотя для первого шага в правильном направлении см. Awad et al. (2018).

29. См., например, [65]

30. Известным недавним случаем является дело Cambridge Analytica.

References

- Alchourron, C., Gardenfors, P., & Makinson, D. (1985). On the logic of theory change. *Journal of Symbolic Logic*, 50, 510-530.
- Aldini, A., Curzi, G., Graziani, P., & Tagliaferri, M. (2021). Trust evidence logic. In *Symbolic and quantitative approaches to reasoning with uncertainty* (pp. 575-589).
- Aldini, A., & Tagliaferri, M. (2020a). Logics to reason formally about trust computation and manipulation. In A. Saracino & P. Mori (Eds.), *Emerging technologies for authorization and authentication (ETAA2019)* (pp. 1-15). LNCS 11967.
- Aldini, A., & Tagliaferri, M. (2020b). Logics to reason formally about trust computation and manipulation. In *Emerging technologies for authorization and authentication* (pp. 1-15).
- Aldini, A., & Tagliaferri, M. (2020c). A trust logic for the varieties of trust. In *Software engineering and formal methods* (pp. 119-136).

- Alonso, F. M. (2016). Reasons for reliance. *Ethics*, 126, 311-338.
- Alonso, F. M. (2014). What is reliance. *Canadian Journal of Philosophy*, 44(2), 163-183.
- Awad, E., Dsouza, S., Kim, R., Schulz, J., Henrich, J., Sharif, A., Bonnefon, J. F., & Rahwan, I. (2018). The moral machine experiment. *Nature*, 563, 59-64.
- Baier, A. (1986). Trust and antitrust. *Ethics*, 96(2), 231-260.
- Barber, B. (1983). *The logic and limits of trust*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Brengman, M., & Karimov, F. P. (2012). The effect of web communities on consumers' initial trust in B2C e-commerce websites. *Management Research Review*, 35(9), 791-817.
- Calvo, R. A., D'Mello, S. K., Gratch, J., & Kappas, A. (Eds.). (2014). *The Oxford handbook of affective computing*. Oxford: Oxford University Press.
- Carter, J. A., & Simion, M. (2021). The ethics and epistemology of trust. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved January 2021, from <https://iep.utm.edu/trust/>.
- Cogley, Z. (2012). Trust and the trickster problem. *Analytic Philosophy*, 53(1), 30-47.
- Corritore, C. L., Kracher, B., & Wiedenbeck, S. (2003). On-line trust: concepts, evolving themes, a model. *International Journal of Human-Computer Studies*, 58, 737-758.
- Crick, F. (1989). The recent excitement about neural networks. *Nature*, 337, 129-132.
- Dasgupta, P. (1988). Trust as a commodity. In D. Gambetta (Ed.), *Trust: Making and breaking cooperative relations* (pp. 49-72). Oxford: Blackwell.
- Domenicucci, J., & Holton, R. (2017). Trust as a two-place relation. In P. Faulkner & T. Simpson (Eds.), *The philosophy of trust* (pp. 149-160). Oxford: Oxford University Press.
- Ess, C., & Thorseth, M. (2011). *Trust and virtual worlds*. New York: Peter Lang.
- Evans, D. (2011). *The Internet of Things: How the next evolution of the Internet is changing everything*. CISCO white paper.
- Floridi, L., & Taddeo, M. (2011). The case for e-trust. *Ethics and Information Technology*, 13(1), 1-3.
- Reviewing the Case of Online Interpersonal Trust
- Frost-Arnold, K. (2014). The cognitive attitude of rational trust. *Synthese*, 191(9), 1957-1974.
- Gambetta, D. (Ed.). (1988). *Trust: Making and breaking cooperative relations*. Oxford: Blackwell.
- Grabner-Kr?uter, S., & Schratt-Bitter, S. (2013). Trust in online social networks: A multifaceted perspective. *Forum for Social Economics*, 44(1), 48-68.
- Greene, J., Rossi, F., Tasioulas, J., Brent-Venable, K., & Williams, B. (2016). Embedding ethical principles in collective decision support systems. In *Proceedings of the AAAI conference on artificial intelligence*, 30(1).
- Grodzinsky, F. S., Miller, K., & Wolf, M. J. (2010). Toward a model of trust and e-trust processes using object-oriented methodologies. *Ethicomp 2010 proceedings*.
- Hakli, R., & Makela, P. (2019). Moral responsibility of robots and hybrid agents. *The Monist*, 102(2), 259-275.
- Hardin, R. (2002). *Trust and trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.
- Hinchman, E. S. (2017). On the risks of resting assured: An assurance theory of trust. In P. Faulkner, & T. Simpson (Eds.), *The philosophy of trust* (pp. 51-69).
- Hurley, R. F., Gillespie, N., Ferrin, D. F., & Dietz, G. (2013). Designing trustworthy organizations. *Sloan Management Review*, 54(4), 75-82.
- Jarvenpaa, S. L., & Leidner, D. E. (1999). Communication and trust in global virtual teams. *Organization Science*, 10(6), 791-815.
- Jones, K. (1996). Trust as an affective attitude. *Ethics*, 107, 4-25.
- Josang, A. (2007). Trust and reputation systems. In A. Aldini, & R. Gorrieri (Eds.), *Foundations of security analysis and design IV* (pp. 209-245).
- Kamvar, S. D., Schlosser, M. T., & Molina, H. G. (2003). The eigentrust algorithm for reputation management in P2P networks. In *Proceedings of the 12th international conference on world wide wide* (pp. 640-651).
- Kelp, C., & Simion, M. (2020). What is trustworthiness? Manuscript.
- Keren, A. (2020). Trust and belief. In J. Simon (Ed.), *The Routledge handbook of trust and philosophy*. London: Taylor and Francis Group.
- Keymolen, E. (2016). *Trust on the line: A philosophical exploration of trust in the networked era*. Oisterwijk: Wolf Publishers.
- Lahno, B. (2017). Trust and collective agency. In P. Faulkner, & T. Simpson (Eds.), *The philosophy of trust* (pp. 129-148).
- Lieto, A. (2021). *Cognitive design for artificial minds*. London: Routledge.
- Luhmann, N. (1979). *Trust and power*. New York: John Wiley and Sons Inc.
- McGeer, V. (2008). Trust, hope and empowerment. *Australasian Journal of Philosophy*, 86(2), 237-254.
- McLeod, C. Trust. In E.N. Zalta (Ed.), *The Stanford encyclopedia of philosophy*, Fall 2020 edition. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/trust/>
- McLeod, C. (2002). *Self-trust and reproductive autonomy*. Cambridge: MIT Press.
- Moor, J. H. (2006). The nature, importance, and difficulty of machine ethics. *IEEE Intelligent Systems*, 21(4), 18-21.
- Nickel, P. J. (2007). Trust and obligation-ascription. *Ethical Theory and Moral Practice*, 10(3), 309-319.
- Nickel, P. J., & Vaesen, K. (2012). Trust and risk. In S. Roeser (Ed.), *Handbook of risk theory* (pp. 857-876).

- Nissenbaum, H. (2001). Securing trust online: Wisdom or oxymoron. *Boston University Law Review*, 81(3), 635-664.
- Papadopoulou, P. (2007). Applying virtual reality for trust-building e-commerce environments. *Virtual Reality*, 11(2-3), 107-127.
- Papadopoulou, P., & Kanellis, P. (2019). Online trust and the importance of interaction. *International Journal of Technology Marketing*, 13(1), 21-50.
- Perlis, D. (2000). The role(s) of belief in AI. In J. Minker (Ed.), *Logic-based artificial intelligence* (pp. 361-374). Berlin: Springer.
- Pinyol, I., & Sabater-Mir, J. (2013). Computational trust and reputation models for open multi-agent systems: A review. *Artificial Intelligence, Review*, 40, 1-25.
- Primiero, G., & Taddeo, M. (2012). A modal type theory for formalizing trusted communications. *Journal of Applied Logic*, 10(1), 92-114.
- Potter, N. . N. (2020). Interpersonal trust. In J. Simon (Ed.), *The Routledge handbook of trust and philosophy* (pp. 243-255). London: Taylor and Francis Group.
- Ryan, R. M. (Ed.). (2012). *The Oxford handbook of human motivation*. Oxford: Oxford University Press.
- Sapp, J. E., Torre, D. M., Larsen, K. L., Holmboe, E. S., & Durning, S. J. (2019). Trust in group decisions: A scoping review. *BMC Medical Education* 19, Article Number 309.
- Simon, J. (Ed.). (2020). *The Routledge handbook of trust and philosophy*. London: Taylor and Francis Group.
- Scheman, N. (2020). Trust and trustworthiness. In J. Simon (Ed.), *The Routledge handbook of trust and philosophy* (pp. 28-40). London: Taylor and Francis Group.
- Schwitzgebel, E. Belief. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford encyclopedia of philosophy*, Fall 2019 Edition. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/belief/>
- Taddeo, M. (2010). Modelling trust in artificial agents, a first step toward the analysis of e-Trust. *Mind and Machines*, 20(2), 243-257.
- Tagliaferri, M. (2019). A logical language for computational trust, Ph.D. Thesis, University of Urbino.
- Tagliaferri, M., & Aldini, A. From belief to trust: A quantitative framework based on modal logic. *Journal of Logic and Computation*, forthcoming.
- Tagliaferri, M., & Aldini, A. (2018a). A trust logic for pre-trust computations. In 21th International conference on information fusion (Fusion'18) (pp. 2010-2016), IEEE.
- Tagliaferri, M., & Aldini, A. (2018b). From knowledge to trust: A logical framework for pre-trust computations. 12th IFIP international conference on trust management (IFIPTM'18), IFIP AICT 528 (pp. 107-123), Springer, Berlin.
- Trivers, R. L. (2002). Natural selection and social theory: Selected papers of Robert Trivers. Oxford: Oxford University Press. "Trolley Problem". In Britannica. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/trolley-problem>
- Turilli, M., Taddeo, M., & Vaccaro, A. (2010). The case of online trust. *Knowledge, Technology and Policy*, 23(3-4), 333-345.
- Velleman, J. D. (1992). The guise of the good. *Nous*, 26(1), 3-26.
- Vries, P. D. (2006). Social presence as a conduit to the social dimensions of online trust. In W. I. Jsselsteijn, Y. D. Kort, C. Midden, B. Eggen, & E.vD. Hoven (Eds.) *Persuasive technology* (pp. 55-59).
- Wang, Y. D. (2005). An overview of online trust: Concepts, elements, and implications. *Computers in Human Behavior*, 21(1), 105-125.
- Wichman, H. (1970). Effects of isolation and communication on cooperation in a two-person game. *Journal of Personality and Social Psychology*, 16, 114-120.
- Williamson, O. (1993). Calculativeness, trust, and economic organization. *Journal of Law and Economics*, 36(2), 453-486.
- Yu, B., & Singh, M. P. (2003). Detecting deception in reputation management. Proceedings of the 2nd international joint conference on autonomous agents and multiagent systems (AAMAS'03) (pp. 73-80). ACM Press.

SOCIAL ADAPTATION OF REPRESENTATIVES OF PRECARIAL WORKS

Istomin Vladimir Igorevich, Undergraduate student

Gureev Alexander Nikolaevich, Undergraduate student

Sveshnikov Vladislav Yurievich, Undergraduate student

Higher School of Economics, Moscow

The uberization of the economy generates the creation of new jobs in which the employee does not require high qualifications. Such work allows more people who do not have special skills and knowledge to find a source of income, however, with this type of relationship, the employer relieves himself of responsibility for the social security of the employee, and also excludes direct communication with him. The employee in this case is not part of the company, but works as a freelancer, doing low-skilled work, which is also characterized as unstable or, in other words, precarious. All this leads to the problem of social adaptation of workers who are forced to take care of themselves in a number of aspects. In the course of this work, the main goal was to identify adaptive practices of precarious workers. A review of the theoretical and empirical research conducted on the topic of precariatization of labor allowed us to identify three main areas in which it makes sense to develop the topic of adaptation of precarious workers: the formation of life strategies that involve future planning, relationships with the employer and collective strategies to protect their interests. In the course of the study of social adaptation, it was found that precarious work is considered mainly as temporary, and getting an education in the future should contribute to avoiding such activities. At this stage of life, courier work is an instrument of adaptation to current difficulties or needs, and due to the fact that this work is an additional, not the main employment, the income received from this activity is not perceived as one that can provide a future independent life. Although the life strategies of free-hire couriers are rather vague, they still exclude unstable work, which means that future social adaptation within the precarious work does not take place.

Keywords: uberization of the economy; precariatization of labor; life strategies; attitude to superiors, attitude to the company, protection of their interests.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-10.4

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕКАРИАЛЬНЫХ РАБОТ

Уберизация экономики порождает создание новых рабочих мест, на которых от работника не требуется высокая квалификация. Такая работа позволяет большему числу людей, у которых нет особых навыков и знаний, находить источник дохода, однако, при таком характере отношений работодатель снимает с себя ответственность за социальное обеспечение работника, а также исключает непосредственную коммуникацию с ним. Работник в данном случае не является частью компании, а работает как фрилансер, занимаясь низкоквалифицированным трудом, который также характеризуется как нестабильный или, другими словами, прекариальный. Из всего этого вытекает проблема социальной адаптации работников, которые вынуждены заботиться о себе сами по целому ряду аспектов. В ходе данной работы основной целью являлось выявление адаптивных практик прекариальных работников. Обзор проведенных теоретических и эмпирических исследований по теме прекариатизации труда позволил нам определить три основных направления, в которых имеет смысл развивать тему адаптации прекариальных работников: формирование жизненных стратегий, которые сопряжены с планированием будущего, взаимоотношения с работодателем и коллективные стратегии по защите своих интересов. В ходе исследования социальной адаптации было обнаружено, что прекариальная работа рассматривается преимущественно как временная, и получение образования в дальнейшем должно способствовать уходу от такой деятельности. На данном этапе жизни курьерская работа является инструментом адаптации к текущим трудностям или потребностям, и ввиду того, что эта работа является дополнительной, а не основной занятостью, получаемый доход с этой деятельности, не воспринимается как тот, который может обеспечить будущую самостоятельную жизнь. Хотя жизненные стратегии курьеров свободного найма

УДК 316.34

БАК 5.4.4/22.00.04

© Истомин В.И., 2022

© Гуреев А.Н., 2022

© Свешников В.Ю., 2022

ИСТОМИН
Владимир Игоревич,
магистрант

ГУРЕЕВ Александр
Николаевич,
магистрант

СВЕШНИКОВ
Владислав Юрьевич,
магистрант

НИУ Высшая школа
экономики, Москва

достаточно размыты, они все же исключают нестабильную работу, а значит будущая социальная адаптация в рамках именно прекариальной работы не имеет место.

Ключевые слова: уберизация экономики; прекариатизация труда; жизненные стратегии; отношение к начальству, отношение к компании, защита своих интересов.

Введение. Проблематизация

Роботизация приводит к исчезновению некоторых профессий, и людям, прежде занятым на них, необходимо искать для себя что-то новое. Однако не всегда их возможности как работников (технические и социальные навыки) соответствуют требованиям рынка, и это ставит бывших работников в затруднительное экономическое и социальное положение.

Уберизация экономики позволяет таким людям, не имеющим за спиной специфического образования или возможностей найти работу по своей специальности в настоящее время, устраиваться на работу, обеспечивая себе какой-то доход. Так, фриланс на основе уберизации захватывает рынки: помимо компании "Убер", которая в начале второго десятилетия XXI века являлась чуть ли не единственным сервисом, дающим возможность фрилансить, не имея высокого символического капитала, появились и другие организации, предоставляющие тоже самое. Среди таких можно выделить Яндекс.Такси, Delivery Club, Яндекс.Еда; если первый сервис, как и "Убер" относится к службам такси, то последние направлены уже на доставку еды, что свидетельствует о расширении сегментов проникновения системы таких трудовых отношений и в другие сферы.

Несмотря на явные преимущества такой работы, сервисы наподобие Убера имеют специфику не предоставлять социальное обеспечение, условно работающими на них (таксисты, доставщики еды и т.д. фактически не состоят в штате компании). Таким образом, ответственность полностью планировать свое будущее лежит на плечах самих работников, чье социальное положение подрывается еще больше, и увеличивается разрыв между ними и представителями высшего класса. Данные процессы свидетельствуют о распространении прекаритизации как негативного явления: при такой системе трудовые отношения могут расторгаться мгновенно и практически при любых обстоятельствах, что лишает работника его дохода и средств для существования. Все больше людей оказываются в нестабильном социальном и экономическом положении.

Обзор проведенных теоретических и эмпирических исследований по теме прекариатизации труда позволил нам определить три основных направления, в которых имеет смысл развивать тему адаптации прекариальных работников: формирование жизненных стратегий, которые сопряжены с планированием

будущего, взаимоотношения с работодателем и коллективные стратегии по защите своих интересов. С целью исследования этих направлений был разработан гайд для проведения полуформализованных качественных интервью, который перед непосредственным выходом в поле тестировался и дорабатывался на теоретическом уровне с коллегами-социологами и на эмпирическом с курьерами свободного найма – представителями нашей целевой выборки. Структурно гайд содержал в себе шесть основных блоков вопросов, которые покрывали три ранее упомянутых задачи (направления): "о себе", "опыт работы", "жизненные стратегии", "отношение к начальству", "отношение к компании", "защита своих интересов".

Для решения проблемы исследования были поставлены три задачи. Во-первых, предстоит выявить жизненные стратегии людей, выбравших прекариальную работу. Это поможет описать основные причины выбора такого вида труда, а также составить представление о том, как прекариальные работники представляют свое будущее и думают ли они об этом в принципе. Более того, это поможет узнать, переходит ли такая временная работа в ранг постоянной и из-за чего подобное может происходить. Ведь предположительно, чаще всего индивиды именно вынужденно, по тем или иным причинам, занимаются прекариальной работой, а не из-за любви к ней.

Причины этому могут заключаться в нехватке денег в совокупности с отсутствием возможностей найти более привлекательную работу, которые могут заключаться в отсутствии образования, отсутствии желания искать более стабильную работу и другое. Кроме того, могут наблюдаться и другие причины прекариального труда, в том числе нежелание долго задерживаться на одном месте работы, любовь к работе "на ногах" или желание увидеть все уголки города.

Во-вторых, в рамках работы над проектом предстоит выявить отношение прека-

риальных работников к своему работодателю или другому лицу, которое осуществляет управление конкретными представителями прекариальных профессий. Это способствует определению уровня социальной адаптации сотрудников на примере практик взаимодействия оных с начальством. Кроме того, возможно, исследование этого вопроса покажет связь перехода прекариальной работы из ранга временной в ранг постоянной для отдельных объектов наблюдения с принципами их общения с собственными менеджерами.

Предположительно, прекариальные работники чаще всего плохо знают или не знают своего руководителя. Возможно, все взаимодействие работника с руководством производится с использованием каких-либо программных средств (в частности мобильных приложений). Однако в обоих случаях, согласно предположениям, на прекариальных сотрудников оказывается давление, имеющее целью заставить человека работать как можно дольше и не увольняться. Это может проявляться как в личных договорах, так и в рабочих бонусах (как при личном общении, так и при онлайн-взаимодействии через приложение).

В-третьих, в проекте следует выявить коллективные стратегии прекариальных работников по защите своих интересов. Это продемонстрирует уровень социальной адаптации сотрудников уже с точки зрения взаимодействия с коллегами, такими же прекариальными работниками. Предположительно, представители прекариальных работ взаимодействуют друг с другом стихийно, неорганизованно, не имеют профсоюзов. Это связано с тем, что они постоянно находятся в разных географических точках и не имеют устойчивых и сильных социальных связей с кем-то из коллег.

Теоретическую основу исследования составляют труды: Гая Стэндинга, в частности его книга "Прекариат: новый опасный класс". Стэндинг говорит, что прекариат не видит перед собой осмысленных жизненных

перспектив, что достойные пути для него закрыты; прикладное эмпирическое исследование (Будовски М., Шиф С. и Шиббер Р.), которое было направлено на изучение качества жизни при прекариальной занятости в Швейцарии и Испании; труд Пьера Бурдьё о тирании рынка; работа Роберта Кастеля под названием "Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда".

Жизненные стратегии людей, занятых прекариальной рабочей деятельностью. В рамках первой задачи необходимо выявить жизненные стратегии людей, выбравших прекариальную работу, то есть рассмотреть, как эти люди планируют свое будущее, что они предпринимают и на что рассчитывают. Однако сначала необходимо определить, что есть жизненные стратегии.

В книге "Жизненные стратегии" К.А. Альбухановой-Славской было приведено больше десятка различных определений, которые по сути означали примерно одно и то же. Однако, на наш взгляд, самым точным является следующее: "стратегия жизни состоит в разработке определенных жизненных решений как конструктивных способов преодоления этих [жизненных] противоречий" [6, с. 136]. Упоминанное противоречие выражается в связке "что есть – что должно быть", то есть жизненная стратегия заключается в осуществлении некоторых действий по достижению желанного "жизненного" результата.

Для спецификации объекта необходимо рассмотреть работы исследователей, в которых уже упоминались в каком-либо виде стратегии жизни прекариата. В ходе обзора источников, имеющих прикладной характер, также необходимо уделить внимание и использованию инструментария.

Гай Стэндинг описывает прекариат как класс людей, которые не просто находятся в таком положении, когда их жизнь в принципе неустойчивая, будущее не определено, но и четко осознают это. Подтверждением являются слова: "Прекариат понимает, что у всего, что он делает в настоящий момент, нет никакой проекции на будущее, как нет и самого будущего" [10, с. 30]. Под отсутствием будущего Стэндинг подразумевает его неопределенность, неясность, размытость, которая в меньшей степени характерная для работников, чья деятельность характеризуется как стабильная (например, менеджер в крупной компании). Несмотря на то, что описываемая позиция походит более на жертву, некоторых с осторожностью следует причислять к таковым, например, студентов или школьников, которые выбирают прекариальную работу, поскольку у них нет возможности найти иную на данном этапе жизни. Стэндинг

говорил, что они находятся в зоне риска попадания в категорию прекариальных работников. Таких людей можно отнести к аномальному прекариату – группе людей, которая занята прекариальной работой, фактически не является прекариатом в силу различных причин, таких как высокое благосостоя-

ние, обилие иных форм капитала и иных.

Рассматривая прикладное эмпирическое исследование (М. Будовски, С. Шиф и Р. Шиббер), которое было направлено на изучение качества жизни при прекариальной занятости в Швейцарии и Испании, важно отметить, что оценка проводилась не только текущего уровня жизни, но и в прошлом, а также будущих перспектив. В части методологии следует также заметить, что проводились качественные интервью в 25 домохозяйствах в двух городах – Памплоне (Испания) и Лозанне (Швейцария).

"ПРЕКАРИАТ – НОВЫЙ
ОПАСНЫЙ КЛАСС,
ПОСКОЛЬКУ ОН
ПОНИМАЕТ, ЧТО У ВСЕГО,
ЧТО ОН ДЕЛАЕТ В
НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ,
НЕТ НИКАКОЙ ПРОЕКЦИИ
НА БУДУЩЕЕ, КАК НЕТ И
САМОГО БУДУЩЕГО".

В данном исследовании рассматриваются домохозяйства, чье благосостояние близко к черте бедности, и из-за высокой неопределенности и нестабильности, они находятся в подвешенном состоянии; жизненные стратегии, которые они выбирают очень сильно зависят от низкого уровня дохода, который является серьезным ограничением. Если рассматривать прекариат как нестабильный класс с временной или частичной занятостью, то сюда также и попадает та часть фрилансеров, которые в принципе могут зарабатывать приличные деньги, например, некоторые программисты-фрилансеры. Однако в данном случае произошло некоторое сужение исследуемой группы с большей гомогенностью. Под стратегиями домохозяйств, о которых пишется в результатах исследования, подразумеваются все те же жизненные стратегии, о которых мы говорим: рассматриваются определенные действия и попытки домохозяйств (мобилизация разнородных типов ресурсов), которые направлены на воздействие и улучшение ситуации в различных областях их жизни, например, здоровье, рабочей жизни, финансовых проблем, баланса между жизнью и работой и т.д. [2, с. 4].

Первая задача заключается в выявлении жизненных стратегий людей, чья работа является прекариальной. Про определение жизненных стратегий уже было написано в литературном обзоре, однако если обобщить сказанное, то жизненными стратегиями называются действия по преодолению жизненных противоречий, сложностей. Например, если человек разрабатывает план по тому, как ему в будущем переехать жить ближе к морю, то это уже является действием к решению противоречия "имею – хочу иметь", и, соответственно, жизненной стратегией.

Г. Стэндинг говорил о молодежи как о ядре прекариата; именно молодежь составляет нашу эмпирическую выборку, и посему вывод о неопределенности их будущего может быть перенесен на наше исследова-

ние в качестве гипотезы. Основными анализируемыми сферами жизни, которые выделяли Будовски, Шиф и Шиббер в своем эмпирическом исследовании (обзор которого был проведен ранее), являлись рабочая сфера, где для молодых людей была характерна высокая степень неопределенности будущего, здравоохранение и эмиграция. Однако авторы также утверждали, что восприятие собственного положения определяет то, строятся ли планы на будущее. Данное исследование послужило основой для операционализации концепта "жизненные стратегии".

Жизненным стратегиям было посвящено два блока глубинных интервью (проводились в рамках данного исследования), один из которых касался рабочего опыта, а второй – жизненных стратегий без основного упора на работу (тем не менее там также были упоминания о ней). Прежде чем приступить к анализу, необходимо описать короткий путь операционализации, который был проделан для данного концепта и нашел отражение в гайде для интервью. Именно на основании затронутых в интервью тем далее появляются категории, которые выделяют информанты, и аналитические категории, которые используются нами для анализа.

Во-первых, основная тема – это работа; она ассоциируется с тем, как формируются жизненные стратегии у работников: работа позволяет зарабатывать деньги, а деньги позволяют достигать цели (не все, конечно), которые ставятся, если имеется хоть какой-нибудь шанс их достижения. Во-вторых, потребление человека является отражением того, как он распоряжается своими ресурсами, и мобилизует ли он их для дальнейших целей, например, банально для покупки автомобиля (что является стратегией). В-третьих, необходимо рассматривать в рамках данной темы образование, которое также, как и работа определяет доступ к ресурсам (однако, в большей степени в долгосрочной перспективе), а также является

отражением того, какой путь выбирает человек для дальнейшего развития, если выбирает вообще. Также миграционная активность (начиная от планирования и заканчивая осуществлением таких планов) входит в рамки изучения жизненных стратегий, поскольку миграция – это изначально стратегический способ что-то изменить в жизни. Наконец, следует рассматривать и обеспечение людей социальными услугами, поскольку в долгосрочной перспективе они оказывают существенное влияние на жизнь; если работник изначально задумывается и планирует, как он, например, будет жить на пенсии, то следует говорить о стратегическом планировании.

Условно информантов можно разделить на две группы в зависимости от их мотивации к трудоустройству: первая группа – люди, которые были вынуждены пойти на работу, чтобы обеспечить себя самым необходимым (оплачивать транспортные расходы, пропитание и т.п.); вторая группа – люди, для которых работа является способом заработка денег для удовлетворения потребностей второго или третьего порядка, таких как развлечения и путешествия. Идея данного разделения состоит в том, что по принадлежности информанта к одной из групп можно судить о его социальном положении, которое в свою очередь является индикатором того, как много ресурсов имеется в его распоряжении, а это отчасти определяет возможности человека планировать то, как ими распоряжаться сейчас и в дальнейшем. Ведь если человек устраивается на работу потому, что ему скучно сидеть дома, как это было характерно для нескольких информантов, то это означает, что как минимум текущее потребление у него обеспечено, и у этого человека нет необходимости заботиться о том, где взять деньги на пропитание и оплату счетов.

Люди, которые работают курьерами свободного найма для обеспечения и поддержания минимального уровня жизни, менее склонны планировать свое будущее и стро-

ить долгосрочные планы, чем люди, которые относятся ко второй группе. Введение понятия "меньшая склонность" объясняется тем, что на основе эмпирических данных невозможно провести некую дихотомию по наличию или отсутствию жизненных стратегий. Данные стратегии могут находить совершенно разное отражение, например, какой-то работник имеет представление о том, что его ждет в течение следующих пяти лет, на какой работе он будет занят, какое материальное положение будет иметь, а другой работник может иметь планы и определенную стратегию только касательно вопроса миграции. В этом случае было бы неправильно говорить, что оба этих информанта имеют жизненную стратегию и на этом заканчивать, поскольку они, во-первых, имеют принципиально разные стратегии, во-вторых, эти стратегии могут быть по-разному детализированы и иметь разный эффект на жизнь, а в-третьих, эти стратегии охватывают разное количество сфер жизни.

Перед переходом к более детальному анализу интервью, полученных в ходе полевых работ, необходимым представляется в общем виде охарактеризовать представителей выборки в разрезе следующих концептов: социальное положение, образование, эмиграционный настрой, рабочая жизнь, распоряжение деньгами (про планы на будущую жизнь уже было сказано в предыдущем абзаце). Данные аналитические категории были получены в ходе кодирования и категоризации полужформализованных интервью.

Анализируя социальное положение информантов, следует заметить, что информанты в выборке – молодые люди; они находятся на этапе получения образования (средне-специального или высшего), а также для них не характерно получение социальных льгот или обеспечение дополнительных медицинских услуг, или иных услуг, которые позволят обеспечить их потребление в будущем. Однако информанты оцени-

вают свое социальное положение как "нормальное", хотя в общей выборке были и те, которые испытывали реальные трудности в жизни, например, девушка работает курьером, и ей также необходимо обеспечивать свою сестру. У части информантов имеются планы на продолжение образования, поскольку они видят в нем некоторую ценность. Эти люди имеют эмиграционный настрой, что может быть характеристикой в целом российской молодежи, однако текущий потенциал эмиграции достаточно низкий ввиду отсутствия образования, навыков и знания иностранного языка. Рабочая жизнь информантов началась достаточно рано, присутствовали разного рода сезонные подработки, в большинстве своем имеющие неофициальный характер. Сейчас же работа совмещается с учебой. Практика распоряжения деньгами существенно различается по двум условно обозначенным группам: одни – тратят деньги на самое необходимое, вторые – тратят на отдых и развлечения. В целом справедливым будет говорить о том, что практики распоряжения деньгами различаются от случая к случаю, а для некоторых даже характерно накопление денег для будущих затрат, что говорит, конечно, о наличии некоторой стратегии. Теперь же перейдем к более детальному анализу выделенных категорий и концептов, в ходе которого мы будем обращаться к конкретным случаям, а также выявлять возможные взаимосвязи между ними и самим объектом исследования текущей задачи.

Начнем наш анализ с рабочей сферы жизни прекариальных работников, поскольку именно работа является источником экономического капитала, который играет роль в построении планов и в формировании стратегии дальнейшей жизни. Первое, с чего стоит рассматривать данную сферу – прошлый опыт работы. Для нашей выборки характерно, как уже было сказано, раннее начало рабочей жизни, а также подработка во многих сферах, в которых не требуются особые навыки и умения. Такая

работа имеет неофициальный характер и нигде не фиксируется. Становление на данный путь достаточно очевидно – в малом возрасте других альтернатив заработать деньги практически не существует, ведь принятие на работу несовершеннолетнего работника означает возложение ответственность за него на работодателя.

Нельзя говорить о том, что данные подработки были вынужденной мерой. Информанты устраивались на работу из-за желания приобрести себе какие-то желанные вещи, или для них работа являлась самоцелью. Было сказано, что для некоторых курьеров свободного найма характерен ранний труд, в связи с чем возникает вопрос о влиянии такого труда на дальнейшие практики трудоустройства. Дети, которые занимаются фактически прекариальным трудом, возможно, попадают в ловушку горизонтальной мобильности, и иные способы заработка денег для них становятся непривычными. Стэндинг утверждал о существовании такой "ловушки", однако данное утверждение не применялось к детям, которые фактически зависят от своих родителей. Гипотетически возможно, что попадание в такую ловушку временно, и из нее возможно выбраться, однако это является темой отдельного исследования.

Поиск работы у прекариальных работников характеризуется отсутствием сложностей при поиске: работу легко найти, однако, эта работа является прекариальной. Информанты из выборки столкнулись с аналогичной ситуацией, однако, она характеризовалась еще и тем, что основная занятость этих людей – обучение в колледже или вузе, что автоматически накладывает на них обязательства посещать занятия. Таким образом, поиск "полноценной" работы на данном этапе жизни у информантов затруднен. Имеет смысл говорить о зависимости выбора прекариальной работы от наличия необходимости уделять большое количество времени другим видам деятельности, таким как учеба.

В совокупности с прошлым опытом при поиске работы также важно рассматривать оценку собственных перспектив при поиске работы в будущем. В данном вопросе респондентов можно разбить условно на две группы: одни – считают, что сложностей не будет, другие же – говорят, наоборот, о более сложном процессе трудоустройства. Важным является замечание того, что отличие первой группы от второй заключается в том, что первые ссылаются на уже имеющийся опыт работы, а вторые учитывают получение образования и необходимость устройства на более сложную работу. В обеих группах рассматривается дальнейшая работа по специальности, что свидетельствует о некоторых планах по уходу от прекариальной деятельности. Однако потенциальная невозможность избежания прекариальной работы не учитывается.

Также имеются случаи, когда будущая работа по специальности ставится под сомнение, и в этом случае характерна большая степень неопределенности будущего.

На основании тех смыслов, которые курьеры свободного найма вкладывают в понятие работы по специальности, действительно, имеет смысл говорить о стремлении к стабильному доходу и стабильной занятости. В отдельном случае было прямо сказано про обязательность стабильной работы в будущем, однако, это является исключением, нежели правилом.

В противовес той логике, что нынешнее положение в работе устраивает курьеров свободного найма, и поэтому у них нет стремления к стабильности и "полноценной работе", необходимо обратить внимание на возможные причины удовлетворенности текущей занятостью.

При анализе качественных интервью была выделена аналитическая категория "рабочие ценности", которая подразумевает субъективную оценку информантом его работы, выделение определенных характеристик работы курьера, которые ему нравятся или, наоборот, вызывают отторжение.

Информанты выделяли удобный график работы, являющийся главной ценностью работы курьера свободного найма, который параллельно обучается в средне-специальном или высшем учебном заведении.

При таком контексте слова "в принципе, меня все устраивает" (И1, 20 лет, Санкт-Петербург) приобретают новый смысл – устраивает такая работа с учетом необходимости посещения учебного заведения. Вероятнее всего, выводы были бы иными в том случае, если информанты имели бы дипломы и не проходили обучение в данный момент.

Следовательно, имеем следующий вывод: работа по специальности ассоциируется со стабильной работой, с получением стабильной заработной платы, которая позволяет планировать будущее и быть уверенным в нем, чего не дает прекариальная занятость.

Прежде чем перейти к следующему концепту, необходимо рассмотреть мотивацию к устройству на работу, которая ранее уже затрагивалась в попытках обосновать различия в том, что у кого-то присутствует более ярко выраженная стратегия жизни, у кого-то менее. У некоторых информантов была конкретная цель при устройстве на работу курьером: у кого-то накопить на что-то, у кого-то обеспечить текущее потребление, однако, в ряде случаев финансовая цель отсутствовала. Можно предположить, что часть людей, которая не преследовала финансовой цели или преследовала цель накопить, например, на путешествия или на новые кроссовки, не имеет финансовых проблем, чтобы поддерживать минимальный уровень жизни, а также они склонны выстраивать более долгосрочную и всеобъемлющую стратегию жизни. То есть для них характерна меньшая неопределенность.

Таким образом, можно предположить, что финансовые цели, преследуемые при трудоустройстве определяют степень определенности в планах на будущее, а также в стратегии. Поскольку финансовая мотива-

ция гипотетически является неким индикатором социального положения информанта, как это уже было упомянуто ранее, перейдем к рассмотрению концепта "социальное положение".

Данный концепт объединяет в себе две основных категории: первая – социальное обеспечение, выражающееся в том, какие социальные услуги получает информант, например, дополнительное медицинское обслуживание, в долгосрочной перспективе пенсию, льготы от государства и т.п.; вторая – субъективная оценка текущего социального положения. По данным категориям наблюдается высокая гомогенность выборки за исключением тех, кто получает льготы от государства и случаев, касающихся получения государственных медицинских услуг.

Похожесть информантов заключается в том, что они имеют полисы обязательного медицинского страхования, они получают образование за счет бюджетных средств. Субъективное восприятие своего социального положения имеет еще большую гомогенность: информанты утверждали, что их "все устраивает".

Таким образом, социальное положение в том виде, в котором оно было операционализировано в рамках данной задачи, предположительно не будет оказывать влияние на формирование жизненных стратегий, поскольку несмотря на объективно различные степени определенности по поводу будущего, обеспеченность социальными услугами и собственное восприятие своего социального положения достаточно похожи.

Следующим концептом является "образование", о котором было уже достаточно много сказано в связке с другими категориями концепта "рабочая жизнь", однако более детально необходимо рассмотреть не то, на каком этапе образования находятся информанты (было выявлено, что большинство

обучается в средне-специальных учебных заведениях, меньше – в вузах), а то, как воспринимается само образование: имеет оно практическую полезность или бесполезно с их точки зрения.

В целом наблюдается двойственная позиция по поводу полезности высшего образования (именно по нему информанты высказывали свои мысли): в ряде случаев высшее образование воспринималось как некий барьер к трудоустройству, другие же утверждали обратное.

Убежденность в полезности высшего образования связана со стремлением к его получению, то есть если человек собирается в дальнейшем получать высшее образование или продолжать обучение в магистратуре, то достаточно логичной является убежденность в ценности приобретаемых знаний и получаемого диплома (как минимум ценность заключается в его необходимости в эпоху кредентализма).

Данная убежденность гипотетически сказывается на формировании жизненных стратегий, поскольку убежденность в том, что образование сыграет одну из решающих ролей в дальнейшем трудоустройстве, способно повысить убежденность в получении "хорошего места" и гарантии дальнейшего профессионального роста.

Далее перейдем к концепту "миграционные настроения", который является прямым отражением стратегического планирования, поскольку эмиграция – шаг, который требует тщательной подготовки и предприимчивости. При обсуждении данной темы с информантом в наибольшей степени проявляется его жизненная стратегия, если она существует. Информанты задумываются об эмиграции, и причинами этого является политическая и социальная ситуация в стране.

Однако в рамках обсуждения эмиграции стоит рассматривать не только тот факт, за-

УБЕЖДЕННОСТЬ В
ПОЛЕЗНОСТИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ ОТРАЖАЕТ
УБЕЖДЕННОСТЬ В
ЦЕННОСТИ
ПРИБОРЕТАЕМЫХ ЗНАНИЙ.

думывался человек о ней или нет, но и его объективные возможности для переезда внутри страны или за ее пределы. В ближайшее время информанты не имеют возможности эмигрировать ввиду различных причин: отсутствие финансовых возможностей, отсутствие образования, отсутствия знаний языка или иных навыков. Однако это может быть объяснено их возрастом, полученным образованием и финансовыми возможностями.

Определенность стратегии и намерений выражается во фразе, которая начинается с "если". Интерпретация может быть такова, что несмотря на субъективную оценку возможностей переезда в другую страну, где качество жизни и возможностей больше, чем в России, реальные возможности не позволяют это сделать сейчас и могут не позволить эмигрировать в будущем, поскольку решительных действий для избавления от этого "если" не предпринимается. Тем не менее информанты вкладывают в мысль о переезде некий смысл, поскольку, вероятность, действительно, у них имеется (впрочем имеется она практически у любого человека), но реальной проекции на будущее нет, за исключением нескольких случаев, которые характеризуются относительно высокой степенью определенности.

Так, целесообразно сделать вывод о том, что эмиграционный потенциал у исследуемой группы имеется, однако этот потенциал с большой степенью вероятности не будет реализован в ближайшее время, поскольку эмиграционная стратегия у них отсутствует.

В рамках последнего рассматриваемого в данной задаче концепта "практики распоряжения деньгами" определяются статьи, на которые курьеры свободного найма тратят свои деньги. Среди основных статей выделяются обязательные затраты (еда, оплата счётов, жилья и т.п.), накопление денег для будущих трат, например, на покупку автомобиля или на оплату обучения, а также имеются случаи, когда часть зарабо-

танных денег расходуется на помощь близким.

Таким образом, потенциально может существовать связь между практиками распоряжения деньгами и жизненными стратегиями, и она проявляется в следующих моментах: если у курьера свободного найма затраты составляют только расходы на обеспечение потребления повседневных товаров и услуг, а также ежемесячных затрат на содержание жилья и обеспечения транспортных услуг, то финансового вклада в будущее не имеется, следовательно, высока вероятность, что нет и текущей жизненной стратегии, сопряженной с практиками распоряжения деньгами. В обратном случае, когда часть денег сберегается, имеет смысл говорить о выраженности жизненных стратегий, касающихся сфер жизни, в которые инвестируется или планируется инвестировать в будущем.

Отношение прекариальных работников к своему работодателю. В рамках общей темы исследования "Социальная адаптация представителей прекариальных работ" нельзя не обратить внимание на одну из подтем работы, которая звучит как "Отношение прекариальных работников к своему работодателю". Ее раскрытие играет важную роль, потому что позволит получить понимание того, как прекариальные работники взаимодействуют с начальством. Это важно, потому что одной из предпосылок выбора работы, безусловно, может являться отношение руководителя к служащему.

Фундаментальной, с точки зрения теоретических парадигм, теорией, применяемой в рамках этой работы, станет труд Пьера Бурдьё о тирании рынка [1]. Пьер Бурдьё, наряду с Робертом Кастелем, считается основоположником появления теории проблемы прекариата во взаимосвязи с глобализацией мировой экономики [9]. Эта работа помогает базово разобраться в терминологии изучаемой проблемы. На этой работе в некоторой степени будет базироваться все это исследование.

Еще одной теоретической парадигмой станет работа Роберта Кастеля под названием "Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда" [13]. В ней ученый вводит понятие "метаморфоза", обозначающее, в его понимании, проблематизацию, по Мишелю Фуко, в несколько измененном виде. В частности, Кастель перегруппировывает исторический материал в зависимости от категории анализа.

Основными действующими лицами этих Кастелевских "метаморфоз" считаются некие непонятные фигуры, занимающие маргинальное положение в сфере труда [7]. А это как раз те люди, о которых позднее назовут "прекариатами". Хотя работа и была написана еще в прошлом веке, в 1995 году, автор уже обозначил основные понятия современного представления о прекариальном поведении и его акторах.

Кастель в целом в работе делает сильный акцент на взаимодействие работников с их начальством, как непосредственным, так и опосредованным. Он уделяет много внимания парадигме "принудительного труда", хотя, казалось бы, в XX и XXI веках рабство если еще где-то и проявляется, то не в тех социальных общностях, о которых идет речь. Кроме того, он пишет и о забастовочных движениях, представление о которых будет полезно в следующей части нашего исследования.

Также автор делает большой упор на договор и статус: в том числе описывает динамику изменения трудовых отношений: изменение со времен окончания Второй мировой войны до конца XX века. Рассматриваются и различные конфигурации рабочих отношений. Все это дает представление как о трудовом опыте прошлых лет, так и о его разнице с текущими прекариальными рабочими отношениями.

Другой значимой концепцией является работа Паоло Вирно об анализе форм современной жизни. В своей книге автор, основываясь на развитии Антонио Негри концепте "множества" как группы людей, которых

нельзя обозначить каким-то определенным образом, говорит, что в современном мире "множество" обозначает и формализуется в отсутствии корней, мобильности, неопределенности, тревоге и поиске безопасности [8]. А это как раз те признаки прекариального поведения, которые выделяются главными учеными-исследователями этого феномена. Такое "множество" даст возможность опираться на более общее понятие, чем "социальная группа".

Одной из задач этой работы является выявление отношения прекариальных работников к своему работодателю или к другому лицу, которое осуществляет управление конкретными представителями прекариальных профессий.

Для решения задачи были выбраны указанные выше теоретические парадигмы, способствующие раскрытию темы: теория П. Бурдьё о тирании рынка "Counterfire: Against the Tyranny of the Market", являющаяся базовой; концепция П. Кастеля, в которой исследователь вводит понятие "метаморфоза", главными действующими лицами которых считаются некие непонятные фигуры, занимающие маргинальное положение в сфере труда; работа итальянца П. Вирно, в которой он вводит понятие "множество", которое обозначает и формализуется в отсутствии корней, мобильности, неопределенности, тревоге и поиске безопасности. Более того, будут приводиться и другие, скорее эмпирические работы исследователей, как российских, так и зарубежных.

Среди предположений выделяются следующие:

- прекариальные работники плохо знают или не знают своего руководителя;
- все взаимодействие работника с руководством производится с использованием каких-либо программных средств (в частности мобильных приложений);
- на прекариальных сотрудников оказывается давление, имеющее целью заставить человека работать как можно дольше и не увольняться. Это может проявляться как в

личных уговорах, так и в рабочих бонусах (как при личностном общении, так и при онлайн-взаимодействии через приложение);

– отношение работников к работодателю имеет нейтральный характер. Другими словами, они относятся к этой работе как к средству получения денег.

В рамках всего исследования было проведено 20 интервью с представителями прекариальных работ, в частности с курьерами свободного найма. Для решения задачи об отношении прекариальных работников к работодателям было выделено 2 блока гайда интервью из 6. В частности узнавались мнения о начальстве (отношение к начальству) и о компании (отношение к компании).

Задавались как прямые вопросы об отношении человека (например, "А если говорить в целом о компании, то как относишься к ней?"), так и косвенные (к примеру, "Как часто бывает, что начальство тобой недоволено и прямо говорит об этом?"). Прямые формировались с целью выяснить субъективное осознаваемое отношение прекариальных работников к работодателю, а косвенные ставили перед собой задачу определить возможные отклонения, к примеру латентные представления, от осознаваемых убеждений.

Анализ данных будет основан на названных блоках транскриптов двадцати интервью с прекариальными работниками. Будет построена обоснованная теория по методу открытого кодирования. Сам анализ будет традиционным, когда концепты формируются, "выводятся" из эмпирических данных в процессе исследования.

После процесса группировки были выделены шесть значимых концептов, на основании которых и будет построен дальнейший анализ: неформальные взаимоотношения, правовые формальные взаимоотношения, субъективное отношение к работе, бонусы и ориентированность на работников, субъективное отношение к начальству, проблем-

ные ситуации. Они будут рассматриваться на примере конкретных кейсов и в сравнении друг с другом. Сначала будут рассмотрены наиболее "обыденные" гипотезы, которые могут быть сформулированы на основании полученных данных, а ближе к концу анализа будут выделены наиболее необычные и интересные гипотетические открытия.

Вначале рассмотрим концепт о субъективном отношении к начальству. В целом, в рамках изучения данных по этому концепту не было выделено каких-либо отклоняющихся гипотез и выдающихся кейсов. Можно обратиться к трудам Кастеля для описания этого концепта. В частности, желание абстрагироваться от начальства и быть "хозяином себе самому" и есть как таковой признак главных персонажей "метаморфоз", а именно – "неопределенных фигур". В этих неопределенных фигурах, если определять их на современный лад, можно легко увидеть индивидов, составляющих прекариальные группы.

Прекариальные работники относятся к одним и тем же супервайзерам (руководителям) по-разному. Это можно объяснить различиями в восприятии социальной действительности, с точки зрения "габитуса" Бурдьё.

В целом представления о начальстве можно усредненно разбить на 3 категории: положительное, негативное и нейтральное. Те, кто относится негативно, в некоторых случаях проводят эмоциональную оценку действий руководителей. Положительно же характеризующие начальство прекариальные работники или нейтральные выстраивают аналитическую цепь, главным элементом которой является суждение "супервайзеров тоже можно понять". Также следует отметить, что недовольны своим начальством представители низких групп населения, в частности учащиеся колледжей и ПТУ. Учащиеся университетов отзываются нейтрально или положительно.

Показательным кейсом является связка интервью А2 и А3. В них информантами вы-

ступили 2 друга, проживающие в отдаленном от Москвы регионе России. Один из друзей испытывает частые проблемы с работой, обманывает работодателя и негативно высказывается о начальстве, говоря о частых обманах. Его друг во многом является его противоположностью, на самом деле не испытывает проблем и относится к работе хорошо. Однако в интервью рассказывал о том, что работа плохая, опираясь на опыт своего друга. Исходя из этого можно построить гипотезу: отношение к начальству и к работе зачастую формируется из консенсуса друзей/коллег, а не объективных или субъективных характеристик самой работы.

Следующий выделенный на основе данных концепт -- правовые формальные взаимоотношения. Отношение прекариальных работников к работодателю через призму этого концепта также можно разделить на 3 категории, как и с субъективным отношением к начальству: положительное, отрицательное и нейтральное. Однако характер этих категорий здесь иной. Среди прекариальных работников широко известно о том, что руководители могут работать по отношению к ним плохо. Однако трактовки такой ситуации разные. Представители более низкой социальной категории, опять же, винят руководителей в такой ситуации. Более же высокие в социальном статусе прекариаты, не испытывающие проблем с начальством, обвиняют самих курьеров в плохом отношении руководства.

Поскольку речь идет о формальных взаимоотношениях, мнение "беспроблемных" прекариатов оправдано, потому что крупная компания вряд ли будет рисковать своим институциональным статусом в подобной ситуации. Однако может выделяться и другая гипотеза: несправедливое отношение начальства касается только прекариальных работников с более низким социальным статусом, поскольку они в меньшей степени способны себя защитить. Тогда как, например, студенты вузов будут более охотно отстаивать свои интересы.

Стоит отметить и фактор зарплаты. Прекариатов в рамках изучаемой темы устраивает система выплат зарплаты. Однако существуют и кейсы неких проблем. Подобный возник у очень опытной работницы, занимающейся этим трудом с самого открытия возможности.

Но существуют и кейсы недовольства объемом выплат. В связи с этим основываясь на "чувстве своего места" Гофмана, когда простых людей устраивает их положение, независимо от их субъективных суждений, и трактовке "чувства своего места" Бурдьё, можно вывести новую гипотезу о том, почему люди, говорящие о мизерности зарплаты, все же продолжают ее получать или меняют место работы на место со сходным вознаграждением, а не предпринимают какие-то более кардинальные решения для изменения ситуации: в рамках субъективного восприятия собственного места могут происходить и объективные формальные процессы, в том числе рабочих. Ведь "Чувство своего места лежит в основе всех взаимодействий".

Таким образом, в качестве одной из гипотез: концепты о субъективном отношении к начальству и правовых формальных взаимоотношениях интегрированы друг в друга, а именно оба имеют свои корни в концепции чувства своего места.

Следующий образовавшийся концепт -- субъективное отношение к работе. Он, опять же, не сильно отличается от двух ранее описанных концептов с точки зрения категорий, на которые можно разбить прекариальных работников, исходя из их суждений. Однако в рамках этого концепта выделились более незаурядные гипотезы. Это произошло из-за проявления сложно-предсказуемых кейсов в выборке.

Одной из категорий этого концепта является факт или отсутствие изменения отношения к компании за время работы у прекариатов.

Опять же, существуют как показательные ситуации, которые показали изменение в

негативную сторону, так и в позитивную. Также наблюдается и отсутствие динамики по изменениям в отношении к компании. Это говорит о существовании общих сходств между тремя рассмотренными концептами. Однако в рамках данного конкретного концепта также выделились необычные случаи. Например, один из информантов продемонстрировал наиболее негативное отношение к компании и работе в ней.

Кроме этого данный прекариат рассказал о том, что "может послать супервайзера" и поэтому "они его не беспокоят". Это говорит о том, что в рамках прекариального труда могут существовать и случаи открытого полного неуважения к начальству со стороны сотрудника. При обычной работе подобное вряд ли может продолжаться долго, тогда как здесь компания не обращает на это внимание, так как ей, наверное, не важно, какой сотрудник разносит заказы. И в рамках этого формулируется новая гипотеза этой работы: прекариальный труд создает условия для формирования новой, невозможной в рамках обычной трудовой занятости, практики, когда сотрудник может безнаказанно неуважительно вести себя при взаимодействии с работодателем (начальником).

С точки зрения представления парадигмы, отношения прекариальных работников к своему работодателю через призму их устройства на эту работу, никто не испытывает представлений о том, что эта работа – привилегированная. Если рассматривать это с точки зрения теории социального неравенства, все прекариальные работники понимают, что эта работа доступна "практически всем". Гипотетически, курьеры не считают такое "равноправие" привлекательным и их отношение к этой работе может ухудшаться. Однако это не влияет на вероятность их отказа от подобной работы.

С точки зрения субъективного удобства системы, ситуация свелась к дуализму "удобно/неудобно". С точки зрения прекариального поведения сделать какие-либо

значимые гипотетические предположения не представляется возможным, так как здесь все зависит не от самого человека с прекариальным поведением, а от его программных средств.

С точки зрения проблемных ситуаций, возникающих во время работы и напрямую воздействующих на отношение работников к работодателю, стоит выделить как проблемы, исходящие от работодателя, так и проблемы, единственным источником которых является прекариальный работник.

Во-первых стоит обратить внимание на штрафные санкции в компании. Ведь это та категория, которая в том числе формирует отношение работников к работодателю. В данном вопросе выделилось 2 категории: 1) те, кто если и совершает ошибки на работе, признает их и платит штраф спокойно; 2) те, кто не признает штрафы и во многом винит работодателя.

С точки зрения отношения к работодателю, из этого стоит вывести одну существенную гипотезу: даже при условии плохого отношения прекариального работника к работодателю, отсутствия уважения к нему, из-за того, что тот выставляет сотрудникам несправедливые штрафы, прекариат не станет увольняться, а продолжит работу в компании, "переступив через себя". Здесь можно снова привести в пример теорию Бурдьё о "чувстве своего места".

Также был обнаружен кейс, когда курьеру было "прощено" заслуженное им наказание в виде штрафа. Гипотетически, нахождение прекариального работника в рядах "беспроblemных сотрудников" (сотрудников, которые всегда стараются не опаздывать, выполнять все вовремя; при этом они могут иногда допускать неумышленные ошибки), которые редко нарушают правила, улучшает отношение к нему со стороны компании, что, в свою очередь, посредством различных послаблений, в том числе отмены штрафов, улучшает отношение курьера к работодателю. Другими словами, курьер сам улучшает свое отношение к работодателю, выполняя все задания без нарушений.

Если говорить о тех моментах, когда работники стараются обмануть работодателя, то они случаются в основном у тех, кто считает, что руководитель относится к ним несправедливо.

С точки зрения постановки гипотетического суждения, это может значить то, что часто получающие штрафы сотрудники могут относиться к работодателю настолько неуважительно, что будут позволять себе обманывать компанию в финансовом плане.

Однако может существовать и другая сторона обмана работодателя. В частности, были получены данные о том, что обман может быть "во благо" и без нанесения издержек работодателю.

Переходим к более интересным с исследовательской точки зрения концептам: по ним были получены более специфические и неординарные результаты. В частности, концепт бонусы и ориентированность на работников включил в себя много важных с точки зрения отношения прекариальных работников к работодателю кейсов.

Например, оказалось, что у некоторых работников компания собирает обратную связь по рабочему процессу, и некоторые из них замечают, что их мнение учитывается.

В рамках этого стоит сделать гипотетическое предположение о том, что подобный сбор обратной связи помогает улучшать отношение прекариальных работников к своему работодателю.

Также, хотя некоторые сотрудники высказались об отсутствии заботы со стороны работодателя, другие информанты заявили о том, что компания заботится о своих сотрудниках.

Однако как было сказано, в некоторых ситуациях сотрудники не высказались о наличии какой-либо заботы со стороны работодателя. Применительно к цитате курьера о существовании специального сайта, который доступен всем курьерам, следует сделать предположение о том, что некоторые курьеры просто не знают о некоторых доступных им вещах, которые могли бы

улучшить их отношение к работодателю. Гипотеза в этом случае звучит следующим образом: прекариальные работники, изучающиеся в рамках данной темы, могли бы улучшить свое отношение к работодателю, если бы имели представление о некоторых благах, которые предоставляются им их работодателем.

Переходим к шестому концепту, в рамках которого были получены наиболее специфические и "неожиданные" данные: неформальные отношения. Ведь прекариальный труд, и даже уберизация характеризуется отсутствием прямого взаимодействия между сотрудником и его руководителем. Другими словами можно было ожидать, что взаимодействие между сотрудником и подчиненным в рамках рассматриваемой темы отсутствует. Однако были получены противоположные данные. Во всех случаях прекариальный доставщик еды напрямую взаимодействует со своим руководителем — супервайзером. Из этого взаимодействия во многом и формируется отношение сотрудника к работодателю.

Однако были выделены кейсы более специфические ситуации взаимодействия между сотрудником и руководителем.

Из этого выстраивается следующая гипотеза: исходя из этих данных, отношения прекариального работника с работодателем могут быть товарищескими или даже дружескими, что совершенно не вписывается в саму концепцию прекариального труда.

Также было обнаружено, что между сотрудниками в компании, как между курьерами, так и в сочетании курьер-супервайзер, могут существовать личные взаимоотношения, хотя, например, курьеры, не скреплены рабочим местом или какими-либо межличностными рабочими взаимоотношениями.

Это еще раз ставит гипотезу с вопросом о состоятельности применения понятия "прекариальный" к данному типу труда. Кроме того, встает гипотеза о том, что некоторые курьеры могут относиться к прекариальной

работе как к инструменту нахождения новых знакомств.

Коллективные стратегии прекариальных работников по защите своих интересов. В рамках последней задачи исследования необходимо выявить коллективные стратегии прекариальных работников по защите своих интересов. Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо рассмотреть не только литературу, посвященную непосредственно отличиям прекариальных работников от иных работников, которые могут диктовать то, как стратегии по защите своих интересов отличаются между ними, но и литературу, посвященную возможным стратегиям таких работников и могут ли эти стратегии поменяться по мере того, как меняется положение заведомо нестабильных прекариальных работников.

Выявление наличия или отсутствия стратегий по защите своих трудовых интересов значительно приблизит нас к выполнению цели исследования, ввиду того, что именно способность отстаивать свои трудовые, а следовательно и экономические интересы, не только на индивидуальном, но и коллективном уровне, позволит нам говорить о прекариате как о сформировавшемся классе и делать выводы о том, как, с точки зрения трудовых отношений, представители доставщиков еды приспособлены к работе в "уберизированной" экономике.

Именно поэтому в рамках данного исследования нам интересна статья Н.Б. Кирилловой, в которой автор, хоть и сделав собственной обзор литературы и рассмотрев основы концепции прекариата, приходит к различным выводам о характере прекариата и необходимости доработки концепции. Помимо этого, автор отмечает тот факт, что профсоюзы не выходят за рамки "одной профессиональной группы", мешает им пойти навстречу прекариальным работникам [14, с.165].

На основе этого мы можем говорить о том, что хоть в рамках нашего исследования мы не можем судить о готовности профсоюзов

защищать права и интересы прекариальных работников, в рамках нашего исследования внутри задачи по выявлению коллективных стратегий прекариальных работников по защите своих интересов будет необходимо установить, а есть ли "движение навстречу" профсоюзам со стороны прекариальных работников, ведь несмотря на правдивое замечание о неготовности профсоюзов защищать более широкую массу работников, никаких данных о существовании данного "движения" со стороны самих работников дано не было. [14, с.165]

Уже из названия статьи Питера Флеминга "Обман человеческого капитала" понятно, что автор ставит основную проблему работников в эру "уберизации" не через их социально-экономическое положение или соотношение материальных накоплений к другим формам капитала, а через "радикальный перенос ответственности". Уберизация как термин, который будет в дальнейшем использоваться в данной работе, понимается как практика крупных компаний по использованию собственных интернет-платформ для взаимодействия с сотрудниками и клиентами. Под переносом ответственности автор имеет в виду тот факт, что одна из черт "уберизированной" экономики – это смещение ответственности за повышение своего человеческого капитала с работодателей или государственных институтов на самих работников. И хоть известны анекдотические примеры того, как крупные корпорации поощряют и способствуют повышению квалификации своих сотрудников, для "уберизированных" сфер труда (примером которым служат, как бы неожиданно это не звучало, пилоты гражданской авиации) ответственность за свою социальную стабильность и накопление человеческого капитала возлагается на самого работника. Автор констатирует, что в таком положении дел работник потерял множество рычагов влияния на своего работодателя, и предлагает не столько борьбу с классовой точки зрения, сколько с пози-

ции расширения прав работников в целом. Приводя в пример судебные тяжбы таксистов с Убер, автор предлагает находить и призывать к ответственности "де факто нанимателя" (ведь одним из аргументов защиты Убер, являлся тот факт, что они не признавали себя работодателем, а лишь провайдером информационных услуг). [4, с.26]

Примеры размышления и выводы данной статьи важны в рамках задачи по выявлению коллективных стратегий прекариальных работников по защите своих интересов с точки зрения того, что они нам демонстрируют то, что происходит в случаях эскалации борьбы интересов прекариальных работников и их работодателей. Следовательно, имеются основания проверить, существуют ли подобные конфликты у доставщиков еды, имеются ли признаки того, что работники "перегружены" ответственностью, и имеется ли среди прекариальных работников солидарность, которую автор считает необходимой частью для организации защиты своих прав и интересов.

В контексте данной работы рассматривались возникновение, развитие и исход конфликтов с начальством и клиентами, для того, чтобы понять как доставщики еды самостоятельно отстаивают свои интересы и какие предпосылки существуют для необходимости защиты своих трудовых интересов. Также в рамках данной части интервью мы интересовались как санкциями, так и поощрениями в отношении курьера, чтобы увидеть то, как работники воспринимают систему вознаграждений и санкций, которая имеет огромный потенциал как улучшения, так и ухудшения воспринимаемого положения работника. А для выявления коллективных стратегий обсуждалось отношение к созданию профессионального союза как формального пути к коллективной защите интересов, и отношение к участию или организации забастовки как неформального пути к коллективной защите интересов. Несмотря на то, что существуют иные пути к коллективной организации как

более формальные, так и более неформальные, другие варианты либо возникают в интервью в ходе изучения личных стратегий к разрешению конфликтов и отстаиванию своих интересов (обращение в суд может быть коллективным, но обсуждается на уровне индивидуальной защиты интересов), либо не рассматриваются в исследовании, будучи более маргинальными, ибо данное исследование не ставит задачу всесторонне изучить все возможные и невозможные пути коллективной защиты трудовых интересов, а лишь выявить существующие у доставщиков еды стратегии и проанализировать потенциал к более организованной коллективной защите трудовых интересов. Допущение о том, что может существовать потенциал к более организованной защите трудовых интересов как формальной, так и неформальной, который необходимо подтвердить или опровергнуть, исходит из того, что свежесформированный прекариальный класс, в который недавно вошли доставщики еды, имеет трудовую солидарность, наличие которой будет подтверждено в дальнейшем.

Трудовые цели курьеров и других работников компаний сервисов доставки (супервайзеры, логисты и работники колл-центра) не сходятся с идеальной моделью заданной структурой подобных компаний и могут расходиться.

Логисты не всегда, в соответствии со своей ролью в сервисе, оптимизируют процесс доставки.

Курьеры стремятся не выполнить как можно больше заказов в кратчайшие сроки (цель, заданная компанией), а максимизировать прибыль при наименьших трудовых затратах.

Супервайзер не стремится решить проблему, возникшую у курьера, если это потребует дополнительных трудовых затрат.

Ошибка третьих лиц, в основном от рестораторов, может привести к конфликту с клиентами.

Из-за разницы в целях возникают различного рода конфликтные ситуации, которые

в соответствии с ранее приведенными примерами можно выделить по четырем основным причинам: ошибка со стороны курьера; ошибка со стороны логистов или работников колл-центра; ошибка со стороны начальства (в лице супервайзера); ошибка со стороны ресторана. Следовательно участниками этого конфликта, помимо самого курьера, могут быть логисты, супервайзеры и клиенты. Рестораны зачастую являются источником конфликтов, но ввиду ограниченности взаимодействия с самими курьерами, редко являются участниками конфликта. Еще более редким является взаимодействие курьеров между собой, так как работа не требует какой-либо кооперации с другими курьерами, а прямая конкуренция за заказы отсутствует, так как электронная система, приложение которой установлен у всех курьеров на телефоне, автоматически распределяет заказы.

Последствия подобных конфликтов могут сильно различаться. Некоторые ситуации разрешались сразу, некоторые со временем, а некоторые не разрешались вовсе, и в итоге были нарушены либо права курьера, либо условия договора между курьером и компанией сервиса.

Следовательно, далее нам необходимо получить описания того, какие трудовые права курьеров нарушаются. Это необходимо нам сразу с двух ракурсов: во-первых, это позволяет нам понять, какие последствия могут быть для курьеров, если конфликт не решен или решен не в их пользу; во-вторых, нарушения прав курьеров устанавливают потребность в отстаивании своих интересов, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном уровне.

В ходе интервью были выделены следующие возможные нарушения трудовых прав курьеров: задержка зарплаты и несправедливые санкции.

Интересно отметить, что зачастую можно встретить хоть и не противоположные, но слегка конфликтующие высказывания информантов о нарушении их прав компаниями сервисами.

С другой стороны, сообщают о задержках зарплаты и случаях штрафов и снижений зарплаты из-за технических проблем или неверного решения супервайзера.

При дальнейшем рассмотрении интервью мы сделали вывод о том, что нарушения трудовых прав работников хоть и присутствуют, но данные информанты преподносят данную проблему как ошибку, будь это решения отдельных работников или технический сбой, а не систематическое принижение прав трудящихся.

Однако важно помнить, что нарушителем в процессе труда может быть не только работодатель, но и сам работник. Важность нарушений курьерами своего договора обусловлена тем, что получение курьером огромного количества санкций может быть оправдано нарушениями со стороны самого курьера, поэтому нам необходимо выяснить, как именно курьеры могут не соблюдать договор, дабы понимать, насколько справедлива компанейская система санкций и вознаграждений (о которой будет подробно рассказано далее) по отношению к курьеру. Тут мы могли наблюдать большое разнообразие практик, как полное отсутствие "обмана" со стороны курьера, так так разнообразные попытки обмануть работодателя, чтобы меньше работать.

Исходя из этого мы можем говорить о том, что хоть и существуют практики обмана работодателя с целью меньше работать или избежать санкций, без количественных данных мы не можем говорить о том, какая доля курьеров абсолютно добросовестна, а какая периодически нарушает свой договор с компанией сервиса доставки еды. Также мы можем выдвинуть предположение о том, что часть нарушений как со стороны курьера, так и со стороны работодателя исходит из технических проблем сервиса и приложений, используемых для взаимодействия с курьерами, мы можем предположить, что в будущем, по мере технологического развития данных сервисов, случаи нарушения и обмана с использованием электронной

системы сервиса будут уменьшаться в количестве.

Учитывая ранее полученные данные интересно увидеть как они соотносятся с практиками компании к санкциям и вознаграждением своих курьеров, ведь дисбаланс в данной системе может привести к "аномийному протесту, примитивному бунту или политическому протесту" "опасного класса" перед лицом несправедливого работодателя. [10, С. 243]

В ходе анализа интервью были замечены интересные детали относительно сложившейся системы наказаний/поощрений курьеров компаниями сервисами по доставке еды:

Среди опрошенных не нашлось ни одного респондента, который бы постоянно находился в наивысшей зарплатной категории (грейд) и ни разу не был понижен в нём. Достаточно много тем или иным образом получали штрафы (как справедливо, так и не справедливо), а среди тех, кто их ни разу не получал, были случаи понижения в грейде.

Относительно же поощрений всё намного более скудно. Многие информанты высказали мнение о том, что поощрений не существует как таковых. В то время как другие указывали на повышение ставки по случаю новогодних праздников и чаевые как источник поощрений.

Исходя из всего вышеперечисленного сложно делать выводы о возможном дисбалансе системы санкций, ибо даже несмотря на сильный перевес в сторону различных санкций в соотношении с возможными поощрениями, нет оснований говорить о большом недовольстве курьеров по отношению к самим санкциям, ибо недовольство сглаживается перекладыванием ответственности за столь большое обилие штрафов с компании в целом на технические проблемы/плохих руководителей/ошибку самих курьеров. Поэтому несмотря на наличие опрессивных практик, описанных Гаем Стендингом, сами информанты не горят решимостью протестовать непосредственно против данных санкций.

Все вышеперечисленные проблемы приводят нас к тому, что ситуация, когда курьер получает не справедливый, с точки зрения самого курьера, штраф, является рядовой.

В ходе анализа нами выделены две возможности для курьера индивидуально решить возникшую проблему: обращение в трудовую инспекцию/суд/прокуратуру, обращение к супервайзеру. Обращение к логисту не будет уделено много места в связи с тем, что во многих городах начинают заменять живых логистов на электронную систему, а тем где они еще есть, общение намного более одностороннее, и относится только к тем случаям, когда обращение происходит к тому же самому логисту, из-за которого произошла та или иная проблема.

Обращение к супервайзеру зачастую появлялось у информантов как самый рациональный путь решения проблемы, особенно когда вопрос касался штрафов и заработной платы. Также было замечено, что те информанты, которые прежде всего рассматривали обращение к супервайзеру для решения проблем, не эскалировали до уровня обращения в государственные инстанции, а только предлагали идти выше внутри корпоративной структуры.

Но также были и те, кто по тем или иным причинам рассматривал обращение в трудовую инспекцию/суд/прокуратуру. Несмотря на разнообразие практик по решению трудовых споров, основным методом решения споров, даже в тех случаях, когда они не увенчивались ранее успехом, являлось обращение к супервайзеру. Обращение к государственным инстанциям рассматривалось не всеми, да и то, только в тех случаях, когда информант выдвигал предположения о том, что могло быть сделано в ответ на гипотетическое и более крупное нарушение своих трудовых прав. Когда информанты рассказывали о своем опыте решения насущных проблем, были практики обращения к супервайзеру, но нам не довелось пообщаться с кем-либо, кто жаловался на своего работодателя в гос.структуры.

На основе этого мы можем лишь говорить о том, что существует развитая практика по обращению к супервайзеру за решением проблем с нарушением трудовых прав курьеров, но обращение к государственным структурам рассматривается как последнее возможное решение для более вопиющих случаев.

Прежде чем перейти к последнему и самому важному пункту о коллективных действиях курьеров, перед нами стоит вопрос восприятия других курьеров и солидарности, на основе общей трудовой деятельности. В данном случае не абсурдным будет допущение о том, что коллективное действие по защите своих интересов подразумевает наличие объединяющего фактора, и не просто сам факт общей трудовой деятельности, а общая поддержка. Солидарность в данном случае подразумевается в более широком смысле как объединяющее единство интересов, шире чем даже солидарность в Дюркгеймовском понимании, хоть и возможны сходства с органической солидарностью.

Можно выделить две интересные причины более конкурентного поведения курьера: во-первых, специфическое знание о том, что в некоторых сервисах существует скрытый рейтинг курьеров; во-вторых, информант признался в том, что имеет опыт в бизнесе и серьезно относится к конкуренции.

Из всего этого мы можем сделать вывод о том, что курьеры, несмотря на наличие скрытых рейтингов и практически отсутствие необходимости взаимодействовать друг с другом, не ведут открытую конкуренцию между собой, а даже наоборот, открыто проявляют кооперацию по решению проблем, которые могут возникнуть у любого из курьеров.

На фоне всего этого у нас складывается неоднозначная картина того, а есть ли необходимость в коллективном действии по защите своих трудовых интересов. С одной стороны, мы уже показали, что среди дос-

тавщиков еды есть трудовая солидарность и встречаются несправедливые санкции в отношении них, с другой стороны, нет четкой оппозиции против подобных санкций и решение ситуаций нарушения трудовых иногда ограничивается обращением к начальству.

Чтобы поставить точку в данном вопросе, имеет смысл проанализировать отношение доставщиков еды к коллективным действиям по защите своих трудовых интересов и выявить наличие коллективных стратегий.

Прежде всего, мы решили обратить внимание наших информантов на более формальную структуру, способную защитить права работников на коллективном уровне, а именно профсоюзы.

Далеко не все информанты понимали, что такое профессиональный союз и каковы его функции, поэтому у таких информантов либо не было какого-либо отношения к профсоюзам, либо оно возникало лишь ассоциативно после того, как интервьюер объяснял суть работы профсоюзов.

Однако мнения о профсоюзах среди тех, кто уже знал, что такое профсоюз ввиду общей эрудированности или членства в университетском профсоюзе, не слишком сильно отличались от тех, кому только разъяснили суть работы профессионального союза.

Ответы варьировались от допущений о бесполезности профсоюзов, до принятия того, что существование такой организации может улучшить условия труда курьеров. Но среди ответов не было найдено крайне негативных или крайне положительных реакций, что может лишь сообщить нам о малой заинтересованности доставщиков еды к формальной организации по коллективной защите трудовых интересов.

Заключение

Жизненные стратегии работников, занятых прекариальной деятельностью, потенциально зависят от их рабочей жизни: поскольку эмпирическую выборку данного исследования составляет в основном моло-

деж, которая проходит обучение в средне-специальных или высших учебных заведениях, то следует учитывать данную поправку при анализе. Выбор прекариальной деятельности может быть единственным выбором в данном случае, поскольку присутствует необходимость совмещать работу с учебой. Поиск работы на данном этапе не вызывает трудностей для курьеров, ведь единственной альтернативой является такой же прекариальный труд, но только в другой компании, то есть имеет место быть ловушка горизонтальной мобильности, из которой этим работникам, возможно, придется выбираться. Дальнейшее стремление работать по специальности может быть сопряжено со стремлением к некому постоянству и уходу от прекариальной занятости, однако тот факт, что на данный момент информантов устраивает их текущее положение, может говорить лишь о том, что отсутствуют, как говорилось ранее, другие альтернативные типы занятости.

Предположительно, социальное положение, как и миграционные настроения не будут влиять на формирование жизненных стратегий у курьеров свободного найма, поскольку их стратегии и планы на будущее различаются, а социальный статус, стремления к эмиграции и возможности схожи. Анализ образовательных стратегий и восприятия образования показал, что в зависимости от того, насколько четко определена ценность образования и планы на его получение, в данной выборке зависит определенность по отношению к работе и в целом будущего (для переноса этого вывода на генеральную совокупность необходимо проводить дальнейшие исследования). Практики распоряжения денежными ресурсами, которые вырабатываются с курьерской деятельности, демонстрируют то, какие действия предпринимаются по обеспечению будущего потребления и жизни в целом: если они расходятся только на обеспечение "обязательного" потребления, то нельзя говорить о жизненных стратегиях, которые

требуют долгосрочных финансовых инвестиций; в иных случаях это оправдано, но данные стратегии могут быть определены нечетко.

Отношение прекариальных работников к своему работодателю является очень гранулированной темой для исследования. Среди выявленных широких дифференциаторов можно отметить правовые формальные взаимоотношения двух субъектов (работника и работодателя), их неформальные взаимоотношения, совместное решение проблемных ситуаций, субъективное отношение прекариальных работников к работе и к начальству, а также бонусы и ориентированность на работников со стороны компании.

Наши подозрения о том, что стратегии по формальной коллективной защите своих трудовых интересов отсутствуют не были отвергнуты. Это также соотносится с тем, что в "уберизированной" экономике, где работодатель децентрализован, крайне мало потенциала для развития профсоюзной деятельности. Среди курьеров существуют четкие стратегии в ответ на возможное снижение заработной платы.

Огромную роль в данном случае играют технологии. Дальнейшее развитие собственных электронных систем компаний сервисов доставки минимизирует количество несправедливых санкций, сократит взаимодействие курьеров с супервайзерами, а следовательно, устраним многие причины, по которым коллективная защита интересов была бы необходима.

Литература:

1. Bourdieu P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London. 2003.
2. Budowski M., Schief S., Sieber R. Precariousness and quality of life-a qualitative perspective on quality of life of households in precarious prosperity in Switzerland and Spain // *Applied Research in Quality of Life*. – 2016. – Т. 11. – №. 4.
3. Di Fabio A., Palazzeschi L. Marginalization and precariat: the challenge of intensifying life construction intervention // *Frontiers in psychology*. – 2016. – Т. 7. – С. 444.
4. Fleming P. The human capital hoax: Work, debt and insecurity in the era of Uberization // *Organization Studies*. – 2017. – Т. 38. – №. 5. – С. 691-709.

5. Standing G. Taskers in the Precariat // *Confronting Dystopia: The New Technological Revolution and the Future of Work*. – 2018.
6. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – Т. 5.
7. Бочаров В. Проблематизация социального государства // *Журнал исследователей социальной политики*.
8. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни: [пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина]. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.
9. Вострокнутов Е., Найденова Л., Осипова Н. Появление прекариата – новая тенденция к изменению социальной структуры общества (обзор результатов исследований современных социологов) // *Сервис в России и за рубежом*. – 2016. – №9 (70).
10. Гай С. Прекариат: новый опасный класс. – М. : Ad Marginem, 2014.
11. Голенкова З., Голиусова Ю. Прекариат как новая группа наемных работников // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2015. – №1 (195). – С. 47-57.
12. Камарова Т. Понятия, виды и формы "нестандартной занятости", нормативно-правовая основа их применения // *Human progress*. – 2015. – №1. – С. 14-30.
13. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / пер. с фр.; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2009. – 574 с.
14. Кириллова Н. Б. Прекариат и профсоюзы: поиск взаимопонимания и пути взаимодействия // *Труд и социальные отношения*. – 2017. – № 3. – С. 156-166.
15. Козырева П. М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // *Социологические исследования*. – 2012. – № 7. – С. 54-66.
16. Новикова И. Выявление навыков работников, готовых на занятость с признаками неустойчивости (по данным интернет-платформы HeadHunter) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2017. – №6 (142). – С. 232-249.
17. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) // *Социологические исследования*. – 2015. – №. 12. – С. 99-110.

GRAPHIC HUMOR OF THE COMIC "HARMSINIADA" BY ALEXEY NIKITIN

Chuiikova Valeria Valeryevna, Undergraduate student, Higher School of Economics, Moscow

The concept of the study is to look at the comic through the eyes of a modern person and understand why we might be interested in it. We will draw up a formula of interest on the example of a particular work that has this property. The content of the study is built on three parts - immersion in the context, analysis of graphic techniques and analysis of conceptual techniques that are used in the comic. The purpose of this visual study is to analyze, using the example of the book "Harmsiniad" by Alexey Nikitin, how graphic stories about popular personalities and events should be approached in such a way that it is new, interesting and ironic. This is a study on how to make artistic images from the last century relevant now.

Keywords: visual research; Harmsiniad, graphic novel; visual art; graphics.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-10.5

ГРАФИЧЕСКИЙ ЮМОР КОМИКСА "ХАРМСИНИАДА" АЛЕКСЕЯ НИКИТИНА

УДК 76.01

БАК 5.10.3/17.00.04

© Чуйкова В.В., 2022

Концепция исследования состоит в том, чтобы взглянуть на комикс глазами современного человека и понять, почему он нам может быть интересен. Мы составим формулу интересности на примере конкретного произведения, которое обладает этим свойством. Содержание исследования построено на трех частях – погружение в контекст, разбор графических приемов и разбор концептуальных приемов, которые используются в комиксе. Цель этого визуального исследования – разобрать на примере книги "Хармсинада" Алексея Никитина, как стоит подходить к графическим историям о популярных личностях и событиях так, чтобы это было ново, интересно и иронично. Это исследование о том, как сделать так, чтобы художественные образы из прошлого века были актуальны сейчас.

Ключевые слова: визуальное исследование; Хармсинада, графический роман; визуальное искусство; графика.

Концепция визуального исследования

Русские писатели стали личными брендами, о жизни которых ходят легенды. Говорить о людях, про которых практически всё сказали – сложная задача, и художник Алексей Никитин находит способ сказать об этом по-новому, создавая "Хармсинаду" – комикс из жизни писателей. Помимо изученности и внешней понятности, жизнь русских писателей обычно ассоциируется со штамповыми историями из школьных учебников, но, благодаря графическому сторителлингу, "Хармсинада" превра-

ЧУЙКОВА Валерия
Валерьевна,

магистрантка, НИУ

Высшая школа экономики,
Москва

щается в актуальную книгу, которая рассказывает о писателях в ироничной форме и не даёт бросить себя читать.

Концепция исследования в том, чтобы посмотреть на комикс глазами современного человека и понять, почему он нам может быть интересен. Мы составим формулу интересности на примере конкретного произведения, которое обладает этим свойством. Это будет визуальная распаковка. На этом же построено и содержание исследования: его можно разделить на три части – погружение в контекст, разбор графических приемов и разбор концептуальных приемов, которые

используются в комиксе.

Цель этого визуального исследования – на примере книги "Хармсиада" Алексея Никитина разобрать, как стоит подходить к графическим исто-

риям о популярных личностях и событиях так, чтобы это было ново, интересно и иронично. Это исследование о том, как сделать так, чтобы художественные образы из прошлого века были актуальны сейчас.

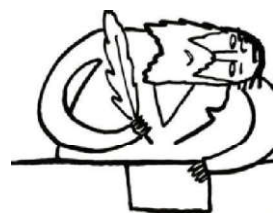
Гипотеза, которая сложилась при анализе книги, звучит так: графический юмор – это язык, способный оживить академическую историю и может быть применим в контексте осмысления классического искусства.

Как автор исследования я хочу сказать, что пишу про графический юмор, чтобы знать всё о том, почему мы смеёмся и как заставить другого человека смеяться. Ответить на этот вопрос можно только обратившись к художественной литературе, которая превратила в анекдот самих писателей. В точке литературного и изобразительного смеха встречается "Хармсиада", поэтому она будет отличным примером, чтобы рассказать про то, из чего рождаются мемы.

1. Погружение в контекст

1.1. Наше всё

Пушкин, по тому как мы его себе представляем, сидя за ученической партой, – тот, кто доест с нами кашу и тот, кто как Мистер Пропер и Супермен, способен сделать всё, что не хотим делать мы. Пушкин крайний и в этом комиксе. Аналогия с Суперменом неслучайна, потому что у Пушкина колёса вместо ног на одном из первых фреймов комикса. Помимо Пушкина есть ещё Лермонтов, Достоевский, Толстой и Гоголь. Персонажи – больше карикатура не на самих писателей, а на образ писателей, поэтому "Хармсиада" не фанфик, не мем, а графическая история, которая построена не на бытовой шутке, а на художественной литературе и

игре слов. Но помимо словесных инструментов есть ещё и художественные.

1.2. Тушь и перо

Пушкин и все его писательские друзья писали чернилами и пером. И рисовали тоже. Пушкин нарисовал свой знаменитый портрет в профиль пером. Из этого можно сделать вывод, что Алексей Никитин создал свой комикс в ценностях Пушкина. Цвета в комиксе нет, только черно-белая графика, потому что всё черно-белое выглядит более классически и

более взросло. Этот стереотип идёт от того, что черно-белые фотографии и фильмы появились раньше цветных. Поэтому в комиксе царит обстановка девятнадцатого века, который ещё не окрасился в полноцвет. В подтверждение атрибутов двадцатого века появляются карикатурная колонна и заглавные буквы, как фрагментарный академический реверанс. Он идёт по умолчанию. Но мысли о классичности навевают воспоминания об учебнике литературы, на котором хочется уснуть.

1.3. Учебник, на котором хочется уснуть

Все биографические истории скучны и не каждому интересно, как дела у Толстого, как бы мы не делали вид. Главное ощущение от комикса "Хармсиада" – разнообразие. Пятна находятся в балансе и чёрное на белом перебивается белым на чёрном. Эта динамичная жизнь писателей на контрасте с большими томами их текста смотрится комично, потому что в этом кроется сюжетный поворот, работающий на стереотипе: писатели не могут весело жить, потому что они всё время пишут. Но рыбы тоже разговаривают в мультфильмах, хоть в жизни они молчат. В некоторых случаях стереотип можно обыграть, и тогда на помощь приходит буквальность.

1.4. Буквальность

Буквальность – главный юмористический приём "Хармсинады". Нужно показать уничтожение взглядом?

Просто пунктирная линия от глаз одного героя до глаз другого. Эмоции героев изображаются при помощи традиционных элементов комиксов: лучей возле головы или скобок, обозначающих, что колокольчик в руке у персонажа звенит. Автор находит самые простые решения, которые рассказывают информацию в лоб, но ничего сложного в этих историях и не может быть, потому что золотой век – это романтика и простой язык, в котором есть место классике, но не модернизму. Так и выражается в простых деталях это свойство классической буквальности. В основном, картинка у Никитина повторяет текст, но в этом всегда есть визуальная драматургия.

1.5. Драматургия

Книга поделена на несколько историй, и быстро сменяющиеся сюжеты не дают ничего пропустить. Жанр комикса не чистая комедия, а драмеди, потому что с героями всегда что-то происходит, и они на грани того, чтобы подраться друг с другом. В комиксе много конфликтного напряжения. Насыщенность и полнота полей заметны сразу, а значит, на каждой странице читатель проведёт немало времени. Такая структура соответствует длинным классическим произведениям. За основу драматургии взя-

та комедия положений: быть в положении русского писателя девятнадцатого века уже невообразимо, так ещё и вступать в дискуссии с другими писателями и что-то с ними делить – вообще сложно представить. Это главная драматургическая концепция, которую поддерживают приёмы графического юмора.

2. Разбор графических приёмов

2.1. Графический юмор

Графический юмор – понятие незафиксированное в словарях определений. Линии сами по себе не могут быть смешными, как и слова. Но их сочетание друг с другом может вызвать комичный эффект. Толстая лошадь кажется смешной от того, что такого свойства у лошади обычно не бывает. А самое смешное животное в традиционных представлениях – это обезьяна. Обезьяны смешны своими позами: они выгибаются в непредсказуемом направлении и могут чешать уши ногами, мы же считаем, что ноги нужны не для этого. Позы, похожие на позы обезьян, использует и Алексей Никитин для русских писателей. Герой у него может встать в позу Фета, поставив руки не на талии, а прямо под подмышками. Более того – руки всех персонажей писателей похожи на лапки, потому что они очень короткие. Поэтому по формообразованию писатели больше животные из мультфильмов, чем люди. И фазы их движений содержат особые анимационные ходы.

2.2. Анимационные коды

Пушкин яростно машет руками, и их становится не две, а четыре. В комиксе совсем нет основного фона и среда не проработана, так же и в простейшей покадровой анимации. Когда Пушкин падает, вокруг его рук образуются дуги, рассекающие воздух. Направление движений всегда показывается вспомогательными штрихами и линиями, и от этого у линий появляются свои характеры.

2.3. Характеры линий

Алексей Никитин сделал так, что нам смешно от характера его линий. В его графике преобладает три типа: тонкие ровные линии, которые создают полосатость, линии завитки кривого характера и контурные линии. Это и есть основные приёмы линейной графики "Хармсинады". Никаких других способов рисовки здесь нет, оттого и создаётся лёгкость рисунка при большой насыщенности событий. Каждой линии стоит посвятить отдельную главу, потому что обозначают эти линии совершенно разные вещи, именно поэтому им даны говорящие названия.

2.4. Линии с кривым характером

Кривые линии – это сигаретный дым, прутья заборов, волосы Пушкина, трава и

даже буквы. Эти линии создают визуальную рифму с кудрями Пушкина и добавляют немного Пушкина ко всему, где встречаются линии такого характера. Кривые линии часто соседствуют с контурными.

2.5. Контурные линии

Всё, что и образует персонажа. Из-за них весь комикс решён в плоскости. Контурные

линии всегда замыкаются и имеют почти одну толщину. Так они становятся похожими на буквы. Часто внутри контура или за ним есть полосатые элементы, которые в свою очередь

выполняют иную функцию своей полосатостью.

2.6. Полосатость линий

Полосатыми бывают фактуры предметов и плоскостей, иногда очертания персонажей. Это самые тонкие линии в комиксе, которые задают ритм. Полосатые линии составляют средний тон – заменяют серый цвет в комиксе, и элементы, освещенность которых выражены не ярко, решаются именно полосатыми линиями. Полосатые линии всегда вертикальные, но есть и одна горизонтальная линия, которая скрывает за собой неожиданную тайну.

2.7. Земля оказалась плоской

Самая главная полоса, которая есть на каждой картинке – это линия горизонта. Она всегда одинаковая. Все картинки нари-

сованы с одного ракурса, и в этом есть наивность.

2.8. Наивно? Очень

Эти картинки не опираются на знание академического рисунка. Такие представления о пропорциях и манера рисования есть у детей. Писатели не похожи на обыкновенных людей, но очень похожи на себя, потому что в изображениях передаются главные черты их внешности – бороды и прически, острые или мягкие очертания лица.

Сама классика очень романтична и наивна. Все произведения русских писателей опираются на нормы морали и воспевают любовь к ближнему, отражая мир в романтическом контексте, и это накладывает отпечаток на отношение к предметам их описаний: серый грязный Петербург Достоевского романтизирован эстетикой отвратительного, произведения Пушкина сами концентрируются на романтизации существования.

Сейчас современные люди относятся к классике преимущественно иронично из-за её правильности и наивности – именно такими и изображены писатели в комиксе. Контекст классики сочетается с графической иронией её приторной романтичности.

В этот момент назревает вопрос про шрифт: во многих случаях именно благодаря ему мы понимаем истинный жанр картинки, а "Хармсинада" насыщена бамбуками и имеет особый леттеринг.

2.9. Леттеринг и бабблы

Текст в комиксе делится на два типа: бабблы и надписи. Прямая речь и мысли обозначены бабблами, а нарратив рассказчика – надписями. В "Хармсинаде" есть два шрифта: жирный акцидентный декоративный шрифт, которым написаны заглавия и введение, и рукописный шрифт, который иронично намекает на то, что все книги раньше писались руками.

Иногда в тексте есть буквы, которые выписаны по-классически и имеют объём, это тоже создаёт комичный эффект, потому что между буквами случается комедия положений. Так же буквы, как и другие элементы повествования, имеют свою разную пропорциональность.

2.10. Пропорциональность

Неуравновешенные фигуры часто встречаются в картинках Алексея Никитина. Тонкие руки писателей определяют их бытие: в них не будет мускулов, потому что они постоянно держат самый легкий в мире предмет – перо.

Маленькие руки-лапки сочетаются с большим туловищем, и все герои имеют округлую форму, хотя мы знаем, что Достоевский и Гоголь были худыми и длинными, потому что им нечего было есть. Но Толстой, Пушкин и Лермонтов в большинстве – они были обеспеченнее и круглее, а значит, лекало русского писателя взялось из их совокупности.

В этом есть комичность, потому что писатель здесь измеряется внешним образом, а не внутренним содержанием, а следовательно, перед нами усреднённый образ писателя, как яркого представителя богемы.

3. Разбор концептуальных приёмов

3.1. Продюсер Пушкина или большая метонимия

Возможно, Пушкин знаменитее своих текстов, как Ван Гог знаменитее своих картин. "Войну и мир" тоже читали не все, но продюсеры бы сказали, что у Льва Толстого

сильный личный бренд, состоящий из крестьян, бороды, усадьбы на Ясной Поляне и предложений на одну страницу. Работа с такими селебрити очень зависит от времени, так как построить повествование на имени известного героя – черта современного мира. Авторитет Гоголя бесспорен, ведь Гоголь, Толстой, Пушкин, Достоевский и Лермонтов лежат на книжных полках у каждого из нас, и может быть, даже висят портретами на стенах. Место этим людям есть у каждого, и если кто-то лежит на нашей полке – значит, что он нам не чужой, ведь именно на нём строится наша кухонная метонимия. Нам важнее "читать Пушкина", чем читать "Капитанскую дочку". Из-за этих черт "Хармсинада" не может не быть популярной, потому что держится на сильном личном бренде русского писателя, который почти что свят, но на самом деле махров.

3.2. Махровые писатели

На самом деле такого слова не существует. Но оно обозначает человека, который состоит из стереотипов о своей профессии. Профессия писателя, например, подразумевает именно то, что и изобразил Алексей Никитин: хождение в цилиндре, гусиные перья, постоянное сидение за столом. Все эти приёмы утрированы и гиперболизированы, и повторяются по несколько раз. Эти повторения актуализируют и высмеивают стереотипы. Но в связи с этим называют неудобные вопросы.

3.3. Неудобные вопросы

Самый неудобный вопрос: а не задевает ли этот комикс чувства писателей? Хотели

ли они быть комичными и утрированными? Конечно, это анекдот, и они уже умерли, но... обычно, дальше этого "но" никто не договаривает. Именно здесь к нам и приходит усреднённый образ писателя из гра-

фической пропорциональности. Это не сам Пушкин и Гоголь – это их собирательный образ. И отсутствие прямого внешнего сходства тоже делает эту тему корректной и обходит оскорбления чувств "мертвых" писателей, и единственная вещь, над которой мы смеёмся – это нелепость ситуации, а люди, попавшие в неё, отходят на второй план. Именно такой результат графического юмора – самое важное.

3.4. Самое важное

Личный бренд писателя и актуальный нарративный комикс – содружество мейнстримов, которые смогли сделать девятнадцатый век актуальным для современного мира. Самое важное в этом не только ирония над стереотипами, но и истинная романтичность и обаяние историй. Мы узнаём героев, как людей, смеёмся над ними и понимаем проблемы.

И что? (Вместо заключения)

Графический юмор – то, что заставляет нас смеяться из-за гипербол и линий. В нем есть свои приёмы, точно так же, как и в литературе есть ирония, сатира и гротеск. Да, писатели умерли и превратились в анекдоты, но они живут не только в своих произведениях, но и в живом графическом языке, а значит этот инструмент действительно может работать и воздействовать на читателя.

Источник исследования:

Никитин А. Хармсинада. Комиксы из жизни писателей. – М. : Бумкнига, 2017. – 112 с. – Эл. режим: <https://boomkniga.ru/shop/books/yumor/harmsiniada-3/>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа в РИНЦ выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Публикуется за счет средств издательства. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" издается по следующим отраслям наук: 10.00.00 Филологические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политические науки; 24.00.00 Культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАВТ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегия журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее* – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходи

мости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Стоимость печатного экземпляра с учетом почтовой пересылки по РФ (по запросу автора) – 1600 руб./1 экз.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6 Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____

1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____

1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____

1.9. Название статьи _____

4. 2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4. 3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социологические науки

УДК 316.74

ВАК 22.00.00

Иванов И.И., 2020

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.